

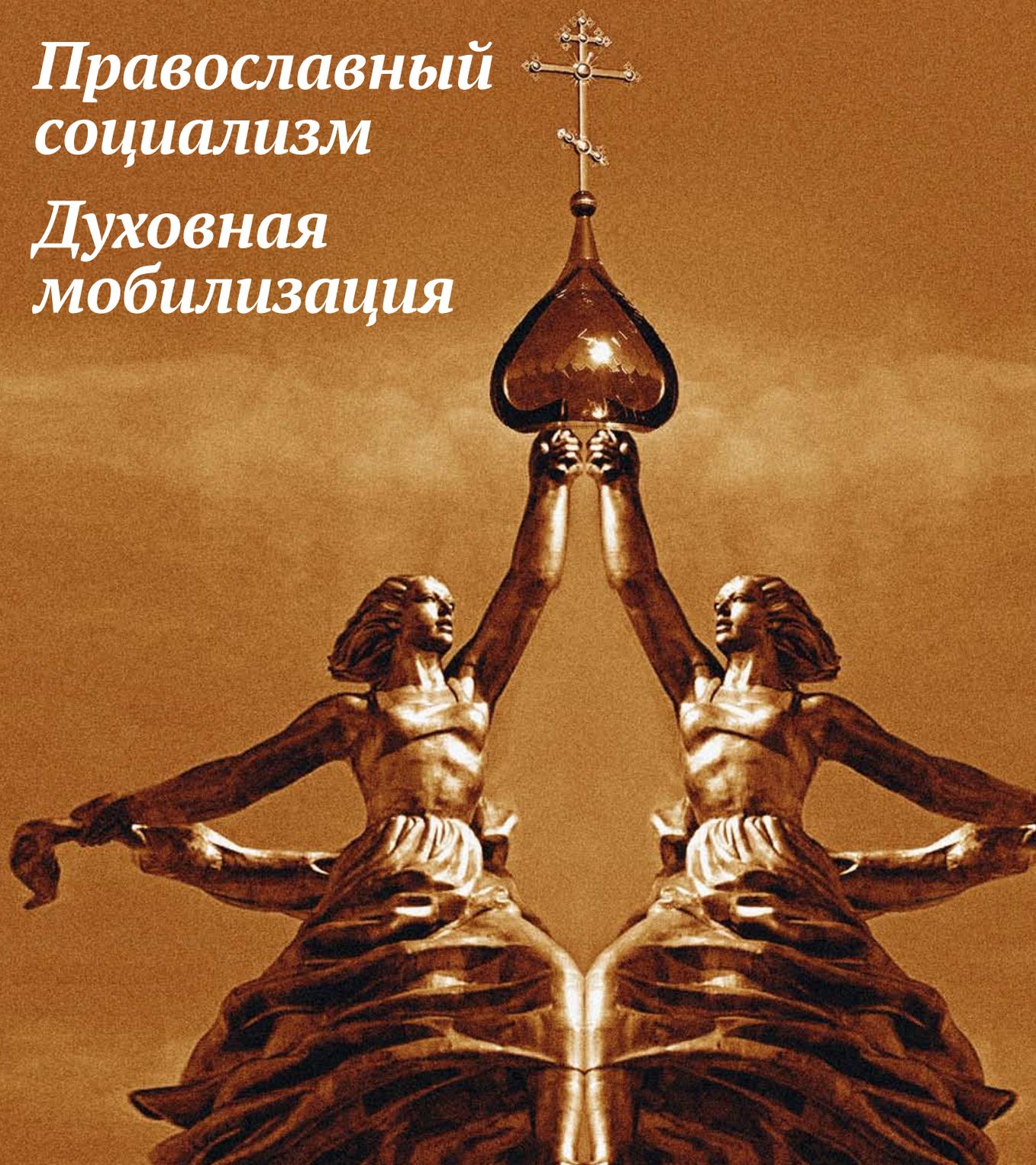
ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 2(38), 2016

*Православный
социализм*

*Духовная
мобилизация*

*Выпуск журнала проиллюстрирован циклом работ фотохудожника
Андрея АФАНАСЬЕВА под названием «Кресты и звезды».*

*Самое сильное впечатление от путешествия по Русскому Северу — это кресты
и памятники павшим.*

*На памятниках, по воинской традиции, — звезды. Они же на домах ветеранов.
На иных избах по три, четыре звезды — столько фронтовиков вернулось под эту
крышу. Дому вроде бы повезло, но разорение деревни довершило чёрное дело
войны. Перекрытия провалились, внутри, за окнами растёт бурьян...*

*В последнее время власти перестали скрывать военные потери, на памятниках
пишут полные списки и павших, и вернувшихся — израненных, усталых. Число
павших всегда превышает число выживших. И в обоих списках чаще всего
намного, намного больше имён, чем осталось жителей в почти покинутой
деревне.*

*Кресты обетные, поклонные... Старинные, в три роста, сплошь покрытые
буквенной резьбой. Сгруппированные по четыре буквы: ДДДД — Древо Доброе
Досада Дьяволу. Те же буквы на другой стороне креста — Древо Дарует Древнее
Достояние. Словом Спасает Сего Славящих... Пою Почитаю Поклоняюся
Подножию... Христова Хоругвь Христианам Хвала... Почти никто уже
не помнит смысл повторенных букв (мне помог расшифровать их мой товарищ,
книжник Денис Пересторонин), но люди кланяются крестам, охраняющим входы
и выходы из деревень, несут к ним платки, полотенца, иногда игрушки — в знак
молитвы о здоровье детей. Есть кресты «охотничьи», «рыбацкие»... на один
такой, обвешанный сетями, я прикрепил свою блесну.*

*Могучие кресты выстояли в советское время, а сегодня в дополнение к старым
ставятся новые. Всё больше крестов сооружают по всей России на въездах
в большие города. В то же время герои великой войны как будто воскресают
в народном сознании на фотографиях «Бессмертного полка».*

Вера возвращается. Возвращается память.

Андрей АФАНАСЬЕВ

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Духовная мобилизация
- 10** **Вокруг православного социализма**
(на круглых столах Изборского клуба)
- 26** **Алтари и заводы**
(заседание в Курске)
- 36** **Рывок в новый век**
(заседание в Орле)
- 44** **Христианский социализм – приручение дракона**
(доклад группы экспертов Изборского клуба под редакцией
Виталия АВЕРЬЯНОВА и Александра ЕЛИСЕЕВА)
ВВЕДЕНИЕ (стр. 45)
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ, КОТОРЫЙ УЖЕ БЫЛ (стр. 46)
ЧЕТЫРЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛИЗМА (стр. 46)
ПОНЯТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАЧАЛА (стр. 48)
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ИСТОРИИ (стр. 50)
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СОЦИАЛИЗМ, КОТОРОГО ЕЩЁ НЕ БЫЛО (стр. 55)
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ (стр. 55)
«ВЫСОКИЙ СОЦИАЛИЗМ» – РЕЛИГИОЗНЫЙ,
НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ОБЩИННЫЙ (стр. 58)
СТРЕМИТЬСЯ К БОЖЕСТВЕННОМУ,
ЧТОБЫ ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ (стр. 61)
К НОВОМУ УКЛАДУ – СОЦИАЛИЗМУ СООБЩЕСТВ (стр. 67)
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (стр. 71)
- 72** Александр АГЕЕВ.
Православие и социализм: естественный симбиоз?
- 78** Михаил ТИШКОВ.
Два социализма
- 82** Валерий КОРОВИН.
Православный социализм – формула русской силы
- 88** Александр ПЫЖИКОВ.
**О происхождении реального русского социализма.
Старообрядческий «след»**
- 98** Егор ХОЛМОГОРОВ.
О нерешенной проблеме социализма
- 106** Библиотекарь
- 108** **Хронология мероприятий клуба**
- 109** Стихи Нины КАРТАШОВОЙ.
«Но мы убелены самой Россией...»

2

10

78

82

98

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 2(38), 2016 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Андрей АФНАСЬЕВ, Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 27.04.2016

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1200 экз. Заказ № 0688

/ Александр ПРОХАНОВ /

Духовная мобилизация

НАША МЕЧТА

Я слушал обращение президента к Федеральному собранию в Кремле, в восхитительном Георгиевском зале, среди белоснежных мраморных плит, на которых золотом высечены имена георгиевских полков, батарей, экипажей. Триумф героев, сияние былых побед вдохновляли слушателей, внимавших президентской речи.

В зале сидели боевые лётчики, прилетевшие из Сирии, где они громили штабы террористов, их военные склады, бензовозы с контрабандной нефтью. Прямо из Кремля они вернутся на аэродромы Латакии, сядут в боевые машины и продолжат сражаться. И это придавало нашему собранию ощущение чего-то грозного, важного, фронтового. Рядом с нами сидели вдовы погибших в Сирии воинов — лётчика и морского пехотинца. Это вносило в наше общение нечто поминальное, торжественное, слёзное, церковное, а также клятвенное. Мы продолжим дело, которое они не довершили, довершим разгром врага и выполним их наизидание, их завет.

Речь президента была очень напряжённой. Направленной к народу в тревожные моменты его истории. Сегодня государство Российское окружено напастью, вызовами, как внутренними, так и внешними. Оно проходит сквозь сверхплотные слои русского исторического времени. И космический корабль государства Российского пройдёт сквозь этот сгусток тревог, продолжит свой полёт в мироздании. После небытия 90-х годов наше государство, несмотря на все затмения и печали, продолжит своё восхождение и расцвет. И никакие напасти, никакие невзгоды не прервут этого исторического восхождения.

На дворе кризис, экономическая непогода. Растут цены. Закрываются заводы. Целые промышленные комплексы испытывают такое напряжение, что, кажется, вот-вот исчезнут. Люди теряют достаток. Всё труднее кормить семью. В дома приходит

уныние. Путин внушал уверенность, что это преодолимо.

В народе, в научных кругах, в правительстве идут дискуссии и споры, что будет дальше, как одолеть кризис, каковы рецепты развития. Может быть, через новую мобилизацию, через жёсткое регулирование, через создание государственной мобилизационной экономики? Путин сказал, что решение лежит в другой плоскости. Необходимо инициировать человеческую активность, страсть к предпринимательству, к созданию новых рабочих мест. На это направлена вся государственная деятельность, воля, весь пафос государственного строительства в тяжёлый для русской экономики момент.

Когда в России пасмурно, трудно, когда на русский народ и на государство Российское надвигаются беды и напасти, нас спасает наша устремлённость в грядущее, наша великая мечта, порыв к возвышенному, почти недостижимому.

«Русская Арктика» — проект Северного морского пути. Арктика сегодня для нас — тоже область мечты. Это ослепительная, из хрустальных льдов страна, которая в нашем сознании иногда восстаёт, как земля обетованная, где нет тёмных пятен, нет напастей. И там, среди хрустальных снегов, мы обретём нашу чистоту и целостность. Мы строим подводные лодки и нарекаем их именами святых князей. Добываем нефть со дна Ледовитого океана, работая под полярными радугами. Летим на воздушном шаре над Северным полюсом и играем в снежки на полярной льдине.

Или русская мечта о бережной кормилице-земле, которая всколосит невиданные урожаи, родит небывалые плоды. Русская земля — это скатерть-самобранка, способная накормить всё человечество.

Наша мечта о русском благоденствии, о многодетных и счастливых семьях, наша уверенность в том, что «нашему роду нет переводу». Мрачные пророчества, злопахательства наших недругов о том,

что пройден русский крест, что мы — исчезающая, вымирающая нация, не состоялись. Мы уцелели, будем множаться и заселять наши пустующие пространства новыми поколениями русских людей.

В дни испытаний, когда страну окружают недруги, нам, русским людям, россиянам, преодолеть невзгоды помогает ощущение справедливости, духовного и материального равенства — равенства перед трудностями, перед законом. В эти тяжёлые времена мы должны ощутить незыблемую русскую мечту о справедливости, о праведном, божественном бытии. Чтобы были равны перед законом и перед Господом Богом, кем бы мы ни были — маленькими служащими, клерками или могущественными главами корпораций. Должны почувствовать, что мы — одно целое, один народ. Разделение на богатых и бедных, на властных и безвластных должно быть преодолено в потоках русской вселенской справедливости.

Залогом того, что мы выстоим и двинемся дальше, является верность нашим глубинным постулатам, принципам, которыми в течение всех тысячелетий мы формировали государство Российское. Переплывали страшные ямины смутных времён, преодолевали громады возводимых перед нами враждебных препятствий. Постулат о том, что государство Российское — многонациональное, многокультурное, многоукладовое, многоязыкое, многопесенное. Каждый народ, который вошёл в копилку наших национальных богатств, велик, драгоценен, неповторим. Несёт на себе своё бремя государственного строительства. Мы все равны. Молимся ли мы Иисусу Христу, Иегове или Аллаху, мы все — россияне.

Ещё один наш постулат — о справедливости. Мечта о бытии, где нет насилия, глумления, нет мерзких коррупционеров, нет разворовывания наших богатств. Драгоценное ощущение нашего единства, общности, верности этим постулатам

Наше государство пройдет трудный период своей истории, оно выстоит, если власть в эти хмурые времена искренне, с открытым сердцем обратится к народу. И тогда Россия пройдет сегодняшние сверхплотные слои русской истории.

является залогом нашего спасения и неизбежной победы.

В момент исторических испытаний нам очень важно, кто наш командир, наш вождь, наш лидер. Я слушал Послание президента, следил за его мимикой, логикой его утверждений, и у меня возникло странное чувство, что не он, Путин, управляет государством Российским, а государство Российское, выбрав его своим зодчим, — оно управляет им. Оно нацеливает его волю на достижение русской победы.

РУССКИЙ — ЗНАЧИТ ОДУХОТВОРЁННЫЙ

Председатель правительства Дмитрий Анатольевич Медведев выступил перед журналистами и поделился своими взглядами на состояние отечественной экономики. Его суждения были гладкими и отшлифованными, как морская галька. Однако, рассматривая и разбирая разноцветные камушки его суждений, можно было понять — положение экономики тяжёлое. Кризис продолжается, народ живёт тяжело. Премьер рассказал о методах, которые предлагаются правительством в антикризисной программе: экономическое стимулирование, финансирование промышленных отраслей, управленческие новации. Уверял, что этот мучительный период будет преодолен.

Ни слова о смене экономического курса, удалении из правительства виновников экономической катастрофы. Нам снова придётся уповать на стоицизм народа, на его долготерпение. Нужно верить в то, что народ не впадёт в уныние, пессимизм, в печаль и отчаяние.

Я только что вернулся из Курска. В городе, в районах, где я побывал,

в сёлах, монастырях я увидел одухотворённых людей. Под Курском есть город Курчатов, где работает могучая атомная станция. Громадные блоки, корпуса, коммуникации, высоченная, уходящая в небо полосатая труба. Готический стальной лес высоковольтных мачт и станций. Рядом с этой, уже вырабатывающей свой срок станцией расстилаются поля и пустынные степи, заснеженные, чёрные, продуваемые жёстким зимним русским ветром. Под черной багровой зарёй я разговаривал со строителями, инженерами, монтажниками, специалистами по атомной энергетике. Мы стояли на раскалённом ветру, и они показывали мне места, где через несколько лет возникнут современные блоки, энергетические мощности, реакторы нового типа, заработают великолепные огромные турбины и генераторы.

На этих пустошах уже вспыхивают ручьи сварки, загораются огни первых строек. И хотя заря была тревожная, кроваво-красная, а русские степи — очень суровые, жестокие, я убеждён, что станция будет построена, и отсюда, из этих степей, полыхнёт грандиозный свет в нашу экономику, в промышленность.

В Курске я познакомился с удивительными молодыми мужчинами. Необычное сообщество, какого я прежде не наблюдал. Они называют себя «Русской улицей», их вдохновитель — Валерий Акиншин. Это не политическое объединение, не рабочая артель, не военный клуб. Это духовное братство, которое соединяет в себе крепких русских людей, поставивших себе целью выстоять перед напором жестоких стихий, что врываются в нашу жизнь и травмируют сознание, волю и дух народа.

Все они — семьянины, проповедуют идею отца, защитника, добытчика. Все занимаются спортом, их окормляет священник. В сложный период нашей государственности, когда на дворе дышат угрозы, когда в Сирии идёт бомбардировка позиций ИГИЛ, они сосредоточены. Всматриваются в свою душу, в свою память. На сегодняшние грозные вопросы ищут ответы в необъятных массивах русской истории. И всё новые и новые люди приходят к ним. Я видел, как братство собирается на свои философствования, сражается на борцовских коврах, слушает музыку.

Там же, под Курском, в предзимней степи, среди серых, пронизываемых ветром перелесков, я побывал в удивительной усадьбе князей Барятинских Марьино. Озарённый иллюминацией великолепный белоснежный ампириный дворец с колоннами, с мезонином, со службами. В танцевальных залах, в их гулких пространствах я слушал камерный оркестр под управлением дирижёра Сергея Проскурина, почётного члена всевозможных музыкальных обществ Европы. Элегантные, изысканные музыканты, мужчины и женщины. Скрипки, виолончели, альты. Исполняют Вивальди, божественного Свиридова, восхитительного Чайковского. С каким восторгом слушали их люди!

Эти музыканты играют по деревням и городкам Курской губернии, выезжают на гастроли в Стокгольм, в Париж, музицируют в лучших концертных залах Европы. Дают по два десятка благотворительных концертов в год. Играют перед ветеранами, инвалидами, в детских домах перед детьми с нелёгкой судьбой. Музыканты рассказывали, как преобразуются дети, как сияют счастьем их глаза, как их бледные лица покрываются румянцем.

Эти одухотворённые артисты слышат музыку русских пространств и переключаются на свои скрипки и виолончели.

Я побывал в городе Рыльске. Раскинутый на холмах древний город,

в котором до недавнего времени зияли руины церквей. И вот из руин возродился Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь. Достраиваются его церкви, возводятся монастырские стены, создаются паломнические дома. Со всей России автобусами, машинами, пешим ходом тянутся паломники, чтобы узреть светочи веры, напитаться духовной радостью и чистотой. Если паломников столь много, если так разнообразны эти люди, значит, они находят в монахах, в настоятеле монастыря игумене Романе отклики на свои печали, страхи, на свои надежды. Слышат от них пророчества. Эти одухотворённые люди, которым нет числа, живут не только заботами о своей плоти. Они живут небесами, поэзией, творят духовные ценности.

Я вспомнил об этих людях, слушая премьер-министра. Наше государство пройдёт трудный период своей истории, оно выстоит, если власть в эти хмурые времена искренне, с открытым сердцем обратится к народу. И тогда Россия пройдёт сегодняшние сверхплотные слои русской истории.

ХЛЕБ ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ

Кругом только и разговоры: нефть, баррели, курс доллара, котировки, фьючерсы... Безумная карусель. Человек помещён в вихри сумасшедших понятий. Среди них невозможно найти успокоение. Невозможно изобретать машины, писать книги, совершать научные открытия. Неужели везде так?

Прав был Николай Васильевич Гоголь: «Надо проехать по России». И я проехался. Побывал в Орле, на Орловщине. Не скажу, что это рай земной. Что люди там живут припеваючи. И там трудно, и там худо. Иногда случаются ужасные напасти. Но человек живёт и действует. Например, «Агрофирма Мценская». Огромное хозяйство: скотные дворы, быки, пажити. Это государственное хозяйство, оно сбережено с советских времён. Когда пришли либералы и стали устанавливать свои порядки, они повсюду позакрывали колхозы и совхозы, порезали скот. Началось уныние, бесхлебье, бескормица. А в этом хозяйстве люди отстояли своё добро. Не просто выращивают скот, но и занимаются переработкой, производят удивительные колбасы,

копчёности. Россия не умрёт с голоду. Такие земли, пашни — всегда будет хлеб. Столько леса — всегда будет кров над головой.

Или небольшое предприятие «Протон-Электротекс», которое возникло уже в наши дни. Изысканное, точное, чёткое, хай-тек, чистота, люди в белых халатах сдувают с себя каждую пылинку. В цехах уникальные станки. Там делают коммутаторы электротоков. Приборы, которые подают токи на различные силовые машины. Например, один такой коммутатор может подать ток на атомную электростанцию, другой — на мощный тепловоз, а третий может подать ток на электромагнитную пушку, которая разгоняет снаряд до первой космической скорости. Эти изделия никак не свя-

заны с сегодняшними санкциями, с ситуацией на рынках. Их продают в России. Продают в Европе. Некоторые покупает и Америка. У предприятия — доход, люди получают хорошие зарплаты.

Недавно губернатор Вадим Потомский собрал предпринимателей Орловщины и сказал: «Мы сделали всё, чтоб вы здесь получили ответственность и хорошо заработали. Сейчас в стране очень трудно с инвестициями. И в Орловской области трудно. Так будьте любезны, направьте свои капиталы, активы сюда, в нашу область. Вот вам объекты. Вот направления ваших действий».

Предприниматели согласились, думают, выбирают объекты, куда вкладывать свои деньги. Конечно, русский человек хочет, чтобы

у него на столе был наваристый суп, чтоб над головой был кров. Но ведь не хлебом единым жив человек. Помимо хлеба насущного человек хочет возвышенных переживаний, хочет почувствовать над собой необъятное русское небо.

Слово «орёл», говорят, тюркского происхождения. Но орловцы переосмыслили это слово. Орёл — это священная птица, которая является символом евангелиста Иоанна, того, который начинает своё Евангелие словами «В начале было слово». Орёл — это город слова. Здесь родились, писали, действовали удивительные персонажи русской культуры и литературы. Бунин, Лесков, Тургенев, Леонид Андреев, Тютчев, Фет. Здесь создавались восхитительные творения. Творился язык, с помощью

которого русский человек извлекает из бесконечного космоса представление о добре, красоте, подвиге, величии, жертвенности, о бесконечности и бессмертии. Недавно в Орле отыскали неизданные, неизвестные никому стихи Бунина и статьи его раннего пребывания здесь. Издали эту книгу. Событие грандиозное, такое, словно была открыта рукопись из сгоревшей Александрийской библиотеки Аристофана или Эсхила. Это событие наполняет жизнь местной интеллигенции, местных краеведов и искусствоведов.

Орловщина — это места битв, родина великого русского оружия. Это здесь, на Орловщине, ставились засеки, преграждающие татарской коннице путь на Москву. Здесь проходили битвы великой древности. Под Орлом сломалась Добровольческая армия Деникина. Она получила здесь отпор, откатилась назад и больше не появлялась. Здесь же проходила величайшая в истории человечества Орловско-Курская битва. Тут, на северном фланге этой битвы, происходили страшные танковые сражения, шли танковые тараны, тараны в небе, совершались бесчётные подвиги. И эта битва одухотворяет жизнь орловских людей. По всем дорогам, по всем околицам стоят памятники погибшим воинам, памятники великой воинской славы.

В прошлом году, когда по Москве, по Орлу, по всей стране шёл «Бессмертный полк», орловцы задумали собрать на стадионе людей, чтобы те пришли и наполнили собой контур звезды «Героя Советского Союза». Пришло 15 тысяч человек. Они встали и наполнили собой звезду. А потом явилось ещё 15 тысяч, и еще 15, которые не вместились в звезду. Эта мистическая победная звезда была создана из сердец, из дыханий тех людей, кто чтит в себе великую святую победу.

Орловщина — земля святая. Земля монастырей и приходов. В центре Орла стоит Свято-Успенский монастырь, который ещё в недавнее время был в запустении. Здесь была

тюрьма, карцеры, здесь страдали узники. Ныне монастырь возрождён, он восхитителен в своей бело-снежной красоте. Этот монастырь рассылает во все углы Орловщины своих посланцев: ставит там приходы, открывает маленькие обители. Молодые монахини рассказывали мне, что их обитель возникла на пустом месте, где исчезли деревни, поля зарастали хлебом, где было безлюдье. И как только возникла обитель, поставили храм, стал приходить народ. Стала расти община, возникали семьи. Теперь вокруг монастыря — целые слободы. Пашут землю, сажают хлеб, выращивают скот. Жизнь пришла вслед за приходом, вслед за алтарём.

Мне удалось получить благословение у удивительного старца Илия, который своим обликом, своей сутью повторяет традицию русских старцев, блаженных. От него исходят свет, любовь, как будто в этом человеке исчезла плоть, осталось одно лишь сияние, благоговение, одна любовь.

Люди живут и будут жить великими трудами, великими испытаниями, будут преодолевать напасти, но они хотят возвышенного, хотят подняться над своей горькою долей, хотят ощутить себя носителями высоких смыслов. Гоголь сказал: «Надо проехать по России». Я и проехался.

ЦЕЛЬ МОБИЛИЗАЦИИ — ПОБЕДА

России сегодня нужна духовная мобилизация. Мы живём в военное время. Россия ведёт три горячие войны: Сирия — это война, которая будет разрастаться по размерам и непредсказуемым последствиям. Украина — она по-прежнему дымится. Это линия фронта, на которой стоит Россия. Резко обостряется ситуация в Средней Азии, возрастает присутствие там радикалов, экстремистов, ИГИЛ, и мы уже начинаем ощущать палящее дыхание нашей военной базы в Туркмении. В Узбекистане начинает клубиться Андижан. И это тоже линия фронта.

Но помимо горячей войны идёт война холодная, которая ещё опаснее и страшнее горячей. Мы подвергаемся мощнейшему многоаспектному воздействию со стороны Запада. Запад разгадывает наши глубинные национальные коды, наш психотип. Он понимает нашу силу, наши слабости, нашу доверчивость, нашу способность искушаться. Он понимает нашу жертвенность, наше мужество, наше духовное мессианство. И он, зная это, оказывает на нас сложнейшее давление с целью задавить эти корни, выбить из сознания сегодняшнего русского человека положительный образ Родины, нашей ненаглядной России, заменить его каким-то другим образом. Либо чудовищным образом России, у которой тупиковая история, никчёмный народ, нет будущего. Либо образом другой цивилизации, которая сияет, блещет, изумляет мир своими открытиями и откровениями. Эти воздействия пагубны. И на их фоне мы всё ещё слышим из стана либералов разговоры, что России ничего не угрожает, что Россия после 1991 года вышла из конфронтации, что весь мир относится к нам благожелательно, что разговоры об оборонном сознании — это истерия патриотов, в то время как Россия живёт спокойной, гармонической жизнью.

Если такое утверждение наших пацифистов искренно, оно свидетельствует о недалёкости этих людей. Но, как правило, такие разговоры — уловка, которая должна демобилизовать сознание нашего народа, отвлечь его от грозных явлений, требующих от каждого человека глубинного напряжения.

В докладах американских спецслужб, американских военных ведомств по-прежнему говорится о неизбежном распаде России, о том, что Запад будет содействовать этому, что тема прав человека является инструментом воздействия на Россию, как в своё время на Советский Союз.

Над нами витают сложные угрозы. Как на них откликнуться? Что мы должны сделать, чтобы победить

Русская цивилизация в основе своей достигла высот потому, что стремилась к недостижимому, она во многом утопична. Это цивилизация-мечта, цивилизация обожания мира. Русские ставили себе сверхцели — будь то освоение гигантских пространств, построение империи в 12 часовых поясов или создание рая на Земле, как это было в период «красной эры».

и на этот раз, одержав русскую победу? Надо, безусловно, использовать опыт великой, мистической, ослепительной победы 1945 года, которую нам удалось одержать благодаря великому чуду. Ведь враг был сильнее нас. На первых порах он был гораздо многочисленнее, оснащённее нас. Но мы за предвоенные, военные годы сумели создать экономику победы. Сумели сформулировать философию или даже религию победы. Создавали элиту победы, которая шла на фронт воевать. Ни один из сыновей «красной элиты» не уклонялся от фронта, многие из них погибли. У Сталина два сына воевали, один погиб, а другой сражался в небе, сбивал фашистов.

Сегодня нужно и воспринять опыт нашей мистической победы, и реализовать его в наших деяниях.

Мы сегодня — разболтанный народ. Мы привыкли веселиться, стяжать, обожаем супермаркеты, проводим там гораздо больше времени, чем в библиотеках. Смотрим непрерывные сериалы, ток-шоу, которые засоряют нам мозги, отвлекают от мыслей, от серьёзного думания.

Своей открытостью и несобранностью мы как бы отворяем в себе врата разлагающим нас вихрям. А нам необходимо защититься, необходимо собраться, стать серьёзнее, вдумчивее, глубже. Надо относиться ко всем явлениям нашей жизни очень внимательно и бдительно, потому что иногда к нам приходят с пирогами, а когда их разламываешь, там битое стекло.

А нынешняя экономическая модель? Она абсолютно не оправдывает себя. Эта модель трижды повергала нас в кризисы: только-только люди разживутся — жесточайший вихрь уносит у них накопленное. Эта модель гарантирует нам постоянное падение в экономические ямы. Она держит наш народ в деревнях, небольших городках в ужасном, полунищенском состоянии.

Наше государство выросло из той одежды, в которую нас запеленали. Мы — как бабочка, которая хочет разорвать кокон, разрезать своими крыльями хитин и вырваться на свободу. Потому смена экономической модели неизбежна. И блестящий экономист Сергей Глазьев подготовил новую модель. Она — не только экономическая теория о соотношении труда и капитала. Глазьевская теория — это концепция иной России, иной экономики.

Конечно, в нынешних условиях необходимо обратить внимание на нашу элиту. Она ведёт себя бессовестно, беспринципно и безнравственно. В эти трудные моменты, когда вся Россия затягивает пояса, когда в народе тревога, обеспокоенность, элита продолжает свои чудовищные пиры, разгулы, катание на яхтах, покупает за миллиарды долларов виллы за рубежом. Это не элита победы, это элита поражения. Во многом в этой элите гнездится желание вернуть нас в лоно другой цивилизации, в лоно американской сверхдержавы. Элите нужно объяснить, что она должна служить народу, его интересам. Иначе с ней придётся обращаться очень принципиально и жёстко.

В каждом русском человеке живёт идея русского возрождения, русской государственности. Но эти постулаты во многом заброшены, замусорены, их пытались выбить, сколоть зубилом, как сбивают номера угнанных машин, чтобы забыли их. Однако эти коды не уходят из человека, они погружаются внутрь, прячутся от угроз. И они должны быть опять выведены на поверхность. Нужна апелляция каждого из нас к нашим глубинным постулатам, глубинным началам. Мы опять должны ощутить себя бессмертным, непобедимым, великим народом, который и создан Господом Богом на Земле, чтобы быть неодолимым, чтобы вызывать на себя мировую тьму и превращать её в свет.

Мы должны апеллировать к базисным началам: к великим подвигам, к традициям, к русскому мессианству, к таким представлениям, как Святая Русь. Ведь и наша сегодняшняя Россия среди самолётов, заводов, супермаркетов и других проявлений цивилизации по-прежнему является Святой Русью. А наше оружие — огромные военные супермашины, бомбовозы, которые прокатились по Красной площади, — это тоже святое русское оружие. Оно берёт своё начало от мечей, шлемов и щитов великих князей Дмитрия Донского и Александра Невского.

Конечно, нашему народу хочется жить хорошо. Мы никогда не желали жить роскошно, но чтобы был достаток, чтобы над головой был кров, чтобы дети были здоровы. Но наш человек тянется к возвышенному — к очень высокому, часто недостижимым целям. И русская цивилизация в основе своей достигла высот потому, что стремилась к недостижимому, она во многом утопична. Это цивилизация-мечта, цивилизация обожания мира. Русские ставили себе сверхцели — будь то освоение гигантских пространств, построение империи в 12 часовых поясов или создание рая на земле, как это было в период «красной эры». И потому, с одной стороны, мы несли большие потери и уроны, а с дру-

гой — добивались гигантских общечеловеческих целей и достижений.

Наш народ — во многом унылый, неоправившийся от 1991 года, самый большой разделённый в мире народ — поражён этой катастрофой. Но как наш народ воспринял возвращение Крыма! Народ ликовал! Конечно, Крым — тепло, солнце, Ялта, Севастополь. Но не это главное. Свершилось русское чудо. Мы не завоёвывали Крым: не было битвы за Крым, какая была в Гражданскую или в Отечественную войну. Он нам был дарован как чудо.

Как ликовало наше сознание! И богатые, и бедные, и глупые, и умницы — все ликовали. Президент ликовал. Я был на встрече в Кремле, когда он произносил свою крымскую речь. Несколько раз на его глазах появлялись слёзы.

Или поразительный «Бессмертный полк», который прошёл по стране. Казалось бы, что? Людей не осыпали златом. Просто дали в руки маленькие хоругви, на которых были лики их святых — их предков, и люди миллионной колонной, чувствуя своё братство, неразделимость, свою связь с предками, победоносную сияющую силу, прошли по всей России как огромный крестный ход. Это был пасхальный ход. Его вели не священники. Впереди не было креста, но впереди шёл «Христос в белом венчике из роз». Это было чудесное явление, которое воспринял наш народ.

Есть три божественные силы: сила русского слова, сила русского оружия, сила русской веры, религии, чаяние райских высот. О них надо говорить с нашим народом. Эти про-

никновенные слова требуют огня в глазах, требуют замиранья сердца. Мы должны предложить народу не только невысокую цену на нефть, но и великую небесную ценность, русское царствие небесное.

У всех русских людей есть желание свести Небо на Землю, построить рай на Земле. Хотя говорится, что это грешно, рай на Земле нельзя построить. Но вся русская история, весь русский опыт говорит о том, что мы сводим Небо на Землю, строим здесь рай. У нас не получается, мы иногда грешим. Но желание увидеть в каждом камне, в каждом стебле божественную красоту, райскую гармонию — неодолимо.

И именно в нынешний сложный период мы нуждаемся в возвышенных представлениях. Цель духовной мобилизации — победа. За победу!

Вокруг ПРАВОСЛАВНОГО СОЦИАЛИЗМА

В конце 2015 года Изборский клуб провёл ряд дискуссий на тему возможности православного (или христианского) социализма как перспективного идеологического направления нашей общественной и политической жизни. Предлагаем вниманию читателей избранные выступления участников этих дискуссий.

Александр ПРОХАНОВ,
председатель Изборского клуба:

— Друзья, спасибо, что почтили нас своим вниманием. И сразу — к делу. Сегодняшняя Россия — это олигархическая страна. Олигархи сформировали свою экономику, свой уклад, свою этику и даже свою олигархическую культуру и мифологию. В этом укладе мы все задыхаемся. В этом укладе не будет развития, в этом укладе не будет побед: ни военных, ни моральных, ни религиозных. Этот проект себя исчерпал — это чувствуют все, в том числе и сами олигархи.

На смену этому проекту идёт некое неведомое будущее. И любые альтернативы этому проекту должны быть провозглашены как можно скорее, они должны быть обнародованы. Православный социализм — это формула, которая витает в воздухе. Я её слышал от многих известных людей, об этой формуле говорят в монастырях, существует целое направление в православном общественном сознании, которое сегодня можно назвать «православный социализм». А в ещё более резкой форме её можно назвать «православный сталинизм».

Мы все могли бы высказаться на тему православной альтернативы, в какой степени экономика, связанная с банковскими кредитами, ссудным процентом, может находиться во взаимоотношениях с Божьими заповедями, в какой степени она может быть проникнута вот этим духовным, фаворским началом.

Нам предстоит порассуждать на такую тему. Вот русский монастырь — это уклад, способ организации производства, способ воссоединения земного и небесного, способ соединения мистического иррационального с абсолютно рационально-праг-

матическим. В какой степени монастырь может быть прообразом современного российского хозяйства? Мне кажется, что такая альтернатива будет очень важна.

Скажем, Сергей Юрьевич Глазьев создал стройную альтернативную экономическую систему, во многом подпадающую под категорию православного социализма, хотя в своих докладах, в своих выступлениях он этими формулировками не оперирует. И вот повторяю: соединение этой продуманной, академической, подробно разработанной теории с мировоззрением нашей Православной церкви, мне кажется, должно дать поразительный эффект — социальный и моральный.

Геннадий ЗЮГАНОВ,
лидер КПРФ, доктор философских наук:

— Благодарю за приглашение в ваш интеллектуальный клуб. Мы внимательно следим за вашим журналом и многими из ваших разработок пользуемся.

Мы подготовили программу, связанную со столетием трёх событий. Это — столетие февраля 1917 года, столетие Великого октября и столетие Гражданской войны. Мы рассматриваем Гражданскую войну прежде всего как войну пролетарского октября с либерально-масонским февралём. Сам же факт подготовки нашей программы был связан с проведением трёх выдающихся выставок в Манеже: Рюриковичи, Романовы, и вот в последнее время была показана довольно достойно советская эпоха. Не без перекосов, с нашей точки зрения, но тем не менее многое из советской эпохи на этот раз было отражено более достоверно, чем это делалось ранее.

Я писал закрытую записку президенту и членам правитель-

ства о 12 кризисах капитализма за 150 лет истории, при этом два последних системных кризиса закончились двумя мировыми войнами. Новый системный кризис, который разразился в 2008-м году, — одному Богу известно, чем он закончится.

И вот из последнего глобального кризиса мир был выведен во многом благодаря советскому проекту. Этот выход был обеспечен нашей великой победой 1945 года. Я считаю, что на войне мы, умывшись кровью, примирились — и белые, и красные, и репрессированные священники, и казаки. И май 45-го мы встретили единым народом.

А сейчас пытаются снова сталкивать и растаскивать, и в этой связи нам угрожают серьёзнейшие опасности. Одна из них, о чём сказал Путин на сессии ООН: нас пытаются брать в клещи. Американцы подготовили торговое партнёрство со своими сателлитами в Европе. Это партнёрство выдавливает нас с европейских рынков. И если мы потеряем европейские рынки, у нас бюджет вообще развалится, хотя он и так дохлый и хилый. Готовится такое же партнёрство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Оно должно не пустить нас на азиатские рынки, где мы в основном теперь торгуем только сырьём. Вот эти клещи сейчас могут захлопнуться, и нам надо искать противоядие против данной угрозы.

Я согласен с тем, что идеи православия, дружбы народов, соборности и коллективизма имеют у нас тысячелетнюю историю. Они могут и должны быть не только главной духовной, но и социально-экономической опорой. Идеалы социализма, в основу которых заложены справедливость, труд и дружба народов, и идеалы православной культуры, на базе которых

вырастали целые поколения наших державников, сегодня вполне совместимы.

Сергей ГЛАЗЬЕВ,
*академик РАН, советник
президента РФ:*

— Современная ситуация в экономике характеризуется нарастающим хаосом. Экономика вышла из режима какой-либо управляемости. К примеру, мы пришли к таргетированию инфляции и в итоге получили двукратное повышение инфляции. Мы говорим о переходе на инновационный путь развития и в итоге получили дальнейшую деградацию в экономике. Мы говорим о деофшоризации, а получили рост доли иностранного капитала в корпорациях, в промышленности. Мы говорим об импортозамещении, но вместо импортозамещения получили дальнейшее повышение цен. И этот нарастающий хаос — следствие двух процессов. Во-первых, продолжается углубление нашей внешней зависимости от американоцентричной финансовой системы. С другой стороны, во внешней сфере мы оказываемся на острие американской агрессии и вынуждены ей сопротивляться. Явно имеет место диссонанс между финансово-экономической внешней зависимостью и необходимостью суверенной внешней политики, проводимой для того, чтобы выжить.

Наш финансовый рынок на две трети контролируется нерезидентами, а в сфере валютно-финансовых спекуляций доля нерезидентов составляет 90%. Это — прямое следствие проводившейся у нас политики вашингтонского консенсуса, которое выражается рекомендациями Международного валютного фонда. Смысл этой политики очень простой: это подчинение

национального пространства интересам международного, главным образом американского, финансового капитала. Это отказ от суверенитета в области денежной политики, отказ от самостоятельной эмиссии денег и привязка денежной эмиссии только к расширению валютных резервов. До сих пор две трети эмиссии у нас по-прежнему формируются под иностранные источники.

Раньше эта зависимость мало ощущалась, потому что шёл приток дешёвых кредитов из-за границы, наши корпорации назанимали там вместе с государством 700 млрд долларов. Развивалось при этом только то, что нужно было Западу, — то есть экспорт сырья, импорт товаров народного потребления. Уничтожалось всё то, что было нужно для внутреннего рынка. Но вот эта внешняя зависимость проявилась во всей своей мощи, как только мы столкнулись с санкциями. Санкции заключаются в том, что нам прекратили рефинансировать внешние кредиты, и сразу наша денежная база начала сдуваться.

Рубль — самая обеспеченная валюта мира сегодня, наши валютные резервы избыточны, т.е. вдвое больше, чем денежная база, рубль недооценен в 5 раз по паритету покупательной способности. Рубль — самая заниженная в мире валюта по цене, самая обеспеченная при этом и одновременно самая волатильная. Таким образом, нас искусственно загнали в stagflationную ловушку.

Во всём мире развитые страны перешли к денежно-промышленной политике. То есть они заливают экономику деньгами. Уже восемь лет, как идёт беспрецедентная денежная эмиссия доллара, евро, фунта, йены, юаня. Объём мировых валют в долларах, то есть количество доллара,

вырос в четыре раза с 2007-го года. Наша финансовая система сжимается, западная система расширяется. А у нас под разговоры про инновации поднимают процентную ставку, а ещё Шумпетер доказал, что процентная ставка — это налог на инновации и на инвестиции. Мы убиваем нашей макроэкономической политикой переход к новому технологическому укладу и одновременно усиливаем зависимость от внешних источников, потому что экономика идёт туда, откуда приходят деньги. А раз деньги оттуда уже не приходят, экономика сжимается.

Бурно растут Китай, Корея, Вьетнам, Малайзия, Индия. Такие темпы экономического роста демонстрируются на основе новой системы производственных отношений. Это то, что Питирим Сорокин назвал в 60-е годы «интегральным строем»: сочетание плана и рынка. То, что наши экономисты позднее назвали «конвергенцией двух систем». И мы видим, эта конвергенция состоялась, и на наших глазах формируется новая система производственных отношений, новая система институтов, которые кардинально отличаются от глобальной либерализации американского образца.

Если главным движущим мотивом в американоцентричной системе является максимизация прибыли, где бал правит финансовый олигархат, то новая финансовая система ставит перед собой задачу роста народного благосостояния, гармонизацию социально-экономических отношений. Государство выстраивает такие правила игры, чтобы обеспечивать эффективную работу бизнеса в интересах общества. Китайцы называют это социализмом с китайской спецификой, японцы — джапан инкорпорейтед, у корейцев своя система, во Вьетнаме по-прежнему строят

социализм, в Индии элементы этого порядка тоже работают.

Та программа, которую мы предлагаем, это программа перехода на внутренние источники кредита, стратегическое планирование, использование наших конкурентных преимуществ на основе долгосрочного целеполагания и система целевого кредита под низкие про-

центные ставки в соответствии с индикативными стратегическими планами на основе частно-государственного партнёрства.

Вот чего нам недостаёт, так это идеологии. И в этом смысле опыт православной традиции и опыт строительства социализма в нашей стране может дать качественно новый идеологический взгляд, который упорядочит

наше понимание и собственных перспектив, и собственных преимуществ, и наше понимание окружающего нас мира. Нам такая идеология крайне нужна. Она, замечу, отвергается нашими европейскими партнёрами напрочь, хотя там есть и социал-христианское движение, и христианско-демократические движения. Но все мои попытки в Социнтэрне объяснить им, что нужно переходить к консервативному синтезу, опираясь на традиционные ценности, вовлекая религиозные конфессии в формирование идеологического базиса, просто не встретили никакого понимания. Их волнуют однополые браки и прочий сатанизм. К ценностям исконным они возвращаться не хотят, исходя из чего, я думаю, Европа обречена.

У нас за последние два года возник самый настоящий финансовый олигархат, который искусственно вверг страну в кризис. Целью этого кризиса является перераспределение национального богатства в пользу олигархата. И то, что он паразитирует на государственных банках, не делает его не-олигархатом. Кому сегодня подчиняются наши госбанки? Никому. Они занимаются максимизацией прибыли. Иными словами, наша государственная система выродилась в олигархическую. Почему? Потому что нет никакой идеологии. Точнее, есть одна: главное — деньги, главное — прибыль, главный критерий деятельности — рентабельность.

Но при такой идеологии страна обрекается на глубочайшую внешнюю зависимость, потому что мы находимся не в центре, а на периферии этой системы, которая работает по такой идеологии. И находясь на периферии этой идеологической системы, мы не можем управлять собственным разви-

тием. Поэтому вся наша программа отторгается сегодня. Она не воспринимается потому, что доминируют финансовые интересы этой небольшой горстки людей, которые присвоили гигантскую финансово-экономическую власть и поддерживаются со стороны своих внешних партнёров очень интенсивно. Поэтому, мне кажется, выработка новой идеологии, сочетающей традиционные ценности с нашим опытом социально-экономического строительства, вещь крайне необходимая.

При этом по теме сегодняшнего заседания необходимо сказать очень важную вещь. Вся социал-христианская идеология прекрасно подходит к шестому технологическому укладу, где возникает общество знаний, где прибыль не играет уже особой роли, где цены формируются по потребностям. Эта «новая экономика» очень сильно отличается от традиционных представлений, вплоть до того, что в ситуации автоматизации, в режиме создания объектов с заранее заданными свойствами производитель настолько подлаживается под потребителя, что богатому он втирает втридорога, а бедному отдаёт бесплатно. На наших глазах рождается экономика, которая может сочетаться как с православной, так и социалистической доктриной.

Один из признаков новой эпохи: западный мир перешел на отрицательные процентные ставки (как раз и с православием, и с социализмом процент несовместим). Хотя наш Центральный банк всё время ждёт, когда же они от этого откажутся, они от этого не отказываются. И это, похоже, очень серьёзная трансформация. Экономическая политика РФ архаична, и это радикализирует то положение, в котором мы оказались.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
директор Института динамического консерватизма, доктор философских наук:

— Из рассматриваемых нами трактовок понятия «социализм» самым значимым является опыт конкретного исторического уклада. Потому что все теории стоят гораздо меньше, чем этот 70-летний опыт. Безусловно, это тот реальный социализм, явленный в истории со всеми его грехами, пороками и в то же время со всеми его достижениями. Это тот социализм, который должен рассматриваться, когда мы ставим вопрос: возможно ли соединение социалистических идей с православными ценностями.

Однако для нас крайне важно, что социализмом можно называть и определённые старинные традиции русской самоорганизации. Знаменитый спор об общине в XIX веке поставил вопрос о социализме, который существовал в недрах самодержавия в течение многих веков. А значит, можно предположить, что в архетипе русского мужика социализм был заложен задолго до любых теорий. И может быть, именно здесь заключается разгадка того, почему удалось построить в России такой мощный социалистический уклад в XX веке. Ведь крепостной крестьянин (даже не берём государственных крестьян) владел землёй через общину. Часто называли крепостных рабами, но это были рабы-землевладельцы. Собственность это была, конечно, не частная, а в форме коллективной, общинной. Отсюда и представление о том, что земля Божья. Кстати говоря, после завершения Гражданской войны, как показывают современные исследования, большинство крестьян вернулось к общине. Ни столыпинская реформа, ни даже Декрет о земле, который,

безусловно, апеллировал к инстинкту частной собственности, не переломили народное представление о справедливости. В общинных отношениях, при всей их неоднозначности, русский человек видел гарантию от явной социальной несправедливости, от социальных хищников, от скупщиков земли.

Даже Карл Маркс писал, что Россия, обладая такой мощной и развитой общиной и артелью, сможет перепрыгнуть в социализм, минуя все эти трагические периоды «первоначального накопления», которые свойственны западной истории. Эти его письма долго не публиковались, поскольку они указывали на цивилизационную специфику России в противовес прямолинейной марксистской догматике.

Герцен полагал, что можно объединить эти русские общины, эти малые социализмы в единый земский собор — такой республиканский парламент. Безусловно, это была утопия, но ведь если называть вещи своими именами, то и марксизм ведь тоже был утопией. Мы говорим сейчас о некоей конкуренции между утопиями, из которых какая-то одна должна была стать ведущей.

Социализм не был изначально ни атеистическим, ни космополитическим, не был ему свойствен в обязательном порядке и экономический детерменизм. Изначально на Западе широко был распространён христианский социализм. Он возродился в XX веке, в частности, в католической теологии освобождения. Мать Тереза в 86-м году говорила: «Я считаю учение Христа глубоко революционным и глубоко соответствующим делу социализма. Оно не противоречит даже марксизму-ленинизму». Не так давно Уго Чавес говорил: Иисус Христос — наш, он при-

надлежит бедным, он принадлежит тем, кто решает задачи освободительные.

Но здесь, конечно, тоже есть смысловая ловушка, потому что не всякое освободительное движение само по себе адекватно христианству. Оно адекватно ему лишь постольку, поскольку выступает союзником в борьбе с воплощением социального зла.

Например, к «освободительным» течениям можно отнести и так называемое квир-богословие, которое стремится полностью изменить матрицу христианства исходя из интересов всевозможных меньшинств (сексуальных и прочих).

Часто говорилось, что задача социализма — это, прежде всего, преодолеть голод, преодолеть

нужду. Но, с другой стороны, главный вопрос заключается ведь не в том, как преодолеть голод, а в том, ради чего голодать и ради чего насыщаться. Даже утопии своим энергетическим зарядом сообщают человеку вектор его смысложизненных ориентиров. Если утопия ориентирует человека на полный холодильник, то мы и получим в результате недолёт — во всех отношениях. Если же человек ориентируется на воскрешение отцов (утопия русского космизма), то такая планка обеспечивает благородную и, в сущности, довольно точную оценку очень многих жизненных вопросов.

В истории России XX века мы видели два магистральных облика социалистической идеи — это социализм сталинского образца и поздний зрелый социализм, который возник после хрущёвского перелома. Первый социализм был нацелен и направлен на рывок в развитии, в производстве и создании нового индустриального уклада, а также построения принципиально нового типа человека. Второй образ социализма, который постепенно переходил в стадию энтропии, поставил совсем другую задачу — догнать и перегнать Запад по потреблению. Это был очень существенный перелом в установке ценностного ориентира для общества, и когда этот перелом произошёл, постепенно стало ясно, что целевые векторы развития у социалистической и капиталистической систем в общем-то не сильно отличаются друг от друга.

В России, так же как и в Германии, сто лет назад были очень развиты идеи кооперативного взаимодействия. Россия накануне революции была лидером по количеству кооперативов, по количеству промысловых артелей. На Западе это кооперативное движение, социалистиче-

ское по своему происхождению, очень рано выдвинуло лозунг доминирования потребительского товарищества над производительным товариществом. Здесь возникает своего рода игра слов: «потребительское общество» как форма хозяйствования и «общество потребления» как итог социальной эволюции, в котором произошёл синтез социализма и капитализма, частного интереса маленького человека и монополий. В этом смысле социалистическая идея в XX веке была отнюдь не достоянием только восточного лагеря. И речь должна идти не только о модели «шведского социализма» с его решающей ролью налоговых инструментов, но и о своего рода мутации

социализма в направлении потребительства.

Столкнулись две полуправды, а значит, две лжи. С одной стороны, мамонопклонство, узкий эгоизм, а с другой стороны – потребительство, стадный эгоизм. И произошло взаимопроникновение этих двух полуправд, они фактически на определённом этапе выступили заодно. Поэтому, когда мы ставим вопрос о православном социализме, мы, конечно, ставим вопрос об определённом метафизическом перевороте. Потому что полный холодильник, развлечения, свободное время – вот эти вещи, которые были ориентиром прогресса для революционных социалистов, безусловно, не могут задать ту планку развитию человека, которая бы

способствовала действительно его совершенствованию, в том числе и социальному.

Есть определённая недооценка человека, когда мы говорим о том, что он зависит от среды, что если поменять среду, то поменяется и человек. Помимо уровня преодоления нужды есть более высокие уровни человеческой жизни: это творчество, это совершенствование души и ума и ещё более высокий этаж – это служение как преобразование мира. Не всегда творчество и служение становятся возможными благодаря удовлетворению нужды. Очень часто первый этаж удовлетворённых потребностей, напротив, запирает путь человеку к верхним этажам личности.

Православие, идея Христа и социализм как преодоление невзгод мира с помощью труда могут быть союзниками в своём восстании против метафизического зла, метафизической несправедливости. По выражению нашего выдающегося христианского социалиста Сергея Булгакова, зло — это паразит, который вторгся в благую природу творения и живёт в ней. И вот этот паразит меняет свои лики, всё время является в разных обликах. Поэтому идея православного социализма как преобразования социума действительно может быть весьма богатым источником для наших идейных решений в будущем.

**Протоиерей
Александр МИНЯЙЛО,**

*ректор Уральского
института бизнеса,
доктор экономических наук:*
— Дорогие братья и сёстры! Вот уже это обращение «дорогие братья и сёстры» сразу же истирает из сознания такое понятие в существующей экономике, как «конкуренция». Братья и сёстры, какая конкуренция внутри страны? Её надо заменить кооперацией, тогда синергетический эффект будет колоссальный. Новое поколение смутно знает о социализме, который строили в нашей стране. Да, мы строили совершенно новое общество. Да, есть огромные положительные моменты в этом обществе, но есть определённые ошибки.

И поэтому, когда у страны нет цели, какое мы общество строим? Мы должны строить духовно-нравственную цивилизацию, в которой образование, медицина и сам человек являются главенствующими. И поэтому в этой цивилизации должна быть другая экономика, называемая духовно-нравственной. Нравственность — это отношения между людьми. А духов-

ность — это уже высший порядок. И поэтому целевая установка этой экономики совершенно отличается от существующей: существующая базируется только на получении максимальной прибыли. При этом бездуховный человек стремится к комфорту. А в духовно-нравственной экономике общественная задача заключена в том, чтобы народ жил в достатке. И при этом главная задача человека — спасение, приближение к Богу, познание Бога как абсолютной истины. Такого рода мировоззрение меняет полностью экономические категории. К примеру, если в нынешней экономике земля продается, то в духовно-нравственной экономике земля не должна продаваться. Она принадлежит Богу.

Правильно академик Глазьев говорит, что с шестым технологическим укладом меняется и хозяйственный уклад. Исходя из этого, конечно, мы не можем рассчитывать на ту финансовую систему, которая базируется на ростовщичестве. Эта система величайшего греха. Мы должны написать чисто российский учебник, а не учить студентов по американскому «Экономиксу». В противном случае мы воспытаем «птяую колонну».

И ещё одна важнейшая задача — нужно консолидировать народ. Какой программой мы можем консолидировать народ? Мы построили в XX веке величайшую страну, но это породило урбанизацию народа. А Господь нам дал величайшее пространство. Поэтому сейчас мы должны перейти к деурбанизации, расселению народа, когда каждый русский мужик строит свой дом. Не в ущерб ВПК мы возродим таким образом Россию, освоим необжитые пространства. Такая программа объединит народ, потому что без великого общего дела нельзя создать новое общество.

Сергей БАТЧИКОВ,
*председатель правления
Российского торгово-
финансового союза:*

— Попытка втянуть Россию в периферию больного западного общества и заставить жить по чужим законам вопреки собственным историческим и культурным традициям завела страну в исторический тупик и привела к огромным страданиям большинства народа. И кризис до сих пор не преодолен. Обвальная переоценка множества связей российского общества (духовных, социальных, политических, национальных и т.д.) остановила движение вперёд. Оказалось, что отказ от брежневской социалистической модели развития не восстановил Россию автоматически как некую целостную сущность, а, наоборот, оборвал поступательность её государственно-исторического развития. Страна утратила смысл и направление своего исторического существования, в ней воцарился нескончаемый идеологический хаос. Несмотря на некоторую стабилизацию в нулевые, идеологическая смута в России продолжается.

Сегодня на разных уровнях много говорится о возрождении России, о восстановлении былого национально-государственного величия, однако образ будущей обновлённой и возрождённой России пока представляется весьма расплывчатым. А ведь будущее существует сначала в воображении, затем в воле и только потом в реальности. Пока же предметное содержание за рамками таких благозвучных определений, как «великая, единая, самобытная, православная», остаётся для нас в значительной степени неясным.

Незадолго до своей смерти И. Сталин говорил: «...Мы можем напугать что-то в хозяйстве,

но всё-таки выйдем из положения. Но если мы напутаем в теории, это может оказаться неисправимо. Без теории нам – смерть, смерть, смерть...»

По своему значению поиск новой национальной идеи – это не только вопрос образа будущего возрожденной России. По существу, Россия – последнее серьёзное препятствие для планов архитекторов глобализации по созданию нового мирового порядка, обслуживающего интересы золотого миллиарда за счёт ограбления периферии под красивые разговоры о демократии и правах человека. Глубина кризиса, который перенесла в «лихие девяностые» и из которого до сих пор не вы-

бралась Россия, и хаос глобализации, в который погружается мир, в какой-то степени объясняют затянувшийся поиск национальной идеи. Ответы на сложные вопросы не лежат на поверхности.

Русско-православная цивилизация (какие бы формы она ни принимала в конкретных исторических условиях) по главным вопросам бытия всегда предлагала человечеству свою систему ценностей, рисовала отличный от доминирующего на Западе образ будущего и предлагала иные решения. Она стала не просто конкурентом Запада, но и его экзистенциальным, бытийным оппонентом. Если лицо запад-

ной цивилизации определяют индивидуализм и культ мамы, а мера счастья людей оценивается по материальному богатству, то русско-православная цивилизация воспринимает общество как единую семью, в которой объединение усилий, взаимоподдержка и взаимовыручка являются нравственным императивом. Русская цивилизация основана на принципах разумной достаточности, на стремлении не к сугубо материальному, а к социальному прогрессу, не к частной свободе, а к общей гармонии. Мерой оценки людей является не физическое богатство, а богатство души. Недаром Достоевский вложил в уста Андрея Петровича Версилова

в «Подростке» такие слова: «Одна Россия живёт не для себя, а для мысли...»

Попытка внедрить в России неолиберальную идеологию, провозглашающую свободу индивидуума от всего (в том числе от общества, от этики, от совести и от Бога) и предполагающую, что только индивидуализм, за-

бота о себе, создание личной карьеры, обрывание всех социальных связей являются путём к благополучию, наткнулась в России на традиционное солидарное общество. В русской философии для него существует понятие **соборность**, означающее свободное духовное единение людей как в церковной

жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви. Аналогов в других языках этот термин не имеет.

Идея человеческой солидарности пронизывает российскую историю и культуру на протяжении многих веков. Со времён Крещения Руси слова Спасителя о том, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Св. Евангелие от Иоанна, глава 15) настраивали мысли и чувства наших предков на служение евангельскому нравственному идеалу. Русский философ Иван Александрович Ильин определял государство исключительно через понятие солидарности, называя его «организованным единением духовно солидарных людей». В этом коренное отличие русско-православной цивилизации от западной, в основу модели устройства общества которой положена система противостояний, конкуренции и борьбы, якобы необходимых для прогресса (по Гоббсу – «война всех против всех»). Баронесса Тэтчер дошла даже до отрицания самого понятия «общество» и заявила, что не существует «такого явления, как общество, – только отдельные мужчины и женщины».

Солидарные ценности пронизывают всё пространство отечественной культуры. Приемлемый для большинства альтернативный образ будущего может и должен быть построен именно на этой основе. Этой актуальной теме сегодня посвящено множество работ философов, социологов, историков, множество дискуссионных площадок появилось и в Интернете, в т.ч. сайт «Новый социализм XXI век».

В качестве одного из ответов на стоящие перед Россией вызовы предлагается христианский (православный) социализм. Отец христианского социализма Сергей Булгаков в своей работе

«Христианский социализм» писал: «Христианство даёт для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви. Он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни». Православный социализм, по мнению А. Молоткова (книга «Миссия России. Православие и социализм в XXI веке») подразумевает православно-христианскую идеологию, национально ориентированную политику и социалистическую экономику. Все три принципа нового социализма глубоко взаимосвязаны и не могут быть реализованы друг без друга. Так, невозможно утверждать в обществе православную духовность, не опираясь на национальную державность и отрицая социальную справедливость; невозможно установить принципы социальной справедливости, не признавая православной духовности и не обладая национальной державностью; и невозможно восстановить национальную державность без истин православной духовности и правды социальной справедливости.

Реализуем ли этот синтез в современной России? Как ни горько осознавать, но пока православный социализм представляется скорее мечтой интеллектуалов о некоей несбыточной высоконравственной новой справедливой реальности, без коррупции и войн. В реальной исторической практике для достижения поставленных целей необходим носитель этой идеологии, а вот его на настоящий момент пока и нет. Впрочем, тот факт, что образ будущего приобретает зримые очертания в нашем воображении — уже большой шаг вперед.

Игумен Афанасий (СЕЛИЧЕВ),
наместник
Свято-Архангельского
монастыря
в Юрьеве-Польском:

— Нас объединяет тема суверенного социального государства, государства социальной справедливости. И церковь, которая эту справедливость провозгласила ещё со времён апостольской общины, будет сотрудничать в этом важном деле со всеми желающими это государство строить — с атеистами в том числе.

Пару слов о марксизме: другого реального опыта построения социального государства действительно нет. И как человек, всерьёз увлекавшийся в юности марксизмом, могу сказать, что сегодня, с высоты прожитых лет, и церковного опыта, и опыта житейского, могу сказать, что у меня к марксизму единственная претензия — это атеистический материализм. Заимствован он был из фейербахианского богоборчества. И если социалисты откажутся от этой неорганичной «глупости», внедрённой в их мировоззрение, то с ними можно будет сотрудничать в построении государства социального. Называйте это христианским социализмом, православным социализмом, как угодно называйте.

Егор ХОЛМОГОРОВ,
главный редактор сайта
«Русский обозреватель»:

— То, что было наиболее ценного в советском проекте, было в наименьшей степени социалистическим. Самая ценная черта советского проекта — мощь державы, индустриализация, технологические прорывы — де факто была украдена у выдающегося немецкого теоретика Фридриха Листа с его теорией национальной экономики и раз-

вития производительных сил. В самом марксизме оно было довольно чужеродно. Но именно эта тема наращивания производительных сил, наращивания образования, развития человеческого потенциала была в наибольшей степени востребована в социализме — и в Советском Союзе, и в третьем мире. То есть это дало созидательную, развивающую мощь, в результате которой стал возможен советский проект.

Сегодня Запад столкнулся с той же проблемой, с которой мы столкнулись в 90-е годы (просто в России это произошло раньше, потому что общий объём накопленности капитала за века гораздо ниже, за счёт этого мы все эти процессы переживаем гораздо острее) — это проблемы чудовищного неравенства, которое подрывает сами возможности развития в этих странах.

Перед Россией стоит задача спасения и сохранения среднего класса, созданного у нас в эпоху СССР. Сейчас он добывается нынешней олигархической системой. И в части образования, и в части доступности жилья, и в части доступности вообще любых средств жизни. Но без этого гражданское существование России и технологическое (потому что для этого нужны образованные кадры) невозможно. Т.е. нам придется реставрировать средний класс, и здесь нам понадобятся определённые социалистические технологии, определённый срез советского опыта. И нам понадобится православная духовная доминанта, без которой средний класс превращается в дикое, чавкающее существо, которое поддержало демократические реформы в начале 90-х по той формуле, которая убила и наше общество, и нашу экономику.

Кирилл ФРОЛОВ,
*завотделом Института
стран СНГ:*

— Православные монастыри были в своё время фабрика-ми индустриализации. Первые уникальные ирригационные системы были созданы на Соловках, в Соловецком монастыре, первая металлургия — в Валаамском монастыре. Вспомним и другую формулу — православный капитализм. Великий русский святой Серафим Вырицкий до пострижения в монахи был крупнейшим пушным торговцем Петербурга. Но это был не олигарх, он действительно реально кормил весь Петербург и таким образом действительно воплощал социальный идеал в своём предприятии. Вот о чём нужно сейчас говорить, этот пласт нужно поднимать. Православие — колоссальный фактор не только суверенитета, но и экономической самостоятельности сверхдержавы, а также и фактор новой индустриализации России.

Александр ЕЛИСЕЕВ,
*историк, ведущий эксперт
Изборского клуба:*

— Базовый институт, в котором выражен примат общественного над частным, — это община. И это может показаться немножко архаичным: всем сразу представляется дореволюционная поземельная крестьянская община, — но на самом деле обязательно замыкаться на этом. Она может быть совершенно разной. На Западе сейчас принято выражение «комьюнити» в отношении разных общественных организаций, и это направление очень бурно развивается.

Социализм — это примат, превалирование общин территориальных и общин производственных. Вот говорилось здесь о социализме Герцена, о содружестве самоуправляемых общин (эту, кстати, идею раз-

рабатывал Кропоткин и многие другие теоретики левого толка), но они всегда допускали очень большую ошибку, они всегда забывали о государственной власти. В этом плане вот их идея — она выглядела и смотрелась утопически.

А на самом деле это содружество общин должно иметь над собой ещё и мощную государственную вертикаль с властью сильного правителя. Может быть, даже монарха. Государство должно защищать общины от эксплуатации и угнетения, чтоб одна группа богатых и знатных не могла поработить большинство, чтоб одни общины не могли поработить другие. В этом — главная функция государства.

Итак, сильная государственная власть с личной властью правителя плюс мощное самоуправление общин территориальных и общин промышленных. Вот, на мой взгляд, модель русского, народного, православного социализма.

Августин (АНИСИМОВ),
*епископ Городецкий
и Ветлужский:*

— Я сейчас выступаю не от имени патриарха, не от имени церкви, а лично от себя, как человек, как гражданин России. 40 лет примерно в церкви нахожусь, при этом я — государственный человек, юрист по первому образованию, работал и в иностранной Юридической коллегии, и в Министерстве транспортного строительства, и где только не пришлось на руководящих работах работать, когда был ещё молодым!

Я был верующим с детства, но это — разные вещи: быть церковным и быть верующим. И когда я попал в 28 лет в Тернопольской области в Почаевский монастырь, и когда я только первую книгу там взял в руки —

я сразу нашел ответы на всё то, чем я мучился и страдал все эти годы. И с этого момента у меня начинается совершенно другая жизнь.

На мой взгляд, православный социализм имеет право на существование по нескольким причинам и основаниям. Первое: планета Земля есть уникальное явление во Вселенной, при этом она — хрупкий феномен. Всё на этой планете уникально и одновременно феноменально. Уникальные вещества: вода, воздух, почва, газы, химические соединения, затем виды живых существ — всё это разнообразие участников земных отношений находится в упорядоченном сотрудничестве, сотворчестве, воспроизводстве, но неосмысленном и неосознанном. Всё это многообразие чудесным образом организуется, управляется и корректируется объективными законами, почему-то действующими на уникальной планете Земля. Ещё одна составляющая нашей планеты — это человек, люди, народы, человечество в целом. Это фундаментально иная группа участников земных отношений по сравнению с животными и органическим миром.

Человек — существо разумное, душевное, духовное, нравственное, со свободной волей, бессмертное, творческое. Мы знаем, что первый человек совсем не похож на нас. Он был духовным! Адам, говорят, даже был светящимся. Разум и свободная воля, творчество и бессмертие не только отличают человека от остальных земных существ, но отличают даже от ангелов. Ангелы — это только служебные духи, их воля ограничена и направляется извне.

Если все живые существа планеты жёстко и последовательно реализуют вложенные в их генотип и природу планы и программы Того, Кто их сотво-

рил и ввёл в земное пространство, то человек априори, то есть изначально, обладая разумом, творчеством и свободной волей, **явно имеет иные цели, иную программу.** Тело человека — это его соединение с минеральным, растительным и животным миром Земли и космоса. Духовность — это прямое соединение с Богом и ангелами, это наполнение природы человека дарами Святого Духа, которые может дать только Бог. Нравственность — это качество воли и поведения человека, имеющее целью исключительное служение, безопасное, творческое и жертвенное. Поэтому люди обязаны жить в соответствии со своей природой — духа, души и тела, то есть люди обязаны жить в социуме, в общении, в браке (если они не монахи), в союзе, в коллективе, в народе.

Существование народов в современной цивилизации требует принципиально новых подходов, переосмысления прежних парадигм и методик, которые были введены в жизнь и в действие в XIX–XX веках. Это была модель, основанная на арифметике, на логике, на рассудке, на превосходстве количественных показателей в постижении всех явлений. Сегодня нужны иные принципы в организации и построении совершенно новых моделей и программ в законах, образовании, здравоохранении, в целом в системе безопасности государства, общества, личности, брака, семьи, устройства территорий. И в этих рассуждениях есть фундаментальная тема: возможно ли построение и реализация модели и уклада жизни человека и общественных отношений на фундаменте парадигмы Бога и его заповедей? На основе идеала совершенного поведения человека в личном плане, в обществе и в природной среде?

Вот почему тема православного социализма для меня является более чем интересной. Самые разные авторы, уникальные выдающиеся личности из многих народов занимались анализом темы социализма. Но все эти выдающиеся личности, как правило, жили в другое время, в другой парадигме, в другом качестве государства, религии, в других социальных укладах народной жизни.

Нынешнее отношение «цивилизации тела» к природной среде, к невозобновляемым ресурсам, к обществу ведёт прямой дорогой к Апокалипсису. Лучшая, понимающая часть российского населения, на мой взгляд, сегодня обязана осознать данную опасность и взять на себя ответственность за судьбу своего народа и человечества. Почему именно российская элита должна это сделать? Огромная территория — 18 миллионов квадратных километров земли, такой территории ни у кого нет. Феноменальные природные ресурсы, вся таблица Менделеева. Талантливый народ, обладающий феноменальными подражательными способностями делать, творить и созидать всё, что способны делать любые народы. Буквально всё — науку, спорт, искусство — всё, что только могут делать люди на земле, мы умеем делать.

Я думаю, что мы сегодня неверно оцениваем Советский Союз, его опыт. К модели Советского Союза, на мой взгляд, надо относиться следующим образом. Идея социализма пришла с Запада. Однако этот марксистский социализм лишь претендовал на всеобъемлющую теорию, но он не был прописан ни на экономическом уровне, ни на политическом, ни на нравственном или, тем более, духовном уровне. Это действительно просто утопия, как уже было сказано. И вот на этом фоне построение социализма в ста-

линскую эпоху — это совершенно уникальный опыт в истории.

У меня есть архивы Троцкого, который сказал: мы Сталина за всё простим, но мы его не простим за то, что он стал строить социализм в отдельно взятой стране.

Сталин действовал в темноте, не на кого было сослаться, не с кого взять пример, но дело его тем не менее было совершено. Спрашивается, почему Бог выбирает большевиков, а не творцов февральской революции? Не потому ли, что из их среды в скором времени выделится человек, который, не имея вообще никакого образования, не окончив даже семинарии, совершит столь великое дело. Этот человек после того, как в войне и катаклизмах были уничтожены миллионы представителей национальной элиты (крестьян, рабочих, врачей, учителей, военных) за какие-то 15 лет совершает невозможное, немыслимое. Он создает всю инфраструктуру оборонки, высокой науки, образования. Это невероятный феномен. Никакая Римская империя, никакая Атлантида не идут с этим в сравнение.

Мы должны дать правильную оценку Сталину. В первый период его правления, до 1941 года, он собирал народ, выполняя миссию Моисея. Когда Моисей выводил из Египта своё племя, Бог ему сказал: «Собирай народ». Вот Сталин собрал советский народ, и этот народ защитил свою идею, свою землю во время удивительного, страшного испытания. И кончилось тем, что Сталин и Рузвельт поделили весь мир пополам. А Черчилль был вынужден это подписать. Какой авторитет был у Сталина в это время! Потрясающе!

Второй период, который Сталин не успел закончить. Он обрattился после 45-го года к представителям всех церквей и хотел провести Восьмой Вселенский

собор. Все испугались — все знают, что такое «Восьмой собор». И что тогда сделали? Провели в 1948 году 500-летие автокефалии Русской православной церкви, куда приехали все выдающиеся богословы. Это была идея Сталина, хотевшего сделать православие ведущей силой в мире.

Нам может что-то нравиться или не нравиться в советском проекте — идеального государства никогда не будет. Всегда будут какие-то моменты, которые нужно исправить, которые нужно корректировать. Но на сегодняшний день мы должны вспомнить слова Христа: «По плодам их узнаете их».

Я думаю, Сергей Юрьевич, нам бороться надо за эту идею

православного социализма. Мы его можем построить на нашей земле, потому что нам близка и тема общины, и тема схода, и тема бережливого отношения ко всему в природе, и мы никогда не сводили смысл жизни к получению больших денег.

Если мы по-настоящему проработаем идею православного социализма — эту идею поддержат фактически все народы, которых не устраивает американская парадигма. **Потому что сегодня всем народам слабым, немощным, маленьким нужен кто-то, за кого они могут держаться, и самое главное — всем нужно знамя, за которым можно идти.**

Именно Изборский клуб мог бы стать Козьмой Мини-

ным в наше время — к нему тянется народ, желают слышать — не только слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть, не только читать, но и понимать то, что написано. И на сегодняшний день власть может обратить внимание только на феноменальное движение народа.

А движение народа — оно само по себе не возникнет. Чтобы возникло у Козьмы Минина это движение, вы только подумайте — кто его, торговца мясом, будет вообще слушать? И ему явился Сергей Радонежский, явился три раза и сказал: «От Бога тебе благословение». Здесь нужна другая энергия, понимаете? И она у России есть сегодня.

Алтари И ЗАВОДЫ

С 4 по 6 декабря 2015 года делегация Изборского клуба посетила Курск. Целью поездки стало открытие нового регионального представительства и проведение выездной дискуссии «Православие как стимул национального развития» с участием региональных экспертов. Предлагаем вашему вниманию выступления участников этой встречи.

Людмила ГРЕБЕНЬКОВА,
заместитель губернатора
Курской области:

— Уважаемый Александр Андреевич, дорогие гости! Приветствуя вас от имени губернатора Курской области Александра Николаевича Михайлова и администрации области, хочу сказать, что Курской край уникален своей историей, боевыми, трудовыми, духовными и культурными традициями. Богат талантливыми людьми — теми, кто родился на курской земле, и теми, кто здесь работал. Гордимся именами наших святых, преподобных Серафима Саровского, Феодосия Печерского. Замечательными, талантливыми земляками. На курской земле проживает сегодня два Героя Советского Союза, а всего 266 курян за подвиги в Великой Отечественной войне удостоились звания Героя Советского Союза, 60 курян награждены орденами Славы трёх степеней.

Понимая важность связи поколений, мы в своей работе делаем акцент на патриотическое и духовное воспитание подрастающего поколения, чтобы в Курской области традиции патриотизма, духовности соблюдались и приумножались. Мы рады,

что вы, Александр Андреевич, и представители Изборского клуба выбрали нашу область, чтобы обсудить проблемы патриотизма и православия.

Александр ПРОХАНОВ:

— Православие как стимул национального развития — очень интенсивная тема. Соединение церковных процессов сегодняшнего и вчерашнего дня — это огромный мир, и у каждого из нас есть свои чёткие суждения и представления, которыми мы и поделимся.

Русская православная церковь на своих соборах выступает со множеством социальных инициатив, которые касаются не только церковной, богословской сферы, но и социума, ныне во многом больного, со всевозможными «вывихами». Проблем множество. Проблема дурного воспитания, отсутствие в обществе социального равенства, огромное количество богатей и неимущих русских людей... И стимуляция нашего развития, обращение к политическим силам с пожеланием ускорить наш рывок, преодолеть наше цивилизационное отставание — это благое начинание, которое исходит от церкви.

Но у церкви, в отличие от государственных институтов, есть одно средство, которым она располагает, — это таинственное духовное оружие, с помощью которого церковь совершает деяние, неведомое институтам и формам государственного правления. Молящийся у алтаря священник или молящаяся вокруг алтаря паства своими молитвами, упованием, страстью, воинственной мистической силой прорубают коридоры из нашего грешного, очень часто затемнённого бытия в высоты, откуда по тоннелям нисходит в нашу жизнь фаворский свет, который одухотворяет мёртвые, бездуховные участки нашей жизни. Этот свет проникает в гарнизоны, в тюрьмы, в государственные институты, в конторы, в научные школы, в промышленные центры.

На Курской атомной станции мы познакомились с удивительными ядерщиками, которые, по их собственному признанию, были бы не в состоянии заниматься физикой, не веруя, если бы не воспринимали таинство мироздания. И проникновение духовных начал во все формы, все сферы нашей жизни — огромная миссия, за-

дача нашей церкви. Необходимо не просто строительство часовен и церквей в городах или на оборонных предприятиях, а именно молитвенные усилия, с помощью которых и происходит преобразование. Патриарх Кирилл сказал, что мы проходим период второй христианизации. После пустынных лет, когда исчезли приходы, когда в народе поселился зверь — одичание, ожесточение, особенно после 1991 года, возвращение в народные сферы веры, Христа, обожания, милосердия, ощущения божественной справедливости, — в этом состоит задача второй христианизации. Это происходит параллельно второй индустриализации. Ведь после 1991 года мы потеряли великую индустрию, экономику, и нам предстоит возвращаться на пьедестал крупнейшей индустриальной державы мира.

Я думаю, что, когда князь Владимир приблизился к Херсонесу и произошло чудо преобразования языческой Руси в Русь православную, там совершилось таинство, до сих пор непонятное нам. Говорят, Владимиру предлагали религии: иудаизм, мусуль-

манство, католичество. Он все их отверг и принял православие. Так ли это? Будто человек подходит к ларьку, там лежат яблочки, он выбирает, надкусывает, одно кислое, другое незрелое... И выбирает самое сладкое. Мне кажется, произошло нечто иное: не Владимир выбрал православие, а православие выбрало Владимира. Та светоносная сила, которая летела по миру, искала вместилище. И нашла его в сердце князя и в великой России.

Свет православия поплыл через Владимира до Тихого океана, где торжествует на наших великих пространствах. Избрание православия Россией, по существу избрание России Христом, сделало Россию христовой страной. Это избрание осуществилось раз и навсегда. И какими бы отступлениями, какими бы остываниями этот огненный, яркий процесс не знаменовался, всё это время мы христовы, Россия — это святая Русь. Почему она святая? Ведь государство Российское формировалось в том числе и на великих битвах, на великих полях сражения — на Куликовском, на Ледовом побоище. И

там русский меч, русская стрела, русский щит соединялись с православной молитвой, с молитвой преподобного Сергия, с молитвой Великого Новгорода. И это сочетание огненного меча и огненной молитвы, огненного моления с победой — создавали наше государство.

Святая Русь не является категорией вчерашнего дня. Это не исторический факт. Она есть данность, которая возникла в момент Крещения Руси. Святая Русь движется вместе с русским народом во все периоды русской истории. В тот период, который называют атеистическим, богоборческим, советским периодом, святая Русь никуда не исчезала. Она была и на полях сражения, и в мученических лагерях, и на великих сталинских советских стройках.

Старец Филофей, его теория «Москва — Третий Рим». Если вдуматься молитвенным думанием в его слова, что они значат? Он обращался к великому князю Василию III, когда тот, по существу, уже превратился в самодержца, русский государственный централизм достиг высших степеней. Старец Филофей внушал: великий князь, сила твоя, то есть сила государства, состоит не в том, чтобы стяжать казну, не в том, чтобы укреплять и расширять границы, не в том, чтобы создавать могучую армию, а в том, чтобы государство сохраняло и сберегало православие, сберегало поразительный, неповторимый по своей силе, красоте алтарь и престол, который возник в России и от которого движется всё: и справедливость, и радость бытия, и творчество, и сострадание к близким, и праведная семья, и уважение к властям, и власти, боящиеся Бога, претворяют свои великие реформы. Задача любого государства — хранить это святилище.

Отступление от христианства на Руси, когда, казалось бы, целые исторические периоды лишались Христа, к примеру, советский период или либеральный период конца XIX – начала XX века, это отступление мнимое. И вторая христианизация состоит не в построении церквей и приходов где-нибудь в дебрях Северного Урала. Суть второй христианизации в том, что христианизации подлежат и те периоды нашей истории, которые являются мнимо нехристианскими. Советский период. Грандиозный, загадочный период, который сегодня в историческом сознании как бы вымарывается из нашей истории. Происходит схватка между теми, кто считает, что советский период – это великий, коренной, находится в неразрывной связи с прошлым и с нашим будущим и теми, кто хочет этот период вычеркнуть из русской истории, осквернить его, назвать бездуховным, богоборческим. И эта схватка затрагивает не только светские круги, она происходит и внутри церкви. Но церковь постепенно меняет своё отношение к советскому строю, к советскому периоду.

Представления о советском периоде как о христианском периоде – это великие представления, которые заслуживают большой и физической, и духовной молитвенной работы. Ведь в центре этих представлений лежит война, победа. По мере того, как в народ возвращается религиозное сознание, победа всё больше трактуется как религиозная, мистическая, священная победа, которой венчалась священная война. Если война священная, если победа священная, то ореол святости – не поэтической, не романтической, а реальной святости, – он лежит на всех, кто участвовал в войне. Потому что во время войны решалось, победят ли райские

смыслы – те представления, с которыми создавался белый свет. Или этот эскиз Господа будет перечёркнут, победят силы тьмы, силы ада. Шло сражение ада и рая. И заградотряды, чекисты – они все поступали как носители райских смыслов, райской энергии, райской будущей победы.

Эта святость, священность лежит на всём нашем народе, кто положил на алтарь победы тридцать миллионов своих жизней. И эти жизни – агнцы христовы, которые были положены на алтарь веры, на алтарь райских смыслов. И все воины – от замученного офицера, от солдата штрафбата до генералиссимуса Иосифа Сталина – были окружены ореолом святости. Вокруг них всё время, видимо и невидимо, полыхало зарево Света Фаворского.

А сталинский синодик, в который внесены имена героев-мучеников красной эры! Двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев, Зоя Космодемьянская, Матросов, Талалихин, Гастелло, Карбышев, «Молодая гвардия». Они – мученики идеологии, мученики социальных материй и явлений. Но уже тогда, крещённые в этих синодиках, они были частью огромной красной иконы, которую создавали и на которую молились, каждый по-своему, неканонически. Я

верую в то, что настанет момент, когда мученики красной эры будут канонизированы церковью. Потому что священно-мученики или новомученики, которые были побиты во время гонений на церковь, и те, кто умирал под пытками гестапо, ложился грудью на пулёмётные доты, – сберегали и государство, и саму русскую историю.

И непременно мы увидим — это вопрос времени — иконостас, на котором, окружённые золотом нимба, будут сиять наши мученики войны.

Существует церковная концепция, что новомученики начала 20–30-х гг., погибшие за христову веру, вымолили победу 1945 года. Хотя эта молитва шла одновременно с танковыми наступлениями под Курском, с разгромом немцев под Москвой, с бомбардировкой Берлина. Одно связано с другим. Новые мученики, мученики войны, спасли сегодняшнее государство Российское. Оно сегодня существует только потому, что состоялась победа как категория.

Во время перестройки были уничтожены все основы и базовые ценности, на которых существовало советское государство. Они были разрушены и осквернены. Государство пало, потому что исчезли столпы, на котором оно стояло. Но была сохранена победа. Мы перенесли победу через роковой 1991 год, и победа спасла нас. Потому христианизация советского времени является огромной духовной задачей сегодняшних историков, литераторов, философов и догматиков. Мы не должны этот период отдавать нашим мучителям и терзателям.

Сегодня мы живём в предвоенное время. Мы все это чувствуем своей кожей, чувствуем нашей генетической памятью. В

Послании президента это чувствуется. Война дышит. Древо войны разрастается, оно охватывает всё большие пространства. Народ в предвоенное время должен быть духовно мобилизован. А мы — демобилизованный народ. Мы слишком загулялись после 1991 года. Занимаемся потреблением, культурно-развлекательными центрами, обожаем ездить в разные страны. Мы перестали быть серьёзными, перестали быть духовно твёрдыми. Задача — духовная мобилизация народа. Я не говорю о той мобилизации, которая выстраивает в очереди новобранцев. Речь именно о духовной мобилизации, которая делает нас сосредоточенными, серьёзными, позволяющими заглянуть в глубину нашего личного сознания и общенационального сознания, пробиться к тем кодам, по которым мы были созданы как русский народ, как народ православный. Это задача всех нас.

Валерий АКИНЬШИН,
руководитель общественной организации «Русская улица», председатель отделения Изборского клуба в Курске:

— Слово «мобилизация», Александр Андреевич, поначалу мне немножко резало слух. А потом я задумался и понял, что действительно мобилизация необходима, и сегодня мы к православию возвращаемся

именно в попытке и в поиске мобилизации.

Выдающийся государственный деятель, но сложная для церкви личность, Иосиф Виссарионович Сталин, получил духовное образование и знал коды мобилизации. Используя их, он сумел мобилизовать народ. Но тогда во главе угла стояло православие, которое немного, мягко говоря, было изменено Иосифом Виссарионовичем. Этого требовало время, реалии исторические были таковы. Тем не менее в кратчайшие сроки народ мобилизовался. Полёт в космос, строительство БАМа — всё это плоды той выдающейся мобилизационной работы Сталина.

Но, к сожалению, когда мы приходим сегодня в храм, не всегда происходит мобилизация. Часто приходим туда и наслаждаемся, становимся теплохладными. Мы понимаем, для чего нужно жить, начинать заниматься духовно-содержательной работой, но перестаём понимать, что не может быть настоящей духовно-содержательной работы, если мы не принимаем вызовы, которые посягают на нашу родину, на нашу церковь.

Господь принёс нам самое главное — это отношение между людьми: «Потому вы знаете, что вы ученики мои, что будете иметь любовь между собой». Мы сегодня часто в православии во главу угла ставим ритуал.

Потому-то человеку кажется, что он прикоснулся к истинным глубоким смыслам, смыслам христианского воинства, в действительности он успокаивается и продолжает быть теплохладным. А этого не должно быть.

Егор ХОЛМОГОРОВ,
публицист:

— Когда мы говорим о православию и развитии, то затрагиваем несколько очень принципиальных вопросов, которые взаимосвязаны. Это и вопросы культуры, и технологии, экономики, и вопросы геополитики, государственного и политического развития.

Наши «западники», и старые, и современные, утверждают, что якобы принятие православия и связанное с ним принятие византийского наследия остановило развитие России, что будто все славянские народы, которые приняли католицизм, бурно развивались, в то время как Россия, приняв православие, взвалив на себя ношу византийского наследия, сошла со столбовой дороги мировой цивилизации.

В действительности все славянские народы, которые приняли католицизм, в течение нескольких веков после этого потеряли независимость. А Россия никогда свою независимость, свободу, суверенитет не теряла и по-прежнему представляет собой выдающуюся историческую силу. И византийское наследие для нас оказалось тем колоссальным скачком развития, который и выдвинул нас в первые ряды всемирной истории.

Часто наше сознание смущает следующий факт. То, что Россия — это государство и цивилизация примерно одновременное с Англией, Францией, Германией. И нам кажется, что по сравнению с развитыми западными странами у нас всё не совсем хорошо. Но если вы отправитесь

побродить по Иль-де-Франс, вы обнаружите римские развалины, обнаружите записи в музеях о том, что город основан в I веке до н.э. Центр Западной Европы имел историческую фору больше чем в тысячелетие!

Но, несмотря на эту фору, насколько незначителен был разрыв между Европой и Россией (если он вообще существовал), например, к началу XX века. В каких-то отношениях, скажем, он за XX век увеличился в сфере материально-бытовой культуры, в сфере технологии. Но в сфере технического развития за XX век Советский Союз продвинулся гораздо дальше стран Европы, в том числе и самых развитых.

Значит, на каком-то этапе этот разрыв скомпенсировался. Где? Он скомпенсировался за счёт того, что к нашим предкам явилась великая византийская культура, византийская цивилизация, которая пришла в самой благодатной форме — в форме православия. И в XII веке в Иль-де-Франс создаются великие готические соборы, а у нас — собор Андрея Боголюбского, который не менее значителен для истории культуры, чем соборы готики. То есть за какие-то несколько столетий после принятия православия, благодаря той энергии и духовной, и цивилизационной, которую оно несло с собой, Русь преодолела разрыв в развитии, без чего она не могла действительно стать всемирной исторической силой и всеевропейской силой первого ряда.

Может ли православие сыграть аналогичную роль в наши дни? На мой взгляд, может, но только в каком-то смысле с обратным знаком. Мне бы очень хотелось, чтобы ещё примерно тысячелетие по меньшей мере православие, в известном смысле, тянуло нас назад. Потому что сегодня мы видим, как развивается и западное человечество, и

значительная часть незападного человечества.

Развитие антропологических философий Запада ведёт к представлению, что для дальнейшего развития нужно изуродовать в себе важные черты человеческой природы, отказаться от того представления о человеке, которое выработывалось в рамках христианской культуры.

Человечество достигло своей вершины, с которой сейчас стремительно падает. И хотелось бы, чтобы тот уникальный

потенциал, который содержит в себе православие, не только помогал бы нам развиваться и двигаться вперёд, но и держал нас в стабилизирующем состоянии, чтобы русская цивилизация не покатила кубарем вслед за цивилизацией западной. И чтобы мы смогли удержать и для себя, и для своих внуков и правнуков человеческий образ, который на сегодняшний момент мы имеем и сохраняем, а Запад начинает утрачивать.

Владимир МЕНЬШИКОВ,
доктор педагогических наук:

— Именно наша церковь выводит нас в иные сферы — в сферы соборного света. Это спасает Россию, определяет её жизнь.

А может ли сегодня православная церковь предложить ту идею, которая дала бы нам возможность оптимального развития? Президент Путин сказал, что сегодня нарушен баланс тех-

носферы и биосферы, и надо его поправить. Сегодня человечество развивается в русле западноевропейской парадигмы научно-технического прогресса. Но в рамках европейской парадигмы решить эту проблему нельзя, потому что растут материальные потребности человека. Уже выдвинута идея ограничить человечество миллиардом населения. Но растущие потребности и в этом случае не дадут возможности сохранить сложившуюся ситуацию.

Когда люди уходят от Бога, то начинается духовное угасание и духовное разложение. Страшно не то, когда дерутся за кусок хлеба, страшно, когда уже не нужен кусок хлеба, когда людям становится ненужным всё: семья, дети.

Если мы говорим о православии, то вопрос состоит и в том, чтобы православное образование реализовать в школах.

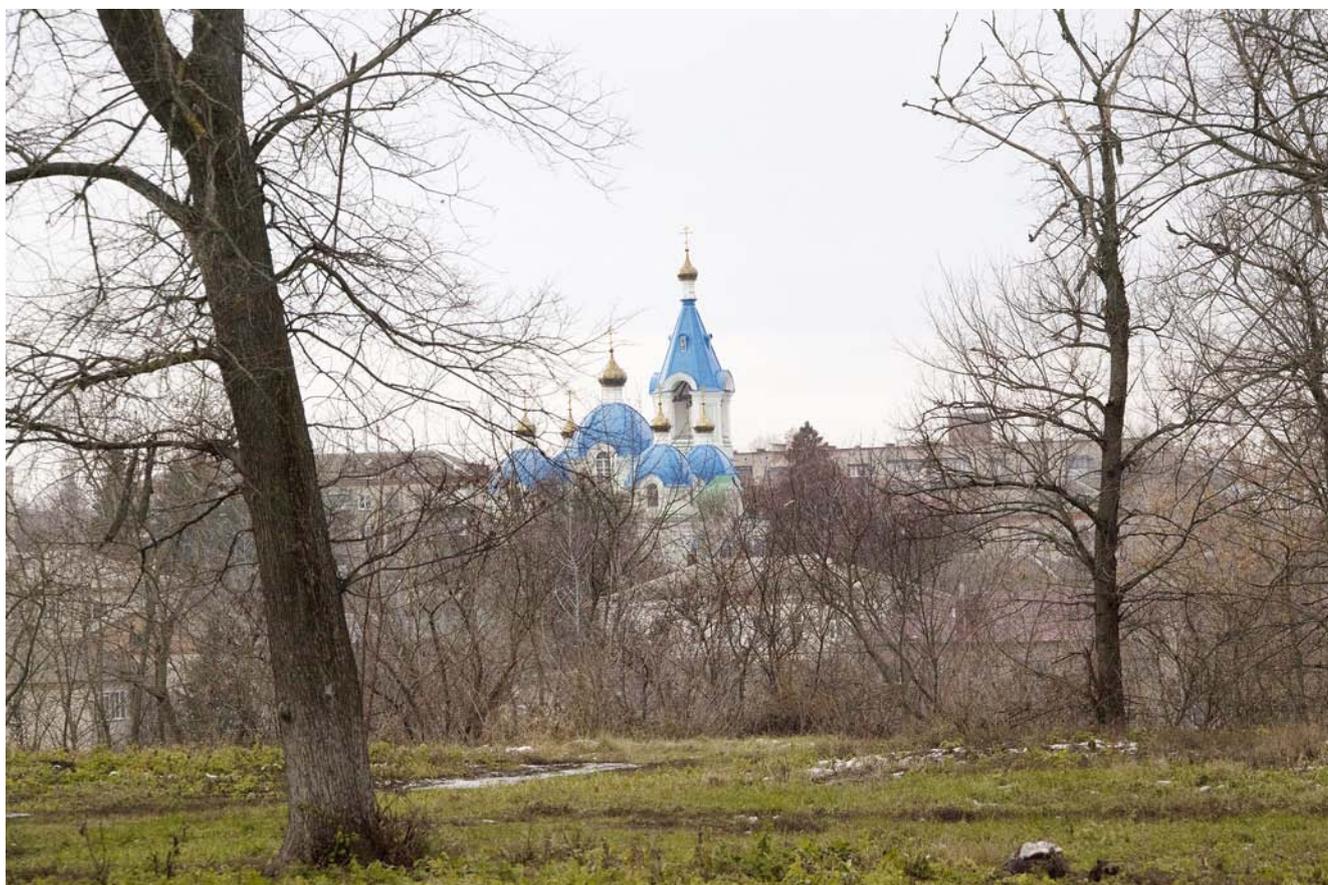
Курская область является тем регионом, где преподавание православной культуры идёт от детских садов до вузов, есть своя система, ей уже больше 15 лет. Она приносит конкретные результаты: повышается нравственный, духовный уровень детей, с 2007 года достаточно быстро идёт снижение детской преступности.

Андрей ФУРСОВ,

историк:

— Нужно очень хорошо понимать, что мы живём в предвоенную, по меркам XX века, по меркам тех двух войн, которые называются мировыми, эпоху. Мировые войны — феномен капиталистической системы. Они родились вместе с капитализмом. И во всех мировых войнах решающую роль играла Россия. Именно Россия сломала хребет Фридриху II, Наполеону и Гитлеру.

Мировые войны — разные. Мировые войны XX века отра-

жают XX век. Мы живём в XXI веке, на выходе из эпохи капитализма. Выход часто похож на вход. Я очень часто обращаюсь в своих исследованиях к Тридцатилетней войне. Это четыре взаимосвязанных локальных конфликта, растянутые на 30 лет. И сейчас мы уже имеем два серьёзных конфликта. Один из них полузамороженный — Украина. Другой — Сирия. Сейчас, не дай бог, добавится Турция. В любом случае нас ждут проблемы и на Кавказе, и в Средней Азии, то есть цепь локальных конфликтов.

И вспоминается работа мыслителя Ивана Вернадского «Великобритания и геополитическое равновесие в Европе», где в 1854 году, задолго до всех этих Бжезинских, была сформулирована теория анаконды, которая обвивается вокруг России.

Особенность этой ползучей войны заключается в том, что происходит она в ситуации глубочайшего кризиса мировой системы. Это кризис Америки, кризис Евросоюза, кризис периферии капиталистической системы. Одно из проявлений кризиса — то, что сейчас стали называть отрицательным эволюционным сдвигом. С 70-х годов идёт процесс деградации. Например, недавнее обследование офицеров армии США выявило, что 40% по своим интеллектуально-образовательным и волевым качествам уступают офицерам армии США времён Второй мировой войны. Не только Россия, но и Америка, и Европа живут в эпоху социальной деградации, и она тесно связана с духовным кризисом.

И обратите внимание: римский папа уже в течение почти полувека протягивает руку мусульманам, извиняется перед мусульманами, но никогда не извиняется перед православными.

Мы вступаем в очень серьёзный период истории, когда на кону оказывается судьба нашей

Родины, судьба человека. И нам действительно нужна духовная мобилизация, мы должны понимать, что враг у ворот и в духовном, и в материальном смыслах слова. Нужно быть готовым сражаться и сработать по хорошему снайперскому принципу: «один выстрел — один труп», а ещё лучше: один выстрел — два трупа. Кто предупрежден — тот вооружён.

Иерей РОМАН,
священник Никитского
храма, Курск:

— К сожалению, сегодня утрачена традиция построения православных общин. И даже если в пределах отдельного прихода удаётся создать общину, то по большей части это или собрание благочестивых женщин, бабушек, которые готовы друг друга выслушивать, помогать. Или ещё печальнее — есть примеры, когда создается некое подобие секты, где батюшка на себя берёт роль старца. В результате люди, приходящие на службу, вместе молятся, а потом расходятся, не зная друг друга.

Общину надо строить, и здесь священнику нужна помощь. Когда я прихожу в школу, в техникум, в институт, что-то рассказываю ребятам, порой действительно им это интересно, слушают, задают вопросы, но я почти никогда не вижу, чтобы слова священника

стали для кого-то руководством к действию. И совсем другое дело, когда к ребятам с теми же словами обращается человек, для них авторитетный: тренер, спортсмен. Когда священник говорит о духовных истинах, это воспринимается так: мол, это твоя работа, о чём ты ещё можешь сказать? Когда о том же говорит спортсмен, тренер, то ребята загораются, и действительно видишь результат. Если тренер сам образец семейного человека, то и те, кто тянется за ним, будут в этом подражать. Поэтому надо активно принимать участие в православном воспитании молодёжи тем, кто имеет среди молодёжи авторитет, как, например, ребята из движения «Русская улица».

А священник будет выполнять самое главное своё назначение — это исполнение таинств. Тайна, она не зависит даже от достоинства или недостатков человека. Там действует сам Господь, и священник должен таинство исполнять, принимать человека таким, какой он есть, подводить его ко Христу.

Михаил ДЕЛЯГИН,
экономист:

— Всё развитие в современном мире осуществляется на основе культуры. Я это знаю по своей сфере, по экономике. Если вы начинаете что-то предлагать без учёта культурной специфики, у вас развалится всё: начиная со стимулирования труда на предприятии и кончая внутриэкономической политикой. И сегодня у нас в этой сфере существуют две очень серьёзные проблемы.

Первая проблема заключается в организации сопряжения и объединения усилий с иными культурами в нашем обществе, которые уверенно набирают силу. Это не только исламская культура, которая радикализировалась, но и другие. Это очень

большой вызов. Скажем, либеральная культура поведения, она не русская в своей основе, но уничтожить её нельзя — так же, как нельзя уничтожить исламскую культуру. Значит, её нужно вобрать в себя? И это огромная проблема для православной церкви, которая является стержнем русской культуры. Ей нужно найти путь, который будет приемлемым для других культур, других религий и который будет привлекательным для них. Без этого русская культура свою объединяющую, направляющую функцию выполнить не сможет. Если эта задача решена не будет, то мы как общество развалимся.

И вторая проблема — это технологический прогресс. На данном этапе он ведёт нас к расчеловечиванию. Когда мы говорим про аморальность западного общества, мы не точны. Это просто совсем другая мораль, которая нам представляется абсолютно бесчеловечной, противоестественной. Но сами

люди в рамках этой морали чувствуют себя восхитительно. Они живут меньше, чем они могли бы жить. Вымирание белого населения в США идёт, у них смертность растёт с начала 90-х годов, несмотря на все достижения медицины, но это их устраивает.

Когда человек перестаёт воспринимать моральные вопросы в рамках аморальной культуры, аморальной морали, он тем самым перестаёт быть человеком с моральной точки зрения для нас.

И ещё задача, которую предстоит решать, состоит в том, чтобы использовать новые технологии не для разрушения классики, а для создания новой классики, для продолжения, укрепления и, возможно, преобразования нашей культуры, морали и русскости как таковой. И, поскольку православие является стержнем русской культуры, то в этом процессе особую роль предстоит сыграть РПЦ.

Валерий ФЁДОРОВ,

*предприниматель,
компания «Русский дом»:*

— Во многом наша страна зависит от тех лидеров, которые её возглавляют. Возьмите Владимира Мономаха. Он долгое время отказывался от княжения. Но всё равно Господь направил так, что он возглавил Русь, и это был один из самых выдающихся периодов нашей истории. И Андрей Боголюбский не хотел брать великое княжение Руси, но тем не менее эту ношу взял и понёс. Советский период — он разный. Досталинский был совершенно другой. Там полностью разрушили семью. Гомосексуализм, внебрачные отношения в 20-х годах процветали. И как раз Сталин строил новое государство. В чём уникальность нашей державы? Мы мировой державой уже были два раза. После наполеоновских войн и

при Сталине. И сейчас нам довелось в третий раз стать великой державой. Ни у одного государства не было такого. И всё теперь зависит от нас. Но для этого мы должны победить врага внутри себя.

Андрей КОБЯКОВ, *экономист:*

— На современную мировую цивилизацию можно смотреть по-разному. Есть упрощенческий подход, который сулит, как мне кажется, псевдоразвитие, а в конечном итоге деградацию человечеству и всем народам и культурам, — это глобализация. Не новый подход, уже многократно обсуждавшийся, но нас вновь и вновь возвращают к обсуждению этой темы, провоцируя разговор о том, что наша национальная идентичность, наша вера, наше религиозное сознание, дескать, выступают тормозом, препятствием для развития. И есть другое, абсолютно правильное решение, которое представляет собой синтез глобального и национального. То самое многоцветие культур, о котором блестяще говорил наш русский философ Константин Леонтьев. Само по себе развитие без национальной идентичности крайне ограничено, если вообще возможно. Идентичность является залогом развития.

Поэтому разговоры о том, что православие может быть тормозом, — абсолютно искусственно придуманные. Я думаю, что на определённом этапе, который нас ждёт, в рамках следующего экономического уклада, это может оказаться реальным конкурентным преимуществом России. Но это должно быть результатом подвижнических усилий и труда, работы над самим собой.

Проблема чрезвычайно важная для человечества — это баланс техносферы и биосферы, где православие облада-

ет огромным потенциалом в решении этой проблемы. Это проблема нетехнократического характера. Это вопрос гармонии. Это религиозное чувство в человеке. Вера является точкой связи для биосферы и техносферы.

Где ещё православие могло быть стимулом в развитии не только для нашей страны, но и в глобальном плане? Ведь экономика — это в конечном итоге домоупроение, устройство нашей жизни на рациональных основаниях, с тем чтобы мы данные нам Господом ресурсы использовали рачительно, с пользой для себя и понимали, для чего. В этом смысле экономика — прекрасная часть гармоничного бытия человека на земле. Но жажда обогащения, стремление к наживе любой ценой, когда начинают читать экономические показатели, докладывают, прежде всего, показатель о прибыли, они начинают вводить нас в очень серьёзные проблемы, результатом которых неизбежно становится

кризис. И нынешний кризис — это, на мой взгляд, системный комплексный кризис, в котором есть наложение суперпозиций различных кризисов.

Но есть и ряд других кризисов. Главный из них — духовный. Надо вернуться к переосмыслению самой парадигмы экономического развития на основе гармонии человека и природы и гармонии плотской материальной культуры и жизни с душой, с этим вертикальным стержнем, который человека делает подобным Творцу, созданным по образу и подобию. Мне кажется, что как раз русская цивилизация и православие могут помочь человечеству в поисках выхода из нынешнего глубочайшего кризиса финансово-экономической парадигмы.

Мы говорим о необходимости Большого рывка. Совершить такой рывок без консолидации общества, без объединения народа и элиты невозможно. Это должен быть действительно душевный, духовный подъём.

И православные христианские представления о справедливости, о соборности, о совместном умном делании могут нам помочь достигнуть консолидации, без которой Россия может утратить шансы на то, чтобы стать великой державой, несущей человечеству настоящие ценности и способствующей его развитию и прогрессу.

Александр ПРОХАНОВ:

— Создание филиалов Изборского клуба делается не указом, не словесами. Но мне показалось, что у Курска есть желание создать такой форум, где могли бы разрабатываться и обсуждаться проблемы, которые не обсуждаются и не разрабатываются в органах исполнительной власти, в политических партиях и так далее. Куда сходились бы курские интеллигенты, интеллектуалы и ставили бы проблемы: и общего, космического масштаба, и российские, и курские. Это было бы интересно и полезно и вам, и нам.

Фотографии: редакция «ИК»

Рывок в новый век

15–16 января 2016 года делегация Изборского клуба побывала в Орле. Темой поездки и состоявшегося обсуждения стала «Духовная мобилизация», актуальность которой в грозное предвоенное время трудно переоценить.

Александр ПРОХАНОВ:

— Уважаемый Вадим Владимирович, дорогие друзья! Мы, изборяне, рады побывать в вашем прекрасном крае.

Мы ощущаем потребность русских людей в возвышенном, в глубинном, в насущном. Эту потребность разделяет вместе с вами вся страна, в том числе и мы, представители Изборского клуба. В нашем ансамбле яркие, даже яростные государственники-патриоты самых разных направлений: журналисты, философы, писатели, священнослужители, академики, которые по сей день ведут внутреннюю полемику. Но они объединяются государством, идеей государства, чтобы государство не пропало, чтобы государство развивалось.

Мы поставили себе целью создать идеологические постулаты для нового государства Российского. У России во все эти годы «либеральных реформ» не было идеологии, но вся жизнь нашей страны развивалась по либеральным лекалам. Эти лекала исчерпали себя. И наша цель — выработать новые подходы народа к себе самому, к нашей истории, к государству.

Мы пишем статьи, доклады, ездим в регионы, выступаем с лекциями, проповедуем, одновременно учимся, слушаем голоса русских интеллектуалов, русских интеллигентов. И не просто ездим, а в каждом регионе свиваем своё изборское «гнездо». И мы приехали к вам, чтобы свить здесь своё орлиное гнездо. Мы удостоились очень тёплого приёма губернатора. Побывали на «Агрофирме Мценская». Посетили завод «Протон-Электротекс», который производит электронику. Познакомились с представлениями орловцев о себе самих и о русской истории. И у нас родилось поразительное ощущение, что такое Орловщина. Орёл — это символ евангелиста Иоанна. Как сказал Николай Гумилёв:

*Преодо мной предстанет, мне неведом
странник, скрыв лицо, но я пойму,
видя льва, струящегося следом,
и орла, летящего к нему.*

В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было слово». Орловская земля родила потрясающей силы и красоты русское слово. Над ним работало несколько поколений русских художников, которых по значению, по вкладу в русское бытие можно приравнять к святым. Ведь благодаря русскому слову наш народ вычерпывает из мироздания такие ценности, смыслы, такой фаворский свет, которые позволяют нам быть русскими, позволяют выстоять в самые кромешные времена. Орёл — родина мистического русского слова. И Орёл — это место мистического русского оружия, сосредоточие русской доблести, жертвенности, русского военного мученичества. Воинские мемориалы несут ощущение битвы, нашей победы, что делает Орловщину святой землёй. И святость слова приравнивается к святости оружия.

Когда жители Орловщины ставили храмы на своих полях, в долинах, на лугах, они хотели превратить земную жизнь, земное бытие в царствие небесное. У них было желание, как и у всех русских людей, свести Небо на Землю, построить рай на Земле. Вся русская история говорит о том, что мы сводим Небо на Землю, строим здесь рай. У нас не получается, мы иногда грешим. Но желание увидеть в каждом камне, в каждом стебле божественную красоту, райскую гармонию, присутствует. И орловская земля соединяет в себе три божественные силы: силу русского слова, силу русского оружия, силу русской веры, русской религии, чаяние райских высот. Россия сильна духом. И сейчас, в непростые времена, мы должны обратиться к народу русскому со словами о необходимости духовной мобилизации. Эти проникновенные слова требуют огня в глазах, требуют особой лексики и замирания сердца.

**Вадим ПОТОМСКИЙ,
губернатор Орловской
области:**

— Уважаемые друзья и коллеги, Александр Андреевич. Хочу от себя лично поблагодарить за то, что приехали на великую орловскую землю. Каждый, кто побывает у нас, может убедиться, что Орловщина — великая земля победителей, житница Российской Федерации, которая способна выращивать хлеб, строить машины, способна полноценно жить.

То и дело после всевозможных экономических форумов пугают людей, что на нас сильно действует тот или иной кризис. Поверьте мне как губернатору, Орловская область не ощущает на себе сегодня стоимости нефти, газа, доллара. Мы живём нормальной автономной жизнью, потому что мы выращиваем хлеб. И потому способны прокормить себя и помочь другим. Мы это доказали и в прошедшем 2015 году, когда орловская земля приняла 40 000 беженцев с Украины. Мы каждого разместили, накормили, одели, обули. Многие из них остались на Орловщине. Сегодня они работают, учатся в школах, вузах, дети ходят в детские сады.

«Агрофирма Мценская», о которой было сказано, лишь одно из хозяйств с государственной формой собственности. Есть и частные компании, которые успешно развиваются. Например, СПЦ «Знаменское» — огромный комплекс, лучший в Европе на сегодняшний день. Нам есть чем гордиться.

Мы ставим перед собой серьёзные цели и задачи. И программа, которую мы сообщаем орловцами составляли по развитию Орловщины на 2014–2024 гг., делалась для того, чтобы регион развивался. Александр Андреевич, вы человек, который говорит правду. Сегодня правда особенно нужна. Нужно перестать обольщаться потёмкинскими деревнями и сказать:

мы способны справиться с любой ситуацией. Когда наш президент Владимир Владимирович Путин говорит: Российская Федерация никогда не встанет на колени и не будет плясать под чью-то дудку, люди Орловщины готовы делом доказать эти слова. Мы выполним любую поставленную президентом задачу.

Конечно, в работе не бывает без ошибок и недостатков. Но когда злопыхатели пытаются их преувеличивать, это пользы не приносит. Если кто-то может подсказать, прийти со своим предложением — дверь открыта, придите, скажите, как сделать лучше. Но не надо радоваться ошибкам и раздувать неудачи. Патриотизм и духовность — это работа на пользу Родине.

Мы — верующие люди. Вера в Бога и правильная, честная работа всегда помогали коренной России найти правильный выход из любой сложной ситуации. И мы с вами его найдём.

Валерий КОРОВИН,

член Общественной палаты:

— Орловщина — один из центров сохранения и воспроизводства русского народа. В минуты, когда нас накрывает полное отчаяние, ощущение, что всё уже провалено и сдано, что Россия не выживет, в этот момент из глубин русского народа, из русской земли каким-то чудесным образом поднимаются новые люди. Эти новые силы совершают очередной подвиг, возрождая нашу империю в масштабах, превосходящих те, которые были до этого. Русская империя пульсирует. Она возрождается, разрастается, подвергается нападкам, терпит крах в момент очередного нашествия наших западных соседей и в момент, когда кажется, что её уже ничего не спасёт, вновь обретает силы, вновь поднимается из центра русской земли, из русских регионов, одним из которых является орловская земля. Поэтому здесь самое время

и самое место говорить о духовном возрождении.

Почему это важно для нас именно сейчас? Мы прошли период либеральных экспериментов, когда нам доказывали, что материальное и есть мера всех вещей, что человек, освобождённый от духа, очищенный от души, и есть главная категория современного мира, и всё, что ему нужно, — это благосостояние и комфорт. В какой-то момент мы увлечённо погрузились в пучину бегства от духа, занялись стяжанием материального. Приняли западный алгоритм существования. Запад давно прошёл этот путь очищения человека от духа и, продав душу дьяволу, встал на путь непрерывной наживы. Этой идеей в какой-то момент увлеклась и Россия. И что мы получили?

Ведь в 1999 году, в момент, когда Ельцин, уже практически остывающий и разлагающийся от страшных деяний, которые он сотворил над Россией, передал власть молодому президенту, политологи во всём мире строили прогнозы, когда Россия перестанет существовать — месяц ещё, или полгода всё-таки протянет? Год никто не давал. В состоянии полного упадка мы оказались именно в результате либерального эксперимента, когда поставили материальное превыше всего, забыв не только о духе, но даже и о душе.

В тот период, когда материальное стало единственной категорией и мы сделали ставку только на материальное, на экономику, на благосостояние, отбросив всё остальное, Россия лишилась своего онтологического смысла существования: мы потеряли цель, потеряли смыслы. Новый президент Владимир Владимирович Путин сделал утверждение суверенитета и ценности государства главным тезисом на протяжении всего периода своего правления. Государство для нас — это ценность, ибо оно помогает нам отражать орды и бес-

конечные нашествия со стороны Запада, которые осуществляются каждое столетие, — каждое столетие мы вынуждены военным образом доказывать право на существование и отстаивать свой суверенитет. Сегодня мы вновь осознали, что суверенитет государства — это ценность, что отрицали либералы 1990-х. Поняли, что государство — это то, что даёт нам возможность сохраниться и обезопасить себя от тех западных и либеральных экспериментов, которые чуть не разрушили нас, русский народ и русское государство. Тема прав такого, очищенного от духа и души, сугубо материального человека — это то, с помощью чего Запад убивает нас.

Но как только мы утвердили ценность государства как данность, возник следующий вопрос: а государство зачем? Какова его мессианская цель, его сверхматериальная миссия? И действительно, русское государство всегда имело такую цель. Государство романовское, дореволюционное имело своей целью сохранить Россию как ковчег спасения для всех народов, которые она в себе объединила. Российская империя была идеальной средой для спасения православного человека, для спасения представителей других традиционных религий — ислама и всех тех, кто объединился с русскими православными людьми, соучредив с нами российскую государственность.

Советское государство, советская империя также ставила эсхатологическую цель. Ведь коммунизм — это эсхатологическая идея, это постижение, построение идеального мира, идеального расщудочного общества всеобщего благосостояния и благоденствия. И эта идея лежала за пределами материального. Хотя коммунизм и облекался в марксистские материалистические догматы, в России он был осмыслен именно как мессианская идея.

Но какова идея нынешней России? Сверхматериальная идея? Утверждения о том, что нашими национальными проектами являются доступное жильё, образование, медицина и агропромышленный комплекс, могут восприниматься лишь в качестве промежуточного этапа. Они никак не могут вдохновить весь русский народ на новую сверхмобилизацию, ради которой каждый русский человек готов пожертвовать собой. Мы что, готовы пожертвовать собой ради доступного жилья или доступного образования? Ради этого складывали головы герои Великой Отечественной войны, герои предыдущих русских войн, которые героически отстаивали Россию как ценность, как некую онтологическую сущность? Идея русской государственности, выраженная исключительно в материальных категориях, есть тщета материального мира.

Именно о духовном, сверхматериальном возрождении нужно говорить сегодня, дабы выйти из сложной ситуации, из того

тупика, в котором мы оказались, сделав ставку исключительно на материальное и экономическое. Дух человека принадлежит сверхчеловеческому, божественному, или ангелическому, началу. И только тогда, когда мы обнаружим эту сверхчеловеческую, ангелическую точку сборки для нашего народа, мы сможем действительно всерьёз, а не имитационно мобилизоваться для того, чтобы совершить новый сверхчеловеческий прорыв для отражения того жёсткого наката, который осуществляется сегодня со стороны Запада. И это не только военная агрессия, которой мы ожидаем и к отражению которой готовы. Это агрессия духовная, агрессия, разлагающая суть русского народа и суть русского человека — русский дух, требующая немедленного отражения.

На мой взгляд, духовная мобилизация — это естественное состояние для России и для русского человека как человека духовного, для которого дух всё ещё имеет значение и смысл, в отличие

от человечества западного. Русский народ — последний оплот сохранения человека как такового. Россия может возродиться только как духовный, новый проект новой мобилизации, осуществляющей рывок к постижению сверхчеловеческого, подлинного русского мессианства. Либо духовная мобилизация совершится, либо России не станет.

Олег РОЗАНОВ,
ответственный секретарь Изборского клуба по региональной деятельности:

— Войны, что ведёт Россия — информационная и военные конфликты в Новороссии, Сирии, — несут в первую очередь цивилизационный характер. России брошен, может быть, последний вызов. Западные элиты считают, что наша страна ослаблена, не имеет союзников, и в данный момент можно достичь окончательного решения русского вопроса. Казалось бы, странно, почему крупней-

шие компании, так называемые старые деньги, такие как «Шелл», «Эксон мобил», BP идут на бешеные убытки, миллиарды и миллиарды долларов, от нынешних сверхнизких цен на нефть? Ответ прост: потому что ставка в игре огромна. Какой-то транснациональной корпорации обещана Западная Сибирь, кому-то Урал, кому-то Восточная Сибирь или Дальний Восток, и ради этого они пойдут до конца.

Это цивилизационная война по всем направлениям. Нет единой линии фронта. Нет чисто военных методов. Нет чисто экономических. Есть симбиоз методов для уничтожения Российской Федерации как единого государства.

Цивилизационно мы с Западом слишком разные. Даже юридическая практика об этом свидетельствует. В России юридическая практика называлась «русская правда», то есть судили по правде. Западный выбор — римское право, то есть право формальное. Слова «правда», «справедливость» у них отсутствуют в парадигме формирования и жизнедеятельности государства. У них — формальный подход, утверждение индивидуальных человеческих ценностей.

А что мы можем предложить, чтобы сохранить и усилить Россию? Нынешний ключевой вопрос — это

вопрос справедливости. Он возникает тогда, когда человек чувствует несправедливость. Несправедливо то, что одна часть населения — около 1% — владеет 80% национального богатства. В этой ситуации одним из основных вопросов становится вопрос формирования элит. Элиты должны быть патристическими, ориентированными на державные ценности. А ныне мы имеем антигосударственные элиты, которые аффилированы с западными финансовыми институтами. И только смена элит, приход людей, равнодушных к судьбам отечества, могут что-то изменить. Ведь быть руководителем — тяжкий крест. И главным девизом любого руководителя должно стать слово «служение». Если человек, находящийся на руководящей должности, ощущает свою работу как служение, — у него совершенно другой подход к своему делу. Наши нынешние элиты, в первую очередь экономические, понимают своё властвование исключительно как возможность зарабатывания денег, извлечения выгоды из своей должности, из своего положения. Если мы не изменим внутреннюю политику в вопросе формирования элит, можем проиграть, потому что «пятая колонна» усиливается. И быть в «пятой колонне» вы-

годно — это западные гранты, это продвижение по службе, медийная раскрученность. А патристическая общественность находится в загоне, она является контрэлитой на сегодняшний день, и это большая проблема.

И поскольку нет общей идеи, произошла атомизация общества. Никто не готов умирать за миллионы Чубайса. Расслоение общества — большая проблема. Победить её можно, только проводя справедливую внутреннюю политику. Богатые должны платить больше, бедные должны иметь социальные гарантии от государства. Должны работать социальные лифты: дети из рабочих семей, из интеллигенции должны продвигаться как на государственной службе, так и в общественном процессе. Национальные элиты должны чувствовать свою ответственность.

Война, которая против нас развязана, рассчитана на то, что произойдёт социальный взрыв. Против нас работают профессионалы. Они понимают, что такое нумерология. В 2017 году — 100 лет революции, и к этой дате готовится очередная смена власти, а может быть, и уже само разъединение России. И если мы не станем справедливым обществом, то лишимся будущего.

Егор КОТИХИН,

доктор исторических наук:

— 50 лет я занимался нравственно-патристическим воспитанием школьников. Но ныне в современной школе выбили идеологическую составляющую. Это существенный изъян!

Например, 11 ребят, которые занимались у меня в кружках, в своё время были в Афганистане. И потом делились, что подготовка, идеологическая в том числе, помогала им выжить. Да вы просто к стенке прижмите нашего министра образования, спросите: почему изъяли «Молодую гвардию» из школьной программы?! Вот ка-

кие произведения стимулируют духовную мобилизацию!

Сергей УШКАЛОВ,
*историк, руководитель
брянского отделения
Изборского клуба:*

— При мобилизации общества огромную роль играют элиты, их смена. В нашей истории смена элит происходила не раз. И при Владимире Крестителе, когда он отверг старую языческую элиту. И при Андрее Боголюбском, который ушёл из Киева. Вспомним опричнину Ивана Грозного. Пётр Первый тоже боролся со старой боярской элитой. Репрессии Сталина — это, по сути, смена курса от мировой революции к строительству социалистического государства, смена элит.

Время от времени нам правительством предлагается документы — «Стратегия 2010», «Стратегия 2030». Сейчас там красной линией проходит отказ от социального государства. Это ведёт к развалу высшего и среднего образования, к потере научных кадров и так далее. Но меня очень обнадёжила фраза в интервью Путина немецким журналистам, что «есть 146 миллионов российских граждан, интересы которых я защищаю». Когда на Совете по культуре заговорили о единой культурной политике в стране, президент чуть-чуть дистанцировался от идеологизации этого процесса, но тем не менее с этим согласился. И я думаю, что мы стоим на пороге великих перемен.

Владимир РЫБАКОВ,
*заместитель
ответственного секретаря
Изборского клуба:*

— В нашей стране разворачивается социально-политический и экономический кризис, и опять поднимается дискуссия о цивилизационном выборе России и его последствиях. По открытым заявлениям либералов

видно, что эпоха 90-х годов начинает возвращаться. Опять попытка заклеить, развенчать собственную историю, традиции, культуру с целью внушить народу чувство вины, ответственности за те грехи, преступления, которые он не совершал. В конечном итоге стремление перекодировать, переформатировать его сознание и глубинные коды.

Напрасно думать, что после окончания холодной войны, после краха многополярного мира Запад потерял интерес к России. Збигнев Бжезинский, например, в одной из своих работ открыто заявлял, что Европа останется незавершённой (под Европой он понимает Запад, прежде всего), пока не интегрирует в себя Россию. Мы интересны и с точки зрения наших материальных ресурсов, и выгодного географического положения как санитарный кордон от исламского мира и от Китая. Но на пути этой мягкой колонизации стоит такое понятие, как «имперскость», потому что это родовая черта нашей страны, историческая форма.

Московское царство, Российская империя, Советский Союз — всё это продолжение одной линии, в основе которой лежит византийское православие и ордынские традиции власти. Для русских ли-

бералов империя страшна даже не её экспансией, может быть, географической или экспансией идеологической как Русского мира, а тем, что в России понятия «империя» и «суверенитет» — они тождественны. Пожалуй, наибольшего могущества наша страна достигала именно как империя: при Александре I, когда заключался так называемый Священный союз. И при генералиссимусе Иосифе Сталине, когда проходила Ялтинская конференция. Наша страна стояла у истоков формирования нового миропорядка, который в течение десятилетий не подвергался никаким сомнениям. Кроме того, отказ от империи — это автоматическое превращение страны в национальное государство, возможно, в границах времён Ивана Грозного.

Одной из составляющих духовной мобилизации является борьба за собственную историю, культуру.

Евгений ПРОЗУКИН,
предприниматель:

— Западная экономика, основанная на безумном потреблении и господстве доллара, сегодня заканчивает своё существование. И в своей последней агонии набрасывается на очаг стабильности — на Россию, на православие

как основу стабильности Русского мира. Ненавидит нас Запад потому, что он растерял свои духовные ценности, променял свою духовность на чисто материальное. Иосиф Виссарионович Сталин в 1941 году обратился к народу «братья и сёстры». Это не что иное, как ставка на духовность и понимание духовности как залога победы.

Виктор ЛИВЦОВ,

доктор исторических наук:

— Можно предложить новый термин — «консервативная модернизация». Нужно опираться на опыт ситуаций, которые уже были в российской истории и успешно решались.

Надо опамятоваться, опомниться, то есть снова приобрести свою историческую память. Россия сама добровольно определила свой путь — духовных ценностей, путь совести. На пути совести, развиваясь не завоеванием, а присоединением и освобождением, Россия создала огромную империю — империю добра.

Роль интеллигенции важна потому, что интеллигенция вносит в мир послания вечности, духа. Важна роль государства, и она должна быть увеличена. Владимир Святой, будучи представителем российской элиты и интеллигенции и, одновременно, правителем России, внёс в духовное сознание православие. Послы на его вопрос о вере ответили, что они были на земле, как на Небе. Именно это было критерием того, чтобы принять православную веру, а значит, веру истинную.

Происходит, как правильно сказал покойный патриарх Алексий II, второе крещение Руси. Но и, как правильно говорит патриарх Кирилл, второе воцерковление Руси.

Россия — это хранительница европейской самоидентичности. И спасение всего мира — только в той истине, которую несёт

сегодня живая, реальная Россия. Ведь церкви, которые в Европе превращены в музеи или в пивные залы, не могут быть критерием истинности, а только то, что осталось живым. А живым осталась Россия с её православным сердцем, с её трепетной душой.

Сергей МИНАКОВ,

доктор исторических наук:

— Василий Ключевский сказал, что мы обратились к Западу, чтобы он научил нас пользоваться своим умом, а получилось так, что стали пользоваться чужим. Надо пользоваться своим умом. Маяковский писал: «Смотрите на мир без очков и шор, глазами жадными хапайте, что в нашей стране хорошо и что хорошо на Западе». Мы связаны с Западом драматично. Берём что-то на Западе и не можем отказаться от него. И мы же воюем с Западом. Причём не мы иницилируем это. «Не вся Европа ль здесь была? А чья звезда её вела!» Александр Сергеевич Пушкин обращался в своём стихотворении к клеветникам России. Но то же самое мы можем сказать и о Великой Отечественной войне. Не только немцы, но вся Европа здесь была.

Главная задача, чтобы жить вместе, — найти способы соприкосновения, взаимодействия и ни в коем случае не дать возможности на нас нажиться. России земли хватает, и всегда хватало. Может быть, в этом её отчасти и беда. Малая численность населения и огромное пространство, которое надо обеспечить и оборонить. Говорят, что русский человек, этот Иванушка-дурачок, отхватил шестую часть света. Но для этого нужно и ум иметь, и волю, и смелость.

Посмотрите, почему бегут в ИГИЛ из Европы? И не только те, кто хочет нажиться, но и молодые сердца, которые ищут идею, смысл собственного существования. Не дай, Господь, нам утра-

тить запрос молодого поколения и вообще людей России на поиск смысла: зачем я живу на свете? Без государственной, основополагающей идеи мы государство не создадим, оно спонтанно не возникнет.

Дмитрий АРОНОВ,

доктор исторических наук:

— А как осуществить духовную мобилизацию? Вспоминаются строки великого русского поэта: «Вы мудрецы, поэты, хранители тайны и веры, унесите заветные светлы в катакомбы, пустыни, пещеры». Но на этом пути донесения света веры, знания стоит вопрос единения интеллектуала и власти. Как сделать, чтобы не потерялось высокое звучание, когда это пойдёт к людям?

Проблема перевода высокой теории на язык не просто понятный, а эффективный в практических, полевых политтехнологиях — одна из серьёзных задач. И здесь мы сталкиваемся с ещё одним моментом различия. Мы по-разному понимаем место Запада, по-разному понимаем появление национальной идеологии. И в этом разнообразии важно не попытаться сделать мнение своё единственным, ибо опыт одной единственно правильной идеологии уже был. В итоге она убила и самоё себя, и то великое государство.

Я выразил бы слова благодарности членам Изборского клуба за то, что предоставили возможность испытать счастье духовного поиска, творчества на орловской земле. И выразить надежду, что вскоре отсюда пойдёт и практический посыл, связанный с переходом от теоретического поиска к практическому. Известно выражение, что революцию, в нашем случае мобилизацию, задумывают романтики, а реализуют прагматики. И наша задача с вами сделать так, чтобы не оправдалась третья часть этого высказывания,

чтобы плодами её не воспользовались мерзавцы.

Александр ЕФРЕМОВ,
ученик 10 «А» класса лицея № 1,
г. Орёл:

— Общаясь с представителями своего поколения, я вижу, что попытки переписать историю сейчас, к сожалению, могут увенчаться успехом. Ныне внедряется точка зрения, что Советский Союз и не вносил большого вклада в разгром гитлеровских полчищ. Прозападная пресса уверяет, что США понесли гораздо большие потери, чем Советский Союз. И это находит понимание. Надо, чтобы о наших героических предках помнили. Я понимаю духовную мобилизацию как память, память о своём великом прошлом.

Татьяна ЧЕЛОВЕНКО,
зав. кафедрой религиоведения
и теологии ОГУ:

— Духовная мобилизация — это такое состояние души, которое не может быть навязано сверху. Тем более молодёжи — тем, кто нас будет защищать, кто будет стоять на первых рубежах. Это молодые люди, которые сейчас находятся в состоянии неопределённости.

Им-то что делать? Они будут действительно принимать решения и действительно стоять за Родину, за Отечество там, где это нужно будет. Духовная безопасность, духовная мобилизация — это должно быть внутреннее состояние души.

Сейчас время, когда надо объединяться и мобилизовываться. В России богатейший исторический опыт, ценностный опыт отношения к жизни, который надо сейчас соединять и в один кулак собирать.

В Стратегии национальной безопасности, которую Путин подписал 31 декабря, преподавание религиозной культуры — одна из поставленных задач. Сейчас необходимо работать с молодёжью относительно религиозной культуры, чтобы они сердцем понимали, что такое Русь и что такое святыни как таковые. Они своё чувство святыни будут прилагать там, где им придётся жить, работать, а может быть, и родину защищать.

Александр ПРОХАНОВ:

— Сегодняшние выступления несли в себе открытия: интеллектуальные, духовные. Мне кажется, что создание здесь Изборского

филиала будет обогащать всю национальную копилку — представлений об истории, народе, жизни, смерти, жизни вечной, о нашей родине, о стране. Очень важно, чтобы патриотическая интеллигенция получила возможность высказываться, сверять друг с другом представления, чтобы сложился примерно единый пласт идеологического и духовного состояния. Задача Изборского клуба — создание идеологических концептов, интерпретация и высказывание их на понятном, прозрачном языке, чтобы эти концепты были поняты нашей национальной российской властью. Наш опыт говорит о том, что они усваиваются и на высоком уровне политического руководства, и наши формулы превращаются в практику.

Вадим ПОТОМСКИЙ:

— Александр Андреевич, надеюсь, что Изборский клуб сойдёт на Орловщине своё гнездо.

Александр ПРОХАНОВ:

— Мы совьём гнездо, отложим яйцо, а высиживать его — орловцам.

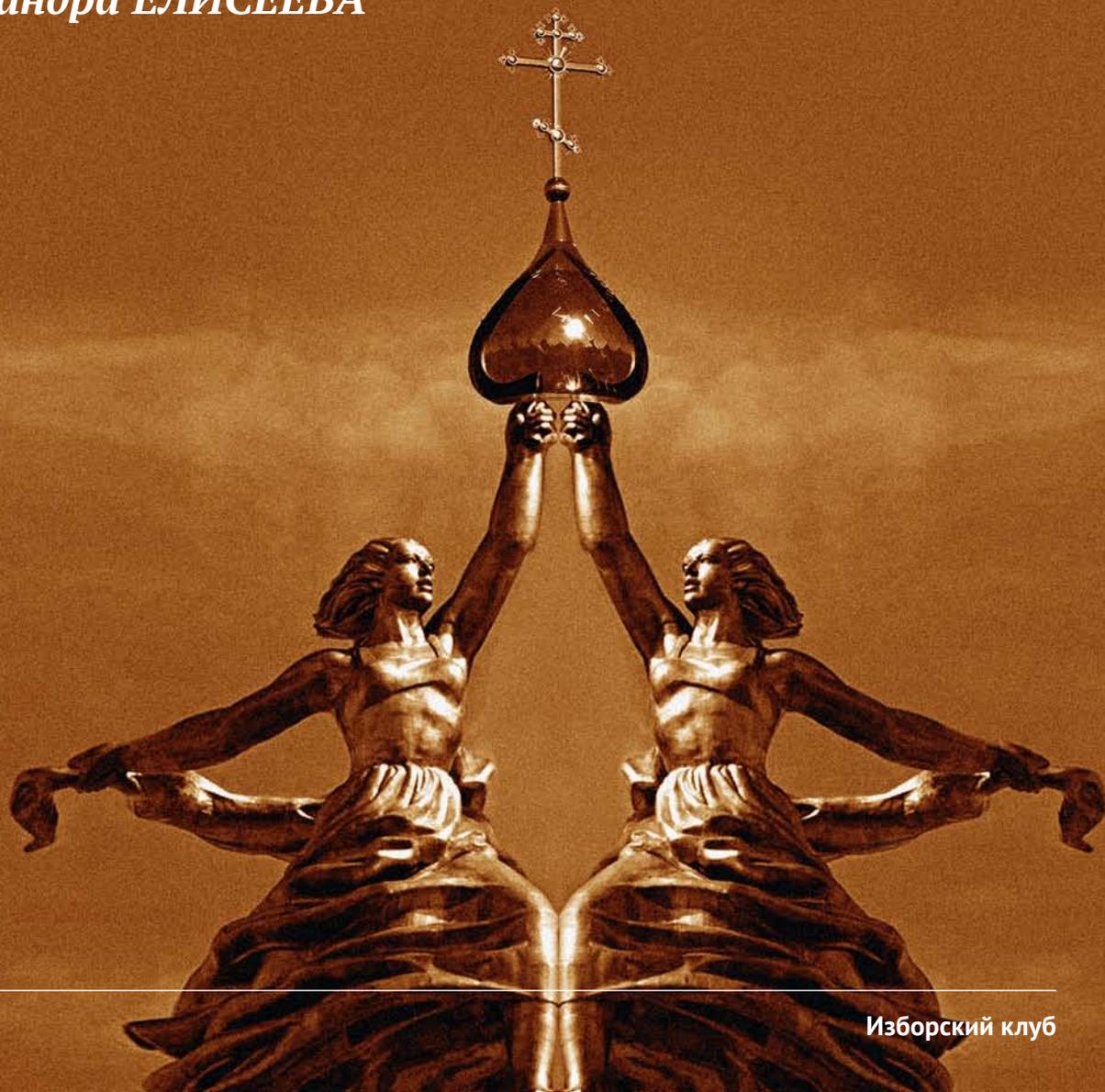
Вадим ПОТОМСКИЙ:

— Договорились.

Христианский социализм — приручение дракона

*Доклад группы экспертов Изборского клуба
под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА
и Александра ЕЛИСЕЕВА*

ВВЕДЕНИЕ

Социальная жизнь — едва ли не самый сложный процесс из тех, что мы наблюдаем в природе. Это спонтанный процесс, преисполненный кризисов, перепадов и катастроф. Энергия, заключённая в социуме, несёт наиболее острые риски для человека и человеческого рода — особенно опасные в последнее время в связи с нарастающей мощью технотронной цивилизации и параллельно усиливающимся релятивизмом духовных ценностей внутри «передового» класса глобализации, который считает, что ему «всё позволено». Сегодня проекты социального переустройства далеко не безобидны и не являются чисто кабинетными размышлениями, как это было 300 лет назад. Дракона социальной энергии, разбуженного и выпущенного на волю из подполья цивилизации, не так легко загнать обратно. А уповать на законы природы в данном случае близоруко, поскольку природа может довольно жестоким образом обойтись с человечеством, которое не совладало со стихийностью своего развития.

Всё больше учёных и социологов склоняются к тому, что социальные науки и социальные практики нуждаются во внешнем регуляторе, который можно назвать моральным или духовным. Человечество не выработало никаких систем саморегуляции, которые могли бы в этом отношении сравниться с религией. Рациональное начало и совесть не всегда и не вполне органично сочетаются между собой. Разум потеснил совесть и пытается найти способы её трансформации или устранения, тогда как достаточно ясный путь соединения двух этих начал указывает именно религиозное мировоззрение в силу своей сверхрациональной основы.

В том, что касается саморегуляции общества, либералы разных направлений указывали на благотворительную роль рыночной стихии. При этом религию они призывали считать «частным делом каждого», подчиняя таким образом и её принципу рынка — в данном случае рынка ценностей и идей. В результате «религиозные услуги» в либеральном обществе приходится рекламировать и продавать.

Государство также трактуется либералами как организация, оказывающая услуги налогоплательщику. Однако факты показывают, что все материальные достижения западной цивилизации стали возможными в первую очередь благодаря государственной мощи, посредством которой Запад эксплуатировал (и продолжает эксплуатировать) менее развитые страны. Сама же «стихия» вносит в жизнь стран и народов хаос, из которого они выбираются опять-таки благодаря государству.

Таким образом, доктрина либерализма построена на фундаментальном лицемерии и двойных стандартах (государственничество и трансформированная квазирелигиозность для внутреннего пользования и разгосударствление и постепенный отказ от традиций для периферии и бывших колоний).

Социалисты предполагали утвердить в обществе принципы жёсткого планирования — чтобы сделать экономическое, социальное и технологическое развитие целенаправленным и рациональным. Для реализации этой цели они ставят государство на службу всему обществу и оказывают повсюду (в том числе во вчерашних колониях Запада) союзниками сильного государства. При этом в перспективе они видят «отмирание государства» — и здесь заключён безусловный парадокс¹. (Любопытно, что современные идеологи глобализма также всё чаще говорят о «растворении государства» в новейшей транснациональной системе.) Но вопреки этой утопии опыт XX века показал, что «реальный социализм» национален по своей сути. Идея политического единства нации подкрепились идеей её социально-экономического единства, тотальной солидарности. Эту идею громко провозгласил Сталин в своей трактовке «народных демократий». Исторически глобальный социализм, с его «Интернационалом», вначале дал вполне нигилистическую реакцию на национал-патриотизм, но затем неизбежно становился патриотическим: либо с течением времени (как в СССР), либо сразу — как в Китае.

Большинство социалистов полагают, что религиозная картина мира навсегда и безнадежно устарела. Религиозные потреб-

¹ Многие критики революционного социализма справедливо указывали на то, что в нём предлагались весьма радикальные задачи, такие как: отмирание государства, семьи, религии, иерархии в обществе, — однако реальный социализм не только не выполнил этих задач, но по целому ряду направлений обеспечил движение вспять, к традиционным ценностям, и в чём-то оказался даже более консервативным, чем классический консерватизм XVIII–XIX вв. Этот факт сегодня служит одним из оснований нового идеологического синтеза — между социалистами и консерваторами-традиционалистами.

ности для социалистов являются пережитком ушедших эпох, и поэтому соблюдение свободы совести — всего лишь неудобная формальность, тогда как борьба с пережитками желательна и благотворна. Но и здесь можно наблюдать эволюцию, похожую на ту, что происходила с патриотизмом, — только эволюцию более медленную. Итогом этой эволюции и должно стать осознание возможности и необходимости сначала союза социалистов и христианских консерваторов, а затем даже и синтеза на основе их идей новой идеологии.

Исходя из опыта начала XXI века мы можем сказать, что в либеральной системе имеет место переко́с в сторону стихийного рынка, порождающего неравенство и тормозящего социальное развитие; при социализме (госкапитализме), наоборот, наблюдается переко́с в сторону директивного планирования, что превращает процесс управления в самодовлеющий. Возникает следующее предположение: не является ли религия, как духовная и этическая система самоограничения, самоисправления, необходимым условием для того, чтобы обуздать крайности социального развития? Не несёт ли она в себе те аксиомы, которые способны сделать социальное развитие приемлемым для конкретного человека с его культурой, ценностями, совестью, стремлением к гармонии с миром и самим собой и в то же время с его творческим потенциалом и стремлением к индивидуальному и социальному развитию? Не приводит ли атеистическое или индифферентное по отношению к религии развитие к упадку самого человеческого типа, расчеловечиванию цивилизации, разложению и энтропии человеческой культуры?

Христианское учение и идея социальной справедливости в корне своём не просто близки, а во многом совпадают².

В круге обозначенных вопросов созревают предпосылки для проектирования нового типа идеологии, в которой будет немало черт социализма. Однако в данном случае речь идёт о социализме, которого ещё не было.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ, КОТОРЫЙ УЖЕ БЫЛ

ЧЕТЫРЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛИЗМА

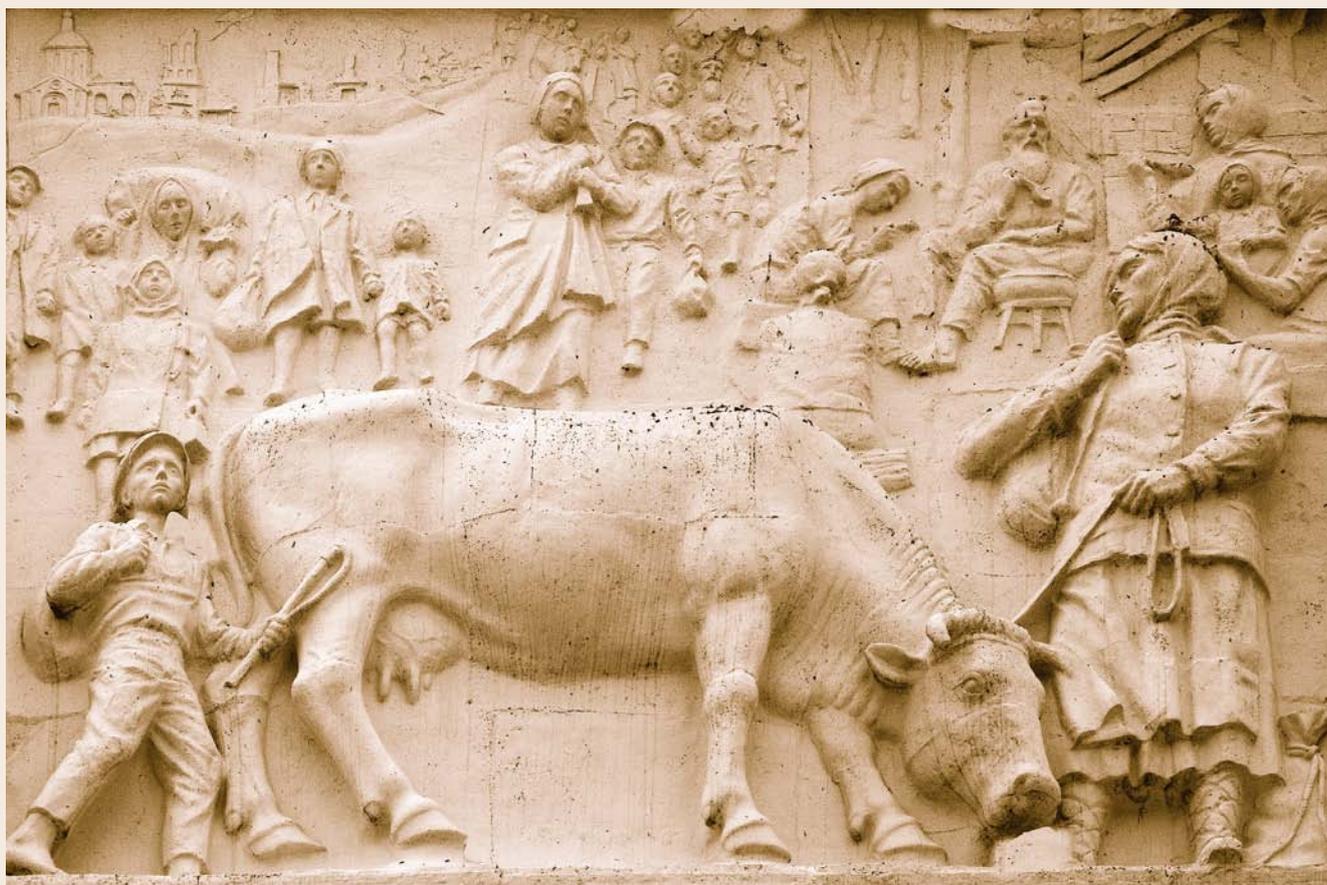
Методологически было бы удобно выделить четыре понятия **социализма** и одно понятие **социалистического начала** как некоего сущностного принципа, который может в той или иной степени по-разному проявлять себя в разных обществах и в разные исторические эпохи.

1. Теоретический социализм. Первое понятие охватывает целый набор социальных учений, в основном возникших в XIX веке, причём изначально среди них присутствовал и христианский социализм. Эти теории имели свою предысторию, они нередко указывают на древних предшественников, как, например, на учение Платона об «идеальном государстве» с управляющей им кастой стражей, лишённых частной собственности, или на древнекитайских мудрецов, а также на средневековых еретиков и представителей «хилиазма». Можно спорить о точности этих указаний, но так или иначе речь идёт всё-таки о предыстории социализма, поскольку во всех этих примерах «социализм» присутствует не в чистом виде, а скорее как прото-идея, причём в смешении с другими идеями³. В дальнейшем теоретические течения социалистического толка сильно видоизменились, и сегодня они широко представлены как на Западе, так и в странах бывшего третьего мира.

2. Патриархальный общинный уклад. Вторым понятием социализма иногда называют «органический», или «патриархальный», социализм у некоторых народов, который заметен на микроуровне (как способ самоорганизации в общинах, в первую очередь крестьянских). В весьма развитом виде стихийный общинный социализм наблюдался у русского крестьянства вплоть до эпохи революции и коллективизации; отнести к этому понятию можно и «социалистическое начало» в народной кооперации, артелях, создаваемых снизу трудовых и воинских союзах и товариществах. В принципе, ускоренная индустри-

² Эта проблематика получила глубокую разработку в большом проекте Изборского клуба, посвящённом идеалам справедливости (см. журнал «Изборский клуб», 2015, № 6, 7).

³ Одним из недостатков таких обзорных концепций «предыстории социализма» стало смешение идей социализма и коммунизма в некий неразличимый идейный бульон — при этом социализм лишался самостоятельной сущности, превращаясь в придаток идеи коммуны как полного и радикального обобществления всего имущества, труда, жилища и других социальных функций. Поэтому в предшественники социализма записывали и катаров, и беггардов, и таборитов, и «богемских братьев», и анабаптистов, и классическую монашескую общину, и религиозные секты Нового времени (как это делал Карл Каутский).

ализация многих стран в XX веке на началах, альтернативных классическому западному капитализму (сначала в СССР, а затем в Японии, Китае и др.), была обязана своим успехом укоренённому в них «социалистическому началу». Точно так же успех экспериментов данной направленности не был бы возможен без склонности народов к социалистическому типу поведения (империя инков, иезуитский эксперимент в Парагвае как свидетельство местного менталитета — и затем латиноамериканский социализм; древнекитайское «социалистическое начало» — и современный китайский социализм; русские община и артель — и советский проект; старая японская община — и позднейшие «дзэйбацу», и в особенности «кэйрацу», и т.д.).

3. Революционно-освободительный социализм. Третьим понятием социализма обозначается широкий веер общественных течений, альтернативных капитализму в его развитом виде. Этот «социализм» в значительной мере был вызван теоретическим социализмом, в первую очередь марксизмом и анархизмом, — во всей пышности он расцвёл в первой половине XX века как модный тогда тип освободительного движения. Это понятие

социализма строится как принципиальная антитеза господствующему порядку, как революционный антикапитализм и в определённом смысле «капитализм наизнанку» (проект контрсистемы внутри капиталистической системы). Многие особенности данного типа мировоззрения невозможно понять, если не учитывать, что главным предназначением его было не построение нового общества, а разрушение старого. Именно этим объясняется его радикализм, в том числе идея отмирания семьи и полной переделки самой человеческой личности — этот радикализм и нигилизм был чем-то вроде эксцесса отрицания.

4. Реальный социализм. Наконец, социализм может и должен пониматься как конкретно-исторический уклад, впервые созданный в качестве стабильной общественной системы в СССР, а затем и в ряде других стран и требующий пристального изучения. Данное понятие социализма обладает особой ценностью в силу того, что это реальный социализм, явленный в истории; и что бы ни говорили его критики о том, что он не удался, что он изменил своим идейным основам, был в сущности лишь «государственным капитализмом», «индустри-

альным политаризмом» и т. п., тем не менее этот уклад состоялся и продемонстрировал свои жизнетворческие возможности, альтернативные миру, в недрах которого он зародился и в окружении которого боролся за существование.

Можно указывать на то, что «общенародная собственность» не принадлежала самим трудовым коллективам и ею распоряжалась бюрократия. Однако при этом уходят от вопроса о том, что одной централизацией ресурсов и пропагандой такого мощного рывка обеспечить нельзя. Особенно если учесть, что основы индустрии были созданы за две пятилетки, в то время как на Западе это заняло гораздо большее время. Очевидно, что «реальный социализм» был вполне реальным, только реальность его была весьма противоречива. При этом не следует забывать — речь идёт о самой первой попытке комплексного строительства социализма. Вызывает удивление не то, что она провалилась, а то, что провали-

лась с таким опозданием. И это само по себе — показатель жизнестойкости данного проекта.

Кроме того, социалистический эксперимент XX века не завершён с крушением советского уклада — другие его ветви продолжают развиваться (в особенности показательны китайский путь развития, где идеи социализма всё больше сопрягаются с традиционной духовной философией конфуцианства и даосизма).

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАЧАЛА

Обратимся к понятию «социалистическое начало». Этим термином мы предлагаем называть явления «социализма до социализма», то есть те зёрна социалистической идеи, которые так или иначе проросли в истории, чаще всего не благодаря, а вопреки внешним условиям. Проросли они независимо от степени осознанности и от наличия соответствующих теоретических предпосылок. Сущностью социалистического начала в истории можно

назвать **ограничение частной собственности, а иногда даже её недопущение** в тех или иных сферах общественной жизни.

Социалистическое начало тем сильнее выражено, чем в более ясном и чистом виде в жизни присутствует **коллективная или общественная собственность**. Её присутствие позволяет сообществам-собственникам принимать те или иные решения в соответствии с тем, как они понимают социальную справедливость и целесообразность. В религиозных сообществах (а к ним так или иначе относятся все общины традиционного общества) социальная справедливость неотделима от высшей, божественной справедливости, а значит, и от индивидуальной совести. Уже по одной только этой причине сама постановка вопроса о религиозном социализме вполне логична и оправдана.

На экономическом уровне социалистическое начало можно свести к перераспределению благ в общине или малом сообществе (где все друг друга знают) по принципам общепринятой справедливости. При этом там могут действовать мотивации не только естественной справедливости как таковой, но и родственные чувства (большинство членов общины находятся друг с другом в отношениях перекрёстного родства той или иной степени), сострадание к слабым, несчастным, неудачникам, незадачливым и т. д., но также и требовательное отношение к соседям и родственникам, их воспитание и т. д. Таким образом, справедливость общинная является ещё и справедливостью семейной (справедливостью отца к детям), с элементами педагогики, в том числе продуманными неформальными механизмами с одной стороны — поощрения и с другой стороны — наказания виновных. Принцип бескорыстной взаимопомощи заставляет отнести к признакам социалистичности не только перераспределение благ как плодов труда и деятельности, но и перераспределение самой трудовой силы, а также применение знаний и жизненного опыта ко всей общине.

Очевидно, что «реальный социализм» был вполне реальным, только реальность его была весьма противоречива. При этом не следует забывать — речь идёт о самой первой попытке комплексного строительства социализма. Вызывает удивление не то, что она провалилась, а то, что провалилась с таким опозданием.

Трудовая сила более трудоспособных и компетентность более развитых и мудрых людей не замыкаются в частном пространстве индивидуальности, малой семьи, а рассматриваются до некоторой степени как ресурс «большой семьи» — общества⁴.

Таким образом, социалистическое начало стремится интерпретировать общество не как собрание индивидуальностей, но как организм, в котором всё связано и отдельные органы питают и дополняют друг друга, — ослабленный или больной орган не отторгается, а если это возможно, исцеляется силами всего организма. Важно, что это вовсе не принцип равенства или искусственной уравнительности (такого в традиционной общине не было), но именно принцип взаимодополнительности и внутренней связности, когда боль, вызванная на одном конце сообщества, отзывается во всех его нервных узлах.

На технологическом и цивилизационном уровне социализм есть **интегрированная социальная инновация**, во всяком случае таковым выглядит проект социализма в контексте развитого капитализма. От патриархального социализма реальный социализм отличается своей системностью и масштабностью, а также своей продуманностью и всеобъемлющим началом планирования. Это волевой и преобразовательный проект, он стремится к комплексной перестройке общества в соответствии с моделью оптимальной организации. Отсюда

⁴ В русской общине среди большого числа форм мягкой кооперации особо выделяется такой феномен, как «помочи» (или «толока»), встречавшийся в крестьянской среде ещё и в 60-е годы XX века. Выполняемые в помочах работы могли быть крайне разнообразны — пахота, сельскохозяйственные постройки, кладка печей, рытьё колодцев, рубка дров, гнутьё полозьев, пряжа и т. п. Имели место: поочерёдные помочи — исполнение определённой трудоёмкой работы всеми общинниками у всех по очереди; помочи нуждающимся — исполнение необходимых аграрных и домашних работ для тех крестьян, которые по какой-либо причине не способны были самостоятельно справиться с обычным годовым кругом работ; и некоторые другие их виды. Чаще всего помочи для бедных, вдов и убогих осуществлялись без сколько-нибудь существенного вознаграждения, «для ради Христа». Общины помогали восстановить жилище и хозяйство погорельцам, оказывали поддержку попавшим в беду своим членам. Помочи воспринимались в традиционном крестьянстве как своеобразный синтез труда и праздника: труд осуществлялся не для себя, а для других, граница между трудом, игрой и ритуалом также была размытой, нестрогой. При этом участник помочей знал, что и он сам впоследствии может рассчитывать на помощь односельчан. (Подробнее об этом см.: Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек. — М. 2014. — С. 123–129.)

возникает соблазн вторгнуться с инновациями не только в отношения собственности и материального производства, но и гораздо дальше — трансформировать весь жизненный уклад, семейно-родовые отношения, структуру отношений между профессиональными и классовыми группами, между городом и деревней, между поколениями, между национальными и этнокультурными группами, между физическим и интеллектуальным трудом, между практикой и наукой, наконец, трансформировать самого человека наиболее радикальным образом — через его выведение из-под опеки старых институтов (семьи и религии) и воспитание его новым государством.

Таковы соблазны и устремления реального социализма, который, если он ничем не ограничен, стремится к некоей мессианской «тотальности», нацеленной на переустройство всего и вся.

Другое дело — «реальный социализм»: если он существует сколько-нибудь продолжительное время, то отходит от радикального мессианства, смягчается и обретает некое социальное равновесие. Однако происходит это вопреки изначальным посылам и поэтому воспринимается и внутри, и извне системы как измена делу революции и изначальным идеалам, как «слабость» самого социализма и его склонность к оппортунизму и постепенному сползанию обратно в буржуазный уклад. Между тем постановка вопроса о социализме как динамическом консерватизме и сбалансированном курсе развития вполне возможна, и в ней как раз содержался бы больший иммунитет против буржуазного перерождения, чем в радикальном «левачестве».

В описанных соблазнах, безусловно, заключена важная предпосылка христианского социализма как такого мировоззрения, в котором на преобразовательный потенциал социалистической идеи накладывается «узда» духовных ценностей. Тем самым инновационная энергия реального социализма балансируется религиозным принципом, подчиняется уже не только абстрактному разуму (гуманистическому или постгуманистическому), но разуму, выносящему высший принцип за свои пределы, то есть разуму нравственному, совестливому.

В таком случае социализм работал бы не на расщепление общества, не на углубление антагонизмов, не на отщепенство и окончательное отчуждение людей от всех социальных единств, созданных историей, но изначально ориентировал бы людей

на углубление кооперации и взаимопомощь. Социализм не стремился бы самонадеянно претендовать на сборку «освобождённых» индивидов в общество заново, «с чистого листа», но мог бы стать национальным (суверенно-патриотичным), религиозным, общинным. Это был бы **не социализм ненависти ко всему миру, в котором он родился, но социализм любви к Отечеству, Обществу и Богу.**

В соединении религиозных ценностей с ценностями рационального переустройства социальной жизни происходило бы также и соединение и сотрудничество ныне живущего поколения с поколениями предков, ведь религиозная традиция помимо всего прочего представляет собой завещание отцов. Такой социализм распространил бы идею справедливости не только на ныне живущее поколение, но также в прошлое и будущее и стал бы собиранием общества во времени и истории как проекция христианской соборности.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ИСТОРИИ

Если рассматривать то, что мы предложили назвать «социалистическим началом» в историческом преломлении, то мы увидим много интересного и поучительного. В частности, социалистическое начало, причем довольно сильно выраженное, наблюдается далеко не только в новoeвропейской истории. Некоторые даже полагают, что «социализм так же стар, как само человеческое общество» (Д. Койген).

Определение социализма как первой стадии коммунизма, вообще связывание социализма с коммунизмом есть весьма сомнительная идея, которая при этом стала чрезвычайно влиятельной. В историософской схеме Маркса было своего рода изящество неумолимой симметрии. В центральной части схемы располагались три классово-антагонистические формации: рабовладение, феодализм и капитализм; коммунизм будущего как финал человеческой истории соотносился в этой схеме с «первобытным коммунизмом» начала истории, а его предварительная стадия (социализм) вольно или невольно соотносилась с формами социума, который уже выходил из первобытности, но ещё не пришёл к классовому порядку. Вместе с тем в этом пункте Маркс запнулся, потому что такие общества в его схему плохо вписывались: он называл большинство из них обществами «азиатского способа производства», так и не дав развёрнутой и глубокой проработки данного вопроса. Поздний Маркс вообще не употреблял понятие «азиатский способ про-

изводства», фактически капитулировав перед поставленной им самим проблемой.

Если попытаться дать некую обобщённую модель «азиатского способа производства», то мы увидим, что в древних обществах ей отвечало: централизованное государство, контролирующее большую часть экономики, строгость и даже жёсткость власти по отношению к подданным, создававшая высочайшую дисциплину, способность государства к организации масштабных общественных работ на основе принудительного труда (строительство каналов, пирамид, мегалитических сооружений, к примеру, поражающие воображения дороги в скалах, прорубленные в Империи инков или Великая китайская стена, разработка больших рудников, примитивная промышленность, государственные ремесленные мастерские и т.д.). Устройство государства в ряде древних цивилизаций этого типа (Шумер, Древний Египет, Китай в эпоху Цинь и др.) оставляет у исследователей ощущение присутствия в них явного «социалистического начала»⁵.

Обобщая результаты многочисленных работ историков середины XX века об «азиатском способе производства», И.Р. Шафаревич среди его ключевых признаков называет: особый вид собственности (отсутствие или слабость института частной собственности), малая роль торговли, деспотический контроль государства над общинами⁶.

Исследователи-марксисты с удивлением вынуждены были констатировать фактически «бесклассовый» характер таких обществ. Пришлось признать, что в государствах этого типа класс эксплуататоров представлял собой функционеров государственной машины (тезис, звучавший в контексте советской действительности вызывающе). Утверждения Маркса о «поголовном рабстве» как основе экономики «азиатского способа» не подтвердились — на самом деле рабский труд не занимал в этих обществах значимого места, рабы составляли второстепенные группы в экономике. Чтобы оправдать огрехи марксизма в трактовке этих вопросов, советские историки стали использовать сложные конструкции — вроде «маскировки» классового антагонизма в «азиатском способе производства» формой ренты-налога и «общественных работ» и т.п.

Альтернативная марксистской трактовка этой проблемы прозвучала у К. Виттфогеля в его концепции «гидравлической цивилизации», или «ирригационного общества», суть

⁵ Иногда, несмотря на древность большинства этих феноменов, этому можно найти некоторые подтверждения и на уровне теоретическом — например, в «Книге правителя области Шан» Гунсунь Яна (IV в. до н.э.).

⁶ Шафаревич И.Р. Полн. собрание сочинений в 6 томах. Т. I. — М., 2014. — С. 476–478.

которой сводится к тому, что рассматриваемые общества строились как этатистские системы, в которых государство являлось собственником ключевой части экономики, составляющей его технологическую базу (во многих случаях, хотя и не всегда, имелась в виду система искусственной ирригации — Виттфогель уподобляет её современной «тяжёлой индустрии»)⁷.

У Виттфогеля, Хейхельхейма, а до них у Б. Рицци прослеживается настойчивая мысль о параллелизме этих древних форм обществ по отношению к социализму XX века, который даже предложили назвать «современной формой восточной деспотии». Эта аргументация получила развитие у критиков советского социализма, таких как М. Восленский, М. Джилас. Унаследовал эту трактовку и Шафаревич.

Подобного же мнения придерживается и отечественный теоретик неотроцкистского толка Ю.И. Семёнов, называющий этот тип обществ «политаристским».

Надо сказать, что параллели между «реальным социализмом» советского типа и древними обществами Востока, Африки и Америки напрашивались. Вероятно, первым провёл такую параллель академик Павлов, который в начальные послереволюционные годы в одной из бесед отметил: «Я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий»⁸. Из учёных-социологов в те же годы эту мысль развивал Питирим Сорокин, применявший её, правда, к эпохе военного коммунизма⁹. Эту же параллель предсказал Г.В. Плеханов, когда он предпо-

⁷ Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power.* — Yale University Press, 1957.

⁸ Артамонов В.И. *Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учёными.* — М.: Академия, 2003. — С. 24.

⁹ Сорокин П. *Современное состояние России // Новый мир.* 1992. № 4. — С. 196.

ложил, что социалистическая революция, свершившаяся в стране с незрелыми для нее социально-экономическими условиями, может «привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перуанской империи, т. е. к обновлённому царскому деспотизму на коммунистической подкладке»¹⁰. Его предсказание, в свою очередь, имело предшественников среди французских философов XIX века, называвших древние деспотии «социалистическими» (А. Франк, А. Сюдр и др.), хотя они ещё и не догадывались о том, каким станет «реальный социализм» в XX столетии.

И в то же время, глядя из сегодняшнего дня, трудно отрицать, что эти параллели, при всей их внешней правдоподобности, были довольно-таки несправедливыми по отношению к «реальному социализму» в СССР. Ведь в советском проекте, в его развитом виде, был целый ряд черт, радикально отличающих его от обществ «азиатского способа производства» даже безотносительно уровня развития науки и технологий. К таким чертам относились, к примеру:

- реализация всеобщего права на образование, в том числе относительно эффективная работа социальных лифтов для одарённых людей;
- равноправие женщин;
- передовая медицина, распространяемая на всё население, к примеру, впервые в мире созданная в 30-е годы система «Скорой помощи»;
- система массовой информации и пропаганды, а также культурного просвещения, которая давала не только информационный, но и преобразующий ментальный результат. (Заметим в скобках, что в соединении с духовным потенциалом христианства такой подход к культивированию высших уровней личности в массовом воспитании и образовании должен дать качественно новый эффект; результат такого «христианско-социалистического» воспитания может превзойти даже самые оптимистичные ожидания.);
- система обратной связи, работавшая, в частности, через огосударствленные партийные и общественные структуры (парткомы, месткомы, комитеты комсомола), позволявшая во многих случаях доносить наверх жалобы и предложения, добиваться решения многих проблем.

Всё это лишь небольшая часть примеров и аргументов против уподобления советского проекта обществам «азиатского способа производства». Но и параллелизм между ними тоже имеет свой смысл — смысл этот заключался в том, что принцип частной собственности вовсе не является универсальным в истории, тем более не является он «священным» — он относителен и применяется по-разному в разных обстоятельствах.

Исторически «реальный социализм» сталинского образца, безусловно, был ранним, преждевременным опытом — это был инновационный прорыв, осуществлённый на недостаточно подготовленной почве. Этим, по всей видимости, объясняется высокая цена и многомиллионные жертвы, которые были принесены нашим народом для воплощения данного эксперимента. С другой стороны, если бы инновационный прорыв не был тогда осуществлён, — это не значит, что он был бы осуществлён позднее, когда условия созрели бы в большей степени. Опыт Запада показывает, что созреванию условий для построения более справедливого общества сопутствует и резкое усиление господствующих олигархических монополий, которые приобретают такую власть над обществом, создают такие механизмы информационной и культурной гегемонии, что фактически блокируют альтернативные политические проекты. Верхний класс капиталистической системы адаптируется к новым условиям быстрее, чем её средний класс, и ему удаётся разными способами упредить появление в капиталистическом обществе сильных и независимых контрэлит.

Победа социалистического проекта в СССР (а затем в Китае) была обусловлена историческим парадоксом — а именно тем, что в этих странах капиталистический уклад ещё не окреп. В результате был произведён обратный эффект: отсталые общества, «прыгнувшие» в социализм, заставляли капиталистов на Западе резко изменять характер перераспределения национального богатства в своих странах, строить у себя «социальное государство». (И в этом отношении не стоит обольщаться: капитализм не создавал welfare state исходя из филантропических убеждений, он делал это под прицелом пистолета, который приставлял к его виску «реальный социализм».)

¹⁰ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч. Т. 2. М. — Л., 1925. С. 306.

«Реальный социализм» сталинского типа, в принципе, мог бы продолжить развитие по экспоненте и совершить следующий бросок — к тому, что позднее стали называть «постиндустриальным укладом». Об этом мы уже писали в одном из докладов Изборскому клубу¹¹. Зададимся другим вопросом: мог ли сталинский строй совершить эволюцию в направлении христианских ценностей? Этот вопрос сегодня дискутируется, и всё чаще звучат голоса о том, что такая возможность была. Во всяком случае при Сталине наметился вектор на отбор общих оснований двух этих мировоззренческих парадигм¹².

Однако уже вскоре после смерти Сталина началось вырождение проекта — при Хрущёве его «подъёмная сила» резко сокращается и, хотя по инерции сталинский проект даёт ещё несколько блестящих результатов в научно-технической области, советская система постепенно опускается в целевых векторах своего развития: от творчества и служения к потребительству. Это превращает её из альтернативы капитализму, из контрсистемы западного мира в своеобразную «пародию» на него (социализм как недо-капитализм).

Что касается опыта построения «реального христианского социализма», то в истории человечества есть лишь один такой проект, который просуществовал довольно долго, более 150 лет, с 1610 по 1768 г. Это так называемая «христианская республика», основанная иезуитами в Парагвае и собравшая в себе около 170 тысяч индейцев-гуарани, объединённых в оседлые общины. Опыт данного «реального христианского социализма» поражал воображение многих исследователей. Даже Вольтер, которого невозможно причислить к симпатизантам иезуитов, назвал его «триумфом

человечества». Встречались, правда, и жёсткие критики этого государства, в частности, к таким критикам относились противники Католической церкви. Но если обратиться к чистым фактам, а не оценкам, то можно будет увидеть, что данное государство было действительно построено на началах религиозного братства, пропорционально и справедливо распределяло материальные блага и при этом строило общество с высокими духовными, нравственными и культурными устремлениями. Что касается эффективности этого государства, то оно сумело наладить достаточно производительный сельскохозяйственный труд¹³, построить на своей территории целый ряд современных поселений и величественных соборов, а также смогло побеждать в войне с португальской армией, несмотря на разительное отличие в уровне вооружения и обучения воинов. Иезуиты не стремились европеизировать индейцев, хотя они активно их христианизировали, а также внедряли в их среде передовые технологии. Парагвайские редукции иезуитов прекратили своё существование потому, что они стали серьёзной помехой для работорговых кланов испанцев и португальцев, которые из-за неприкосновенности «республики» лишились огромных прибылей.

Если не считать этого удивительного примера, по своей продолжительности и самостоятельности гораздо более убедительного и весомого, чем прожектёрские построения утопистов (фаланстеры фурьеристов, американская коммуна Оуэна) или общины религиозных сектантов¹⁴, то «христианский социализм» оставался по большей части теоретическим и идеологическим явлением без серьёзных практических и политических последствий. Наиболее ярким образом эта идеология получила развитие во Франции XIX в., сначала

¹¹ Всплывающая империя. Доклад Изборскому клубу под ред. В. В. Аверьянова — Изборский клуб № 2 (26) 2015. — С. 33.

¹² По выражению современника Сталина святителя Луки (Войно-Ясенецкого), «очень многое в программе коммунистов соответствует требованиям высшей справедливости и духу Евангелия». «Я тоже полагаю, — свидетельствовал святитель, — что власть рабочих есть самая лучшая и справедливая форма власти. Но я был бы подлым лжецом перед правдой Христовой, если бы своим епископским авторитетом одобрил бы не только цели революции, но и революционный метод» (Лисичкин В. Лука, врач возлюбленный. — М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2009. — С. 125–126). Сближение церкви и социализма в эпоху 40-х — начала 50-х гг. вовсе не было тактическим союзом, заключённым ради победы в войне, — некоторые малоизвестные высказывания в черновиках и записных книжках Сталина свидетельствуют о более глубоком стратегическом замысле.

¹³ Иезуитская республика ежегодно реализовывала 184 тонны парагвайского чая (матэ) и около тысячи тонн хлопка, превосходя в этом всех конкурентов в регионе (данные приведены в сочинении: Xavier Charlevoix. Histoire du Paraguay. Paris, 1757).

¹⁴ Обращает на себя внимание, что всевозможные фаланстеры и коммуны образовывались как «островки» посреди обычного мира буржуазных и семейных отношений и, в конечном счёте, стремились в экономическом плане паразитировать на большом социуме. Парагвайский опыт показателен в том отношении, что это был самодостаточный «большой социум», обеспечивавший себя сам (религиозная социалистическая автаркия).

у позднего Сен-Симона в его последнем труде «Новое христианство» (1825), породившем целую школу последователей, а затем у аббата Ламенне, который придал данному направлению общественной мысли законченный характер. Римские папы неоднократно осуждали эти идеи, что не мешало «католическим социалистам» их проповедовать и даже избираться в парламент. Тем не менее в целом данное течение служило питательной почвой для радикального социализма, поскольку рабочие из организованных социал-христианами кружков, разочаровываясь в практической пользе этой идеологии, отходили от неё, а зачастую и от церкви.

Впоследствии христианско-социалистическая идеология пустила глубокие корни в левых движениях по всему миру, она и сейчас занимает видное место в Социнетерне. Представители этой идеологии нигде не пришли к власти, хотя в некоторых случаях можно говорить о близости к ней ряда ведущих политических лидеров (Мартин Лютер Кинг, Уго Чавес, Рафаэль Корреа). В целом можно сказать, что на сегодняшний день христианский социализм потерпел историческое поражение, если сравнивать его с социализмом марксист-

ского типа, христианско-демократическими, центристскими и правыми идеологиями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СОЦИАЛИЗМ, КОТОРОГО ЕЩЁ НЕ БЫЛО

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

В генезисе социализма на Западе есть загадка: непонятно, почему христианский социализм так долго и трудно прокладывая себе дорогу и в итоге оказался относительно периферийным идейным явлением. Почему те ветви социализма, которые стремились сохранить и отстоять традиционные ценности (к примеру, «феодальный социализм» в духе Томаса Карлейля и «Молодой Англии»), быстро отшумели и сегодня фактически забыты, а вместо них социализм интернационалистический, безбожный и материалистический узурпировал даже само право именоваться социализмом? Почему именно радикальный социализм Маркса обрёл огромное влияние и послужил возникновению грандиозной советской цивилизации?

Возможным ответом на этот вопрос является специфика развития Запада после Реформации, когда произошло своеобразное взаимопроникновение двух традиций —

иудейской и христианской и возник эмбрион так называемого «иудеохристианства» Нового времени, являющегося на деле религиозной фикцией или фальсификацией (с ним иногда отождествляют «протестантскую цивилизацию», но без достаточных оснований)¹⁵. Возникший в эпоху Просвещения **гибрид двух традиций** означал не новое религиозное направление, но взаимную аннигиляцию двух религий, двухсторонний отказ иудеев-ортодоксов и христиан-католиков от духовной сущности, которая хранилась в их общинах, храмах и синагогах и замену его неким остаточным морально-этическим субстратом, к тому же достаточно размытым.

Европейский иудаизм в XVIII в. претерпел не менее глубокий раскол, чем сама Европа в эпоху Реформации, в результате этого раскола обозначились два крайних полюса: запирающие «полноты веры» в религиозном изоляционизме (*хасидская революция* консерваторов-харизматиков) и еврейское «просвещение», *гаскала*, создавшая все предпосылки для «исхода» огромного числа людей из религиозной традиции в формирующуюся светскую цивили-

лизацию модерна, их ассимиляции и усвоения ими новоевропейской («иудеохристианской») идентичности как замены иудейской ортодоксии¹⁶. Огромное количество иудеев отказались фактически от своего Бога для того, чтобы внедриться в современную цивилизацию и чувствовать себя в ней равными европейцам людьми¹⁷. В первую очередь они рекрутировались, конечно, в капиталистический уклад, но последние волны этой «эмиграции из иудаизма», вкушившие плодов Просвещения и современной науки уже в середине XIX века, дополнили как раз социалистическое движение — хотя бы по той причине, что наиболее завидные места в капиталистическом хозяйстве были на тот момент распределены.

Всё это вместе — христианская и иудейская секуляризация — было высвобождением огромной социальной энергии, выпусканьем драконов, одним из которых, наиболее яростным и кровожадным, оказался именно революционный социализм, вобравший в себя самые бедные и обездоленные группы эмансипирующихся «иудеохристиан».

Человек раннего модерна, разуверившись в Боге-Троице и в Боге-Яхве, не остановившись на философском деизме, уходил в крайности атеизма, секуляризма либо гностического и оккультного знания, повторяя и превосходя в своём свободомыслии опыт радикальных средневековых сект вроде катаров и альбигойцев. В истоке этого процесса находились салоны и общественные кружки, в которых собиралась «нейтральная элита» Просвещения и куда был открыт доступ людям разного происхождения и разных вероисповеданий. Де-факто это были две большие группы: просвещённые коренные европейцы и «маскилы», то есть «просвещённые евреи».

По мере втягивания в процесс «секуляризации» третьего сословия новобранцы принимали на вооружение всё более радикальные и революционные доктрины. **Социализм ассоциировался у них с избавлением от уз общины и рода, от старой веры, отход от узконационального интереса и переход к интересам общечеловеческим.** Передовым отрядом

¹⁵ «Иудеохристианством» в XX веке стали называть некий консенсус на уровне «общих ценностей», триумф которого якобы произошёл в современных США, — этот подход повлиял на доктрину политкорректности.

¹⁶ Механизм этого исхода, его возникновение в недрах европейского еврейства описано Я. Кацом, показавшим симметричность тех ролей, которые сыграла каббала для европейского гуманизма и Просвещение для еврейской гаскалы (Кац Я. Традиция и кризис. — М., 2010).

¹⁷ Болезненность и сложность этой ассимиляции и трансформации идентичности глубоко переживались в еврейской культуре. В качестве примера можно привести анализ у Х. Арендт образа еврея-парии в европейской культуре (Арендт Х. Скрытая традиция: Эссе. М., 2008. — С. 57–93).

распространения этого мировоззрения стали «тайные общества» на Западе¹⁸.

Осип Манделштам в автобиографическом сочинении «Шум времени» на примере своего отца со свойственной ему художественной зоркостью описал этот дух «просвещённого еврейства» в его отщепенстве по отношению к собственной традиции: «По существу, отец переносил меня в совершенно чужой век и отдалённую обстановку, но никак не еврейскую. Если хотите, это был чистейший XVIII или даже XVII век просвещённого гетто где-нибудь в Гамбурге. Религиозные интересы вытравлены совершенно. Просветительная философия претворилась в замысловатый талмудический пантеизм. Где-то поблизости Спиноза разводит в банке своих пауков. Предчувствуется — Руссо и его естественный человек. Все донельзя отвлечённо, замысловато и схематично. Четырнадцатилетний мальчик, которого натаскивали на раввина и запрещали читать светские книги, бежит в Берлин, попадает в высшую талмудическую школу, где собрались такие же упрямые, рассудочные, в глухих местечках метившие в гении юноши; вместо Талмуда читает Шиллера и, заметьте, читает его как новую книгу; немного продержавшись, он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов <...> и в перчаточной мастерской, и на кожевенном заводе проповедует обрюзгшим и удивлённым клиентам философские идеалы XVIII века»¹⁹.

В результате просветительского проекта возник классический западный буржуа, капиталист. И уже довольно скоро за ним на сцену истории вышел и идейный социалист.

Основные черты предшественника — **его космополитизм, его равнодушие и пренебрежение к отечеству, церкви, общине, из которой он вышел, его меркантилизм и прагматизм — всё это было унаследовано от ублюдочного папаши капитализма его не менее ублюдочным сынком — социализмом революционного толка.** Социализм того же Маркса строился по образу и подобию капитализма, со всеми его родовыми пороками²⁰. Социализм марксистского типа навсегда сохранил в себе эти пороки — фактически он предложил заменить мамонопоклонство и узкий эгоизм капиталистов на потребительство и стадный эгоизм пролетариев, отвоевывающих свой кусок общественного каравая.

То, что социализм как идеология выростал в контексте «иудеохристианской» парадигмы, означало, что он ни иудейский, ни христианский, ни ветхозаветный, ни новозаветный, а как будто «нейтральный». Фактически **мы имеем дело с исторической случайностью**, которая сделала социализм идеологией, воспроизводящей в вывернутом наизнанку виде капиталистический мир в его отщепенстве от всякой иерархии, кроме иерархии финансового богатства (у марксистов на место денег встало «материальное производство», в конечном счёте тот же самый божок материальных благ, взятый не в ипостаси накопления, а в ипостаси удовлетворения первичных потребностей, то есть потребления).

Эта историческая случайность объяснялась тем, что должен был выдвинуться и победить социализм, соответствовавший иде-

¹⁸ Атеизм, вопреки иллюзиям советских консерваторов, вовсе не был конечной станцией процесса секуляризации, он был промежуточной остановкой на пути «освобождения» от религии. Специфика СССР состояла в том, что его централизованный аппарат образования формировал новое массовое сознание, застрявшее на станции атеизма. Всё это не помешало постсоветским массам за какие-то несколько лет перестройки обратиться к банальным суевериям, примитивному неоспиритуализму и магии (процесс обращения к традиционному православию и исламу в 90-е годы был гораздо более трудным и длительным).

¹⁹ Манделштам О. Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. — М., 1990. — С. 118.

²⁰ Все ранние работы Маркса служат ярким подтверждением этому: пролетариат у Маркса «вылеплен» капиталом и отражает в себе основные идеи и особенности капитализма, его породившего. Также и идея «Интернационала» прямо проистекает из буржуазного космополитизма. Пролетариат должен покончить с миром капитала — но и в этой роли «могильщика» он повторяет буржуазию, которая в своё время «похоронила» дедушку-феодализм. Любопытна аргументация Маркса в «Манифесте Коммунистической партии»: «Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жён, — кричит нам хором вся буржуазия». Что же отвечает на это Маркс? Вместо того чтобы объяснить, в чём его положительный взгляд на семью и отношения полов, он заявляет: «Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жён у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жён, она существовала почти всегда. Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жёны и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жён друг у друга. Буржуазный брак является в действительности общностью жён. Коммунистам можно было бы сделать упрёк разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жён официальную, открытую». Точно так же отвечает Маркс на упрёк, что коммунисты «хотят отменить отечество, национальность». Он говорит на это: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Национальная обособленность и противоположности народов всё более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата ещё более ускорит их исчезновение». Таким образом, Маркс мечтает узаконить и ускорить всё разрушительное для человека и человечества, что принёс с собой капитализм.

Россия во всей этой драме была ни при чём: она не принадлежала западной цивилизации, она не участвовала в Реформации и Просвещении, она не создавала радикальные теории — но тем не менее основной удар марксистского социализма приняла на себя именно Россия. При этом она умудрилась не погибнуть как империя и цивилизация, но переработала сброшенный в неё ядовитый продукт жизнедеятельности чуждой цивилизации в нечто удобоваримое и даже убедительное для всего человечества.

алам Просвещения, а именно: «нейтралитету» по отношению к религии, отечеству и этнокультурному происхождению. Это была грандиозная и весьма ревностная иллюзия «общечеловечности» Просвещения. Именно поэтому другие ветви социализма (религиозный социализм, феодальный социализм, общинный и национально-государственный социализм, в том числе русское христианское народничество) должны были быть оттеснены на обочину — они усиленно выдавались носителями нового мессианства за нечто устаревшее и даже морально постыдное, поскольку не соответствовали современному «благородству» — благородству «общечеловеков». Секрет успеха радикального социализма был в том, что он легко усваивался молодёжью и нёс в себе мощный ниспровергающий заряд, тогда как другие виды социализма не были столь нигилистическими, они предполагали ограничить лишь олигархический капитал, но не желали уничтожить окончательно весь «старый мир», подорванный буржуазными революциями, — этот «старый мир» был дорог им, поскольку это был их дом²¹.

«ВЫСОКИЙ СОЦИАЛИЗМ» — РЕЛИГИОЗНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ОБЩИННЫЙ

Западноевропейский социализм в его революционном изводе представлял собой гремучую смесь идей, отобранных «нейтральной элитой»

постхристиан и постиудеев как основа идеологии, нацеленной не только на уничтожение капитализма, но и изживание всех остатков и пережитков феодализма. Отринув свои религии, эти социалисты построили на их месте горячую харизматическую квазирелигию, завернутую в упаковку науки и идеологии. Коммунизм стал для них одновременно точным прогнозом и истовым пророчеством, но для реализации прогноза и пророчества требовался не Бог, а революционная партия, призванная возглавить революционный класс. По сути, это означало, что функция Божества в этой квазирелигии принадлежала самим революционерам, которые должны были стать «творцами истории». Самообожествление революции — яркая и поразительная черта, которая безусловно роднит её с наиболее радикальными из гностических сект.

В таких условиях «высокий социализм» не смог состояться. Состояться помешало ему то, что в идеологическом мейнстриме к идее социальной справедливости были искусственно приклеены такие, в сущности, не свойственные историческому «социалистическому началу» принципы, как:

1. Интернационализм, изначально подрывающий и порочащий мысль о социализме как идеологии национального суверенитета (патриотической идеологии).

2. Воинствующий атеизм, представлявший собой иудеохристианский секуляризм, который, как «собака на сене», не подпускал к социализму никакую религию.

3. Экономический детерминизм, который принципиально занижал и примитивизировал возможности социального развития (в этом пункте марксисты, а во многом и анархисты унаследовали буржуазный меркантилизм).

4. Материализм как редуцированная метафизика — «вера только в то, что можно пощупать руками, и упование только на то, что можно употребить», — мировоззрение, предвосхищающее расчеловечивание западной цивилизации и подстёгивающее данный процесс. В наиболее радикальном своём — коммунистическом — варианте это учение предлагало также ликвидировать и институт семьи, построив общество

²¹ Секулярное еврейство делало свой выбор в пользу радикального социализма, добавляя к радикализму и нигилизму революционной европейской молодёжи свою пассионарность. Революционный социализм был ценен для них потому, что он отрицал «старый мир» Европы не только по причине его недостатков, но и потому, что он давал выход их энергии освобождения от вековой «еврейской униженности», от жизни без своего государства, от духоты гетто — в их ментальности отрицание религии, отечества и общины стали обязательным элементом (ведь они, призывая отказаться от всего этого европейцев, уже отказались от этого в отношении самих себя: от своей веры, от своего утраченного отечества и от безжалостно отринутого ими кагала).

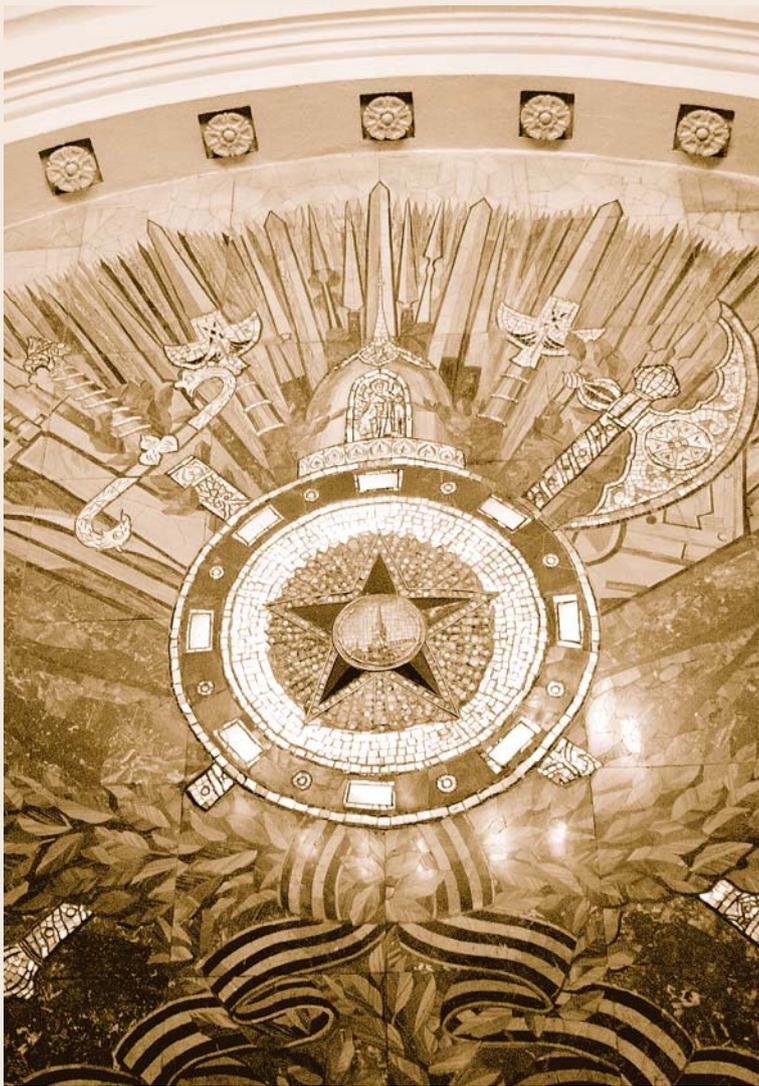
с обобществлением жён и детей (и в этом вопросе опять же налицо предвосхищение глобализационной неолиберальной повестки дня)²².

Причиной совершенной подмены был, конечно же, не сам социализм, а та историческая ситуация, тот глубоко порочный строй, в рамках которого революционные идеологии формировались. Они оказались как будто заражены отвратительными бактериями «дикого капитализма», озверевшей эмансипации, против которых сами восставали. Ненависть к капиталу не уберегла социалистов от его разрушительной энергии — напротив, догмой марксизма стал принцип «чем хуже, тем лучше» — чем быстрее и глубже произойдёт процесс разложения общества, его социальная поляризация, атомизация, отчуждение от всех старых социальных ценностей, тем быстрее грянет очистительная революция.

Величайший исторический парадокс заключается в том, что, понимая роль и значение того «взрыва», который произошёл в результате взаимной аннигиляции двух религиозных традиций в Западной Европе, невозможно отрицать, что Россия во всей этой драме была ни при чём. Она не принадлежала западной цивилизации, она не участвовала в Реформации и Просвещении, она не создавала радикальные теории — но тем не менее основной удар марксистского социализма приняла на себя именно Россия. При этом она умудрилась не погибнуть как империя и цивилизация, но переработала сброшенный в нее ядовитый продукт жизнедеятельности чуждой цивилизации в нечто удобоваримое и даже убедительное для всего человечества.

Мог ли состояться иной русский социализм? Безусловно, до конца XIX века в русской

²² Нигилистический социализм представлял собой нечто вроде «перевернутого гностицизма». Гностики полностью отрицали материальный мир, а радикал-социалисты требовали сокрушить практически все организационные формы этого мира — от государства до семьи. В их оптике мир необходимо было низвести до уровня какого-то гомогенного целого — образа изначальной материи (первичного небытия). Это целое и вставало на место Бога, ради него и уничтожалось многообразие мира. И в этом радикальные социалисты на удивление близки к плутократии, финансово-олигархическим магнатам. Последние также стремятся к разрушению многообразия мира, но уже посредством абсолютизации глобального рынка, стирающего национальные и этнокультурные отличия, подчиняющие и растворяющие государства. (Кстати, неслучайно то, что многие ультралевые радикалы тесно сотрудничали с западными плутократиями. Ярчайший пример такого сотрудничества — Л. Д. Троцкий, бывший в феврале-мае 1918 года горячим сторонником войны с Германией на стороне Антанты.)

интеллигенции гораздо более авторитетным, чем марксово учение, был социализм народников. Его обычно трактуют однобоко, как идеологию террористов, однако к народникам по праву можно отнести значительную часть консервативного и даже либерального лагерей. Достаточно сказать, что к «христианским народникам» знатоки вопроса относят императора Николая II²³. Наиболее разработанным русский общинный социализм предстал в работах Герцена, который называл русскую общину монадой, «клеткой огромной ткани, именуемой Россия». Социализм грезился ему в качестве общероссийского союза общин, представленных в народном государстве посредством Земского собора как республиканского парламента. Его идеи имели продолжение, причём не только

в левом, но и в правом формате. Речь идёт о социал-эволюционистах народнического толка (В. Воронцов, И. Каблиц, С. Кривенко, В. Пругавин и др.). Их обычно называют «либеральными народниками», однако в историографии существует и такое определение — «монархическое народничество». В 1870-е годы они пришли к выводу о надклассовости русского самодержавия, в противоположность революционному народничеству, утверждавшему, что монархия служит «господствующим классам». Народники-монархисты выступали против бюрократизма и буржуазного перерождения самой монархии, за создание всероссийского народного земства.

Марксисты выступили с резкой критикой народничества, указывая на неизбежность разложения старого крестьянского уклада. При этом они долгое время утаивали те оценки самого Маркса, которые тот сделал в последние годы жизни, опираясь на собственное прочтение уже разгоревшегося тогда русского спора об общине. В «Письме в редакцию "Отечественных записок"» он акцентировал внимание на том, что специально изучил русский язык и большое количество материалов и в результате пришёл к выводу, что продолжение движения по пути разложения общины и установления капиталистических порядков означает для русских не что иное, как упустить «наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу»²⁴. В своём «Письме Вере Засулич» он признавал, что знакомство с русской литературой и периодикой заставило его развить и уточнить свой подход к общине: «На Западе дело идёт о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность. <...> Специальные изыскания, которые я произвёл на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»²⁵. В набросках к этому письму, сохранившихся в рукописи, Маркс утверждает мысль, прямо противопо-

²³ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. – М., 1991. – С. 285.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 19. С. 120.

ложную Плеханову и Ленину: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. <...> Если революция произойдёт в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»²⁶. Вопрос, в понимании Маркса, стоял уже не о том, чтобы пройти путём Западной Европы — разложения традиционного хозяйства, — но о том, чтобы поставить сельскую общину в «нормальные условия развития», направить всю мощь государства на её поддержку. Капиталистическая аренда на английский лад противна сельскохозяйственным условиям России, полагал Маркс, а происходящее после 1861 года разрушение русской общины является не следствием неумолимых законов истории, а злой волей правящих классов.

Редко признают в общем-то очевидный факт: крепостной русский крестьянин владел землёй через общину — то есть был мелким землевладельцем, но не в форме частной собственности, а в форме собственности коллективной, общинной. Этим объясняется вековой «социалистический навык» русского народа, полагавшего, что земля Божья и по высшему праву не должна принадлежать человеку-собственнику. Другой малоизвестный факт: после Гражданской войны порядка 80% крестьянства вернулось обратно к общинной форме, видя в ней оптимальную форму выживания, гарантию от явной социальной несправедливости: от произвола власти и от рисков скупки земли крупным капиталом. Окончательно общинные отношения были разрушены лишь в ходе коллективизации 30-х годов.

Ещё одним важным элементом стихийного русского социализма был опыт старообрядцев, которые, как известно, внесли немалый вклад в революцию начала XX века. Так называемый «капитализм» старообрядческих купцов с внутренней общинной точки зрения вовсе не был капитализмом, поскольку сами эти купцы были не вольными частными предпринимателями, а операторами коллективных предприятий, держателями общинных касс — они являлись

распорядителями общинного богатства своих единоверцев, почему и наследовали это богатство не их юридические наследники, а общины, которым они принадлежали²⁷.

Если бы Россия исходила из собственных принципов и устоев цивилизации, она, безусловно, не приняла бы социализм в его столь неорганической связи с атеизмом, экономическим детерминизмом и интернационализмом, какая была свойственна марксизму. Ведь в её недрах веками создавался и пестовался огромный и своеобразный класс стихийных «социалистов» совершенно другого толка. Если бы их спросили о справедливости, они объяснили бы, что они видят её в таких формах, как церковная община и территориальная община, — а эти формы строились на духовном единстве и историческом родстве. А значит, «русский социализм» по своей сущности отрицал бы атеизм и интернационализм. Если бы их спросили об экономической пользе, то они ответили бы, что такая польза легче всего соблюдается в хозяйственной общине и артели. А значит, «русский социализм» отрицал бы и саму мысль об экономическом детерминизме. Потому что в общине невозможно отделить хозяйственный уклад от духовного единства и невозможно представить первое как «базис» второго.

С точки зрения русской социальной истории произошла подмена, которая переводила высокий пафос социального преобразования на началах справедливости на уровень каких-то мелочных вещей, о чём писал в своём «Свете невечернем» Сергей Булгаков, критикуя марксизм как меркантильно-бухгалтерское, идейно убогое и вульгарное решение огромного религиозного вопроса о смысле жизни человека в обществе²⁸.

СТРЕМИТЬСЯ К БОЖЕСТВЕННОМУ, ЧТОБЫ ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

В чём объективная правда социализма?

Состоит она в том, что спонтанные процессы в области экономики (свободный рынок, нерегулируемая экономика и т. п.) ведут всегда к резкой поляризации общества, к возрастанию неравенства в этом обществе. Неравенство зачастую приобретает крайне отвратитель-

²⁵ Там же. С. 250–251.

²⁶ Там же. С. 410.

²⁷ См. об этом статью В. Пыжикова в настоящем номере.

²⁸ Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М., 1994. – С. 315–316.

ные формы, возникает эффект вопиющего паразитирования, реакцией на которое является революционный социализм. По формуле российского экономиста Андрея Кобякова, **социализм в первую очередь есть система, которая ведёт к ликвидации уродливой диспропорции в распределительной сфере.** В этом смысле представляет интерес модель так называемого «шведского социализма», в которой государству принадлежали активы, производившие ничтожный процент валовой внутренней продукции, при этом почти 90% производящей экономики относилось к частной собственности. В данном случае наблюдалась парадоксальная реализация социалистического начала — при сохранении капиталистической системы отношений и собственности государство достигало социальных целей через налоговую и распределительную политику²⁹.

Другой российский экономист Михаил Хазин рассматривает социалистический («красный») и либерально-западный проекты как два способа решения проблемы управления технологическим и экономическим ростом. Красный проект возвращал на место отменённый в ходе Реформации запрет на ссудный процент. Западный проект, напротив, ликвидировал все остальные библейские запреты, провозглашая высшей ценностью «свободу» как право любого индивида их не исполнять. Специфика запрета ссудного процента в красном проекте состоит в том, что там нет частного характера присвоения доходов от ростовщичества. С точки зрения Хазина, «красный проект» сегодня подразумевает возврат библейской системы ценностей — новый социализм будет сочетаться в странах с преобладанием христианской культуры (в исламских странах будет развиваться исламский социализм и т.д.)³⁰. Конкретно возврат традиционных ценностей будет помимо запрета на частное присвоение доходов от ссудного процента заключаться в жёстких ограничениях на сверхприбыли и в развитой системе социальной поддержки, основанной на консенсусе общества по поводу того, что есть социальная справедливость. (Как видим, «шведский социализм» отвечал двум из трёх этих требований, не подрывая при этом основу капиталистической экономики.)

С точки зрения правых, человек по своей природе плох и греховен, а с точки зрения левых, человек, напротив, сам по себе хорош и поэтому, перестроив социальный порядок, можно легко совершить скачок «из царства необходимости в царство свободы». Однако опыт реального социализма (не только советского) показывает, что, когда перераспределение благ становится плановым, когда оно встаёт на систематическую основу, возникает необходимость в аппарате и нормативном начале. Социализм обзаводится бюрократическими механизмами, которые очень скоро начинают сковывать свободу человека и его творческую инициативу. Таким образом, в социализме как строе, основанном на социальных инновациях, действует другое начало, враждебное инновациям как таковым. Это начало развивается постепенно и в конечном счёте переходит к доминированию. Описанное противоречие представляет **одну из главных и трудно решаемых проблем реального социализма.**

В общине на низовом уровне социальная справедливость может осуществляться непосредственно и неформально, за счёт делегирования полномочий авторитетному человеку, известному всем и проверенному реальным ходом общинных дел. Но когда происходит институционализация справедливости, то есть на место справедливого человека встаёт институт, происходит вольное или невольное **расчеловечивание справедливости.**

Возникает вопрос: как возможно в большом обществе сохранить человеческое измерение справедливости, как добиться того, чтобы справедливость не обращалась в мёртвую букву, схематическую социальную привычку, а оставалась живым и действенным принципом? Если бы мы смогли предпочесть справедливость бюрократа и юриста справедливости религиозного характера — не дало ли бы это шансы сохранить на уровне института человеческое измерение? Чтобы остаться людьми и не выродиться в функциональные инструменты государственной машины, нужно оставить включёнными начала совести и уникальности религиозного акта. Иными словами, чтобы остаться людьми, нужно ставить планку выше

²⁹ Иными словами, было найдено хитроумное решение: капитализм как «курица, несущая золотые яйца» сочетался с социалистическим государством, реализующим идеалы справедливости и поддержки беднейших слоёв.

³⁰ Обратим внимание, что исторический «красный проект» взял на вооружение либеральную идею «свободы» и эмансипации от религиозных и авторитарных запретов, и то, о чём говорит Хазин, — это скорее умозрительный «красный проект», которого в действительности ещё не было.

уровня человека — стремиться не к человеческой, а к божественной справедливости.

Вопреки мнениям критиков социализма сам по себе он не является ни святым, ни демоничным строем, «душа социализма» может быть разной³¹. Если бы возвращение системы традиционных духовных ценностей вместе с запретом на частное ростовщичество и ограничение политических возможностей и прав крупного капитала было сегодня возможно, то мы получили бы равновесную идеологическую модель, это был бы социалистический консерватизм или **социальный консерватизм как антропологический реализм**. В нём человек сам по себе не плох и не хорош; человек принимается таким, какой он есть, и рассматривается не как «материал» для социальных опытов, но как определённая ценность в себе, «образ Божий», существо с потенциалом святости и творческого служения. Социальный строй призван способствовать раскрытию этого потенциала — не «передельвая» человека, не конструируя его из ничего (совокупность общественных отношений как *tabula rasa* для социального инженера), но опираясь на то, что в нём действительно заложено.

С точки зрения отечественного историка и мыслителя А. Елисеева, капитализм (торговый строй) символически отражает повреждённую реальность. В космосе и социуме **происходит одновременно поглощение**

.....

³¹ В качестве примера демонизации социализма можно привести работу Игоря Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», в которой он приходит к выводу, что в основе этой идеологии лежит «инстинкт смерти», стремление человечества к самоуничтожению, что она пессимистична и нигилистична по своей сущности. Социалистическая идеология, говорит Шафаревич, стремится редуцировать человеческую личность к ее самым примитивным, низшим слоям. В подтверждение своей гипотезы о социализме как утопии Нарцисса и Орфея Шафаревич приводит аргумент из области демографии: таково «падение рождаемости среди индейцев гуарани в государстве иезуитов в Парагвае, заставлявшее иезуитов применять разнообразные меры давления на индейцев в надежде увеличить прирост населения. Естественно предположить, что и драконовские законы против абортов в государстве инков были связаны с падением там рождаемости: государство обычно принимает подобные меры с целью затормозить сокращение населения. Наконец, не следует ли поставить в один ряд с этими явлениями и то, что русские, бывшие в начале века самой быстрорастущей нацией Европы, сейчас едва ли поддерживают свою численность?» (Шафаревич И.Р. Полн. собрание сочинений в 6 томах. Т. I. — М., 2014. — С. 611–612).

и отчуждение. Учёные говорят о том, что галактики разбегаются, но они же обнаружили и феномен их взаимопоглощения. Люди атомизированы и отдалены друг от друга, но в то же самое время одни индивиды (спящие в группы) эксплуатируют других — как материально, так и психически.

Отчуждение, утверждает Елисеев, имеет свою метафизическую мотивацию. Здесь налицо отличие западного и восточного понимания христианства: православие настаивает на том, что творящие энергии Бога нетварны и содержат в себе всё Божество. Следовательно, и весь тварный мир причастен Божеству. Каждая «вещь» имеет свой Божественный логос, и ею владеет только Бог. Все остальные виды владения относительны — они могут рассма-

триваться как некое временное пользование. Отсюда и представление крестьян о земле как не подлежащей частной собственности.

Преодолеть отчуждение и эксплуатацию капитализма необходимо — этот вопрос поставлен справедливо. Но сделать это полноценным образом можно только в рамках общинного строя, возрождённого на новом социально-политическом и технико-экономическом уровне. В области экономики новая общинность выражается в утверждении коллективной собственности на средства производства. И это, несомненно, противоречит привычному для многих дуализму частного и государственного секторов.

Человек должен проявлять себя в равной мере, точнее в **равновесии**, — как **труженик, но и как и собственник**. И в качестве собственника он должен владеть своей долей общественного богатства непосредственно. Такое возможно только в условиях главенства общинной собственности. Именно община позволяет задействовать обе природы человека в полной мере. Таким образом она «воспроизводит», на символическом уровне, высшую диалектику Божественного и Райского. И в этом символизме проявляется христианский, православный социализм³².

Итак, христианский, общинный социализм обходит две крайности: либеральное подавление низших слоев общества для остановки развития и сохранения статус-кво (искусственное торможение истории) и радикально-социалистическую ориентацию на бесконечное возрастание власти над природой в расчете на душу населения (экспоненциальный рост мощи человечества, «антропологический взрыв»).

Остановка развития и деградация общества и человека в нём — путь в никуда. Такого рода идеология способна лишь пестовать паразитический класс, который, как всякая монополия, загнивает и порождает уродливые формы культуры и политики. Это строй, где господствуют спекулянты, ростовщики, биржевые игроки, финансовые махинаторы, тунеядцы, оказавшиеся на вершине социальной пирамиды.

Если же общество бурно развивается, возникает опасность того, что происходящий

³² Иногда задают вопрос о том, как можно утверждать православный (или христианский) социализм в обществе, значительную часть которого составляют верующие нехристианской религии и атеисты. Однако ответ на этот вопрос гораздо проще, чем обычно думают. Говоря о православном социализме, мы имеем в виду не социализм с хоругвями и с обязательной молитвой перед едой в общественных столовых. Речь идёт о реализации православных архетипов в снятых определениях. Христианский характер общественного строя должен быть не декларативным и не пропагандистским, но опредмеченным, переведённым на уровень понятных любому человеку ценностей, таких как милосердие, справедливость, приоритет служения над потреблением, а творчества над стандартизацией жизни и мн. др.

в нём «антропологический взрыв», высвобождение социальной энергии окажутся не направленными, а спонтанными. Разум сам по себе не даёт гарантий направленности и управляемости развития, поскольку склонен к самооправданию и изобретению теорий, направленных на уклонение от моральной ответственности и усыпление совести.

Более того, социализм, лишённый чётких духовных ориентиров, также вырождается в деспотическо-бюрократическую систему с элементами кастовости и узаконенными неравенством и несправедливостью. Возникает строй, где доминируют бюрократы, партийные функционеры, контролёры, превращающие решение любого социально значимого вопроса в полицейскую практику.

Сегодня, в XXI веке, мы вполне способны представить себе в качестве антиутопии и такой строй, где худшие деградиционные тенденции «неолиберального» и «левого тоталитарного» проектов могут совмещаться. Крайности, как известно, сходятся. Собственно, репетицией такого гибридного строя был в XX веке германский национал-социализм, который достаточно органично сочетал буржуазный характер своего социального порядка с предельной заидеологизованностью и сверхконтролем полицейского государства, а все прелести капитализма рантье — с «трудовыми армиями» рабочих Третьего рейха.

Даже если волшебный «эликсир развития» был бы найден и удалось бы закрепить соци-

алистическое начало как ведущее, общество с большой долей вероятности стало бы дрейфовать не в направлении утопического коммунизма Ивана Ефремова или «Мира Полудня» Стругацких, а в направлении оккультно-гностического превращения человека в постчеловека, «животное-горожанина», как это было предсказано ещё отцом русского космизма Н. Ф. Фёдоровым. Фёдоров увидел уже в современном ему социализме занижение человеческого предназначения, поскольку социалисты не ставили перед собой задачи превращения «слепой силы природы» «из смертоносной в живоносную»: «Возможно ли, естественно ли ограничить «дело человеческое» охранением лишь правильного распределения продуктов производства, заставляя каждого бесчувственно, бесстрастно наблюдать, чтобы никто не присвоил себе большего против других или же чтобы кто-нибудь не уступил бы чего другим, отказываясь от своего?»³³.

Да, действительно, в социализме как идеале справедливого распределения благ самом по себе недостаёт слишком многого. Он не даёт однозначного ответа на вопрос, ради чего в этой жизни стоит голодать и ради чего насыщаться. И хотя, по выражению одного из христианских социалистов, не стоит проповедовать пустому желудку, верно и обратное. Сытость, удовлетворённые базовые потребности не являются сами по себе условием для человеческого развития и совершенствования, очень часто они ведут к противоположному результату³⁴.

³³ Фёдоров Н.Ф. Собр. соч. в 4 томах. Том 1. — М., 1995. — С. 56.

³⁴ Одно из наиболее ярких произведений, где это обосновывается, — очерк Ф.М. Достоевского «Спиритизм. Нечто о чертях», в котором он пишет: «Вы, конечно, понимаете, что наука человеческая еще в младенчестве. <...> Вдруг бы все знания так и свалились на человечество и, главное, совершенно даром, в виде подарка? Я спрашиваю: что бы тогда случилось с людьми? О, конечно, сперва все бы пришли в восторг. Люди обнимали бы друг друга в упоении, они бросились бы изучать открытия (а это взяло бы время); они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорей, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека, как мечтают наши русские социалисты, — словом, ешь, пей и наслаждайся. «Вот, — закричали бы все филантропы, — теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уж более материальных лишений, нет более заедающей «среды», бывшей причиною всех пороков, и теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более непрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займутся высшим, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!» И какие, может, умные и хорошие люди это закричали бы в один голос, и, может быть, всех увлекли бы за собою с новинки и завопили бы, наконец, в общем гимне: «Кто подобен зверю сему? Хвала ему, он сводит нам огонь с небеси!»

Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них всё украл разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за «камни, обращённые в хлебы». Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на дармовщинку и что счастье не в счастье, а лишь в его достижении. Настанет скука и тоска: всё сделано и нечего более делать, всё известно и нечего более узнавать. Самоубийцы явятся толпами, а не так, как теперь, по углам; люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами, каким-нибудь новым способом, открытым им вместе со всеми открытиями. И тогда, может быть, и возопиют остальные к богу: «Прав ты, Господи, не единым хлебом жив человек!» <...> О, разумеется, черти в конце концов возьмут своё и раздавят человека «каменьями, обращенными в хлебы», как муху». (Достоевский Ф. Дневник писателя. — М., 2010. — С. 258 – 260.)

Высказанная Марксом и Энгельсом идея об освобождении человека во имя духовных потребностей, возможно, и не была с их стороны лукавством. Однако во всяком случае они очень мало внимания уделили вопросам о том, чем конкретно будет занято человечество после того, как завершится «обратное отвоёвывание» его из мира отчуждения. Либо здесь сказалась некоторая их наивность как мыслителей, либо же здесь скрывается тот самый порок социализма, о котором писал Фёдоров: они действительно не задумывались о целях и смыслах духовного роста человека. Речь идёт о подмене прогресса человеческого духа прогрессом социальным, а значит, о фундаментальной антропологической ошибке — недооценке человека как активной творящей силе истории и космоса (такая трактовка

возможна, и обожествление человека есть обратная сторона презрения к нему)³⁵.

Социализм исторически может быть реализован на трёх уровнях человеческого целеполагания: на уровне базовых потребностей (идеал которого — полный холодильник, развлечения, свободное время без объяснения, зачем оно человеку); на уровне высоких потребностей (идеал — творчество, совершенствование души и ума); наконец, на уровне высших духовных потребностей (идеал — служение, преображение мира, исправление несправедливости, помощь ближним). В этом смысле социализм «ниже пояса» или на уровне желудка может не только не соответствовать, но и противоречить высокому социализму. К примеру, свободное время человека общества будущего, о котором писали марксисты, может быть «убито» в бесплодных

³⁵ Так полагал Л.А. Тихомиров, хорошо знавший леворадикальную идеологию изнутри. Он писал по этому поводу: «По Оуэну, стоит только изменить внешние условия — и человек начнёт роковым образом изменяться. Эта материалистичность, уверенность в «производности» человеческой личности из внешних условий доведена, наконец, до полного завершения в учении Маркса, который принял за аксиому (никогда не доказанную им), будто бы человек и его общественность суть создание условий добывания пищи. <...> Если это воззрение выразить прямо и смело, то должно сказать, что личности совсем не существует. Это настоящая философия человеческого ничтожества». В то же самое время вопрос о личном минимализме волновал и народников. Например, Н.К. Михайловский обвинял марксистов в фаталистическом понимании роли личности. Он же считал личность движущим мотивом исторического развития, делая особый упор на её нравственном содержании. Социализм, в оптике Михайловского, должен был означать «торжество личного начала при посредстве начала общинного». (Тихомиров Л.А. Критика демократии. — М., 1997. — С.311.)

играх и фантазиях. В свою очередь жертвенная любовь не склонна к потребительству, а, напротив, аскетична и ищет не свободного времени самого по себе, а любой возможности, чтобы заполнить освобождающееся время своей миссией – своим служением. Поэтому христианский социализм, в отличие от атеистического, способен дать определённую гарантию от этого сползания на низшие этажи ценностей и утраты высокого предназначения человека.

К НОВОМУ УКЛАДУ – СОЦИАЛИЗМУ СООБЩЕСТВ

Сегодня существует весьма влиятельное интеллектуальное течение, которое обосновывает преимущество именно коллективной собственности. В высшей степени характерно, что в 2009 году Нобелевскую премию по экономике присудили американской исследовательнице (экономисту и политологу) Элионор Остром, которая привела обширную аргументацию в пользу социально-экономической эффективности коллективных сообществ. Она исследовала многочисленные примеры общественного регулирования в области пользования лесами, пастбищами, озёрами, подземными водами и т.д. Остром делает вывод, согласно которому будущее принадлежит не глобализации и улучшению частнокапиталистического предпринимательства, оно — за коллективными сообществами (коммунами, деревнями, мелкими городами, кооперативами). Именно в рамках таких небольших, но гибких сообществ возможно наиболее эффективное согласование интересов различных сторон и налаживание самого что ни на есть эффективного сотрудничества. (В 2011 году в России была опубликована книга Остром «Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности».)

К слову, эти выводы созвучны выводам, которые сделал в своё время выдающийся теоретик русского и мирового анархизма князь Кропоткин, разработавший модель взаимодействия общин-комьюнити. Идеи русского князя встретили заметный отклик в разных странах мира, они крайне популярны

и сегодня. На их основе было создано широкое общественное движение за местное развитие — «community development» («общинное развитие»). Под ним понимается развитие территорий силами проживающих на ней людей, объединённых в общину³⁶. Данная модель великолепно подходит для **«постиндустриального», информационного общества с его горизонтально-сетевыми связями.**

Возвращаясь к зарубежной необщинной мысли, необходимо обратить внимание на исследования доктора экономики, президента американской консультативной фирмы «Participation associate» («Совместное участие») Джона Симмонса и директора Центра изучения собственности работников Кентского государственного университета Джона Лоуга, обобщённые в работе «От наёмного труда к свободному (производственное самоуправление или «третий путь» в экономике)» — они обратили внимание на то, что в США наиболее успешно и динамично развивались именно те фирмы, которые уделяли большое внимание участию рабочих в управлении и распоряжении собственностью. Опыт подобных компаний убеждает каждый год почти 1000 компаний в США изменить характер владения акционерным капиталом и превратиться в компании с собственностью работников.

По мнению академика С.Ю. Глазьева, высказанному им на круглом столе Изборского клуба, идея социально-христианского синтеза как нового социализма прекрасно подходит к шестому технологическому укладу, где утверждается общество знаний, а прибыль не играет уже той роли, которая была у неё в классическом капитализме. Западный мир, отмечает Глазьев, переходит на отрицательные процентные ставки и создаёт экономику производства товаров с заранее заданными свойствами, где производитель гибко подстраивается под потребителя, его запросы и финансовые возможности.

Но главное веяние времени — изменение подхода к самой собственности. В США и странах Западной Европы ещё с начала 1970-х годов действует «Программа наделения ра-

³⁶ В своё время Кропоткин разработал концепцию, согласно которой взаимопомощь является основой существования человека. Именно благодаря взаимопомощи человек выжил и развивался. И её основной, базовой ячейкой была община — локомотив развития с древних времен. В этом пункте он находился в русле как народнической (левой), так и славянофильской (правой) русской общинной политической традиции. Особенностью же его учения было то, что он обращал очень пристальное внимание на экономическую сторону общинности, местного развития и дал в этом плане убедительное обоснование деятельности всех «комьюнити» в мире. По выражению исследователей В. Дамье и Д. Рублёва, «предлагаемая Кропоткинским система экономических отношений далека от рыночной системы, <...> это не централизованное планирование, а своего рода децентрализованное, основанное на прямой демократии и системе «заказов», поступающих снизу, непосредственно от потребителей».

Собственность на средства производства в народном предприятии является производной от труда, который вложили отцы и деды ныне живущих пайщиков. Тем самым собственники-труженики, помня о предках, помнят и о потомках-наследниках — идея собственности переведена на «вертикальный» уровень. А внешний капитал (инвестор, частник, проводники глобализации) не имеет к этой вертикали никакого отношения.

ботника акциями» («Employee stock ownership plan», ESOP), призванная всемерно поощрять включение работников во владение собственностью. В основе проекта находятся идеи учёного и бизнесмена Луиса Келсо, выступавшего за «рабочий капитализм». В этом его активно поддерживал сенатор Рассел Лонг, благодаря которому предприятия, участвующие в ESOP, получили серьёзные налоговые преференции. Суть деятельности ESOP заключается в том, чтобы не только передавать акции рабочим (для чего был создан специальный траст), но и перейти от принципа голосования акционеров «одна акция — один голос» к принципу «один акционер — один голос». При этом работники не имеют права продавать акции на сторону. Рабочий может стать акционером, не потратив ни единого доллара, а иногда его просто ставят перед фактом, вручая акции, так сказать, в добровольно-принудительном порядке. Вначале компании ESOP действовали преимущественно в металлургии и металлообработке, но потом они распределялись более равномерно — по всем отраслям. Сегодня в США функционирует 12 тысяч предприятий, задействованных в ESOP, их работникам принадлежит от 5 до 100% капитала. Активы данных фирм достигли 120 млрд долларов, в их деятельности занято 13% всей рабочей силы страны.

Можно, таким образом, констатировать, что в ведущей капиталистической стране мира складывается **альтернативный общинно-социалистический уклад**. И вряд ли

следует считать простым совпадением тот факт, что социалистические идеи становятся всё более популярными в США. Влиятельнейший Институт Гэллага провёл опрос, в ходе которого выяснилось, что 36% американцев положительно относятся к социализму. Весьма любопытны данные германского института исследования общественного мнения «Emnid». Согласно им, 88% респондентов высказались за установление в Германии экономического порядка, принципиально отличного от капитализма. Респонденты согласились с тем утверждением, что капитализм никак не способствует утверждению социальной справедливости, защите окружающей среды и т. д. Приоритетными были названы социальные связи, здоровье и экология. Всё это было поставлено выше приумножения капиталов.

В России проблески такого альтернативного уклада были хорошо заметны в эпоху перестройки, до тех пор, пока искусственно не была утверждена госполитика поощрения перехода кооперативных и народных предприятий на начала обычных акционерных обществ. Большой интерес представляет опыт Магомеда Чартаева (Союз собственников-совладельцев «Шухты» в Дагестане). Так же, как и в русской артели, на его предприятии работники являются не наёмниками, а собственниками (пайщиками) и не получают зарплату, но сами распределяют по справедливости полученный доход. Зарплата при таких подходах рассматривается как «пережиток» капиталистического типа распределения, а доход — как более зрелая форма присвоения, отвечающая более высокой ступени развития общества³⁷. Магомед Чартаев вполне ясно характеризовал свою систему не просто как социальный эксперимент, но как **выражение цивилизационной идеи**: «Специфика, на которую часто ссылаются, отмахиваясь от нас, действительно есть, но она не в особенности горного климата, не в сельскохозяйственном характере нашего труда и уж подавно не в форме носа наших собственников-совладельцев. Это чисто российские условия нашей прошлой и нынешней жизни, потому наш союз собственников-совладельцев — это наш российский вариант, наш путь в будущее»³⁸. Сегодня идеи Чартаева поддерживает такой неординарный политик

³⁷ Махоткин А.Г. Преодоление капитала. СПб.: Серебряный век, 2006.

³⁸ Чартаев М. Союз собственников-совладельцев. Выход из тупика. // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции. Т. 1. М., 1996. С. 186.

и организатор, как губернатор Белгородской области Е. Савченко. На встрече с Изборским клубом в 2013 году Савченко, описывая успехи своей модели социально-экономических отношений, апробированной на Белгородчине, признался, что «следующим шагом должно стать внедрение экономической модели собственников-совладельцев, предложенной российским учёным Магомедом Чартаевым. Когда работающий на каждом предприятии человек не только получает зарплату за свой труд, но и выступает как совладелец части созданного им капитала, который будет участвовать в дальнейшем производстве и приносить работнику дивиденды»³⁹. Любопытно, что одним из аргументов в пользу такой модели является аргумент от «общины» и от связи поколений, — в понимании Чартаева, собственность на средства производства в народном предприятии является производной от труда, который вложили отцы и деды ныне живущих пайщиков. Собственность не может рассматриваться только на горизонтальном уровне — одного ныне живущего поколения. Тем самым собственники-труженики, помня о предках, помнят и о потомках-наследниках — идея собственности переведена на «вертикальный» уровень. А внешний капитал (инвестор, частник, проводники глобализации) не имеет к этой вертикали никакого отношения.

Безусловно, для создания новой социалистической экономики необходимо провести огромную теоретическую работу. И в этом плане следует обратить внимание на труды шотландских экономистов — Пола Кокшотта и Аллина Коттрелла. В своей работе «К новому социализму» они предложили модель новой социалистической плановой экономики, и сейчас в связи с этим говорят уже об особой «шотландской школе». Авторы предлагают ввести автоматизированное, информократическое планирование — с упором на Интернет и киберсистемы. Кокшотт и Коттрелл, в отличие от многих других левых, пытающихся создать новые модели, не отрицают «советскую» модель, но предлагают учесть её достижения и усилить их за счёт информократического начала. В частности, они призывают уделять основное внимание именно конечной стадии выпуска продукции.

Обращает на себя внимание, что авторы считают рынок вполне возможным при со-

циализме, но не в гибридном «китайско-югославско-венгерском» варианте. Рынок **включается в систему информократического социализма как элемент** одной системы, перенесённый в другую и меняющий свои системные свойства. Авторы очень увлекательно описывают свойства такого «снятого» рынка.

Если подойти к вопросу с учётом реалий информационного общества и наработок современных экономистов, то будущая структура социалистического планирования может вы-

³⁹ Изборский клуб. 2013, № 7, с. 35.

глядеть следующим образом. В стране создаётся Национальный плановый совет (НПС), куда входят представители коллегий экспертов, избранные народные представители, учёные-экономисты. Часть НПС назначается главой государства, часть делегируется различными учреждениями. При каждом местном общинном совете создаётся свой плановый совет. Кроме того, свои плановые советы создаются в рамках разнообразных проектов. Местные ПС и ПС проектов предлагают НПС свои предложения по составлению плановых заданий. Для этого они могут вступать в разнообразные ассоциации. После широкой (но ограниченной по срокам) дискуссии составляется **общенациональный план**, в соответствии с которым строятся бюджеты всех экономических проектов.

А что же в России, славящейся своими артельно-общинными, кооперативными и социалистическими традициями? У нас тоже есть народные предприятия (НП), статус которых прописан в соответствующем федеральном законе 1998 года. Согласно ему, работникам НП должно принадлежать не менее 75% акций, причём отдельный работник может иметь не более 5%. Голосование здесь, как и в случае с ЕСОП и Мандрагонской федерацией, построено по принципу «один акционер — один голос». Продажа акций возможна только между акционерами, либо работник продаёт их всему предприятию. При этом каждый новый работник наделяется акциями автоматически, при поступлении на работу.

Система весьма демократическая, и всё это прописано в законодательстве. Однако самих НП в России крайне мало — всего несколько десятков, и занято на них всего 42 тысячи человек, или 0,001% от общего числа занятых в производстве товаров и услуг.

Еще с 1990-х годов НП были поставлены в крайне невыгодные условия. «Закон о народных предприятиях» был принят в 1998 году, однако принят был не сразу, первоначально он был отклонён Б.Н. Ельциным, который решил, что закон нарушает Конституцию. Закон согласовывали очень долго, потом всё-таки приняли, но с очень большими ограничениями, благодаря которым НП не приняли массового характера. Так, НП можно создать только посредством преобразования такой коммерческой организации, в которой работникам принадлежат более 49% уставного капитала. НП не могут быть созданы на основе государственных и муниципальных унитарных предприятий. Сам

закон был принят в конце 1990-х годов, когда в России осталось очень мало акционерных обществ, в которых акции оставались бы в распоряжении трудового коллектива (сказалась грабительская приватизация).

Принцип эффективности народного предприятия крайне прост. Там, где собственность принадлежит всей общине тружеников, доходы распределяются между всеми, что обеспечивает высочайшие заработки. А они, в свою очередь, резко повышают покупательную способность населения, в результате чего промышленность получает мощный импульс развития⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На XVIII Всемирном русском народном соборе Святейший Патриарх Кирилл огласил концепцию, которая явилась итогом долгой работы и размышлений о ценностях, которые лежат в основе жизни России. Он назвал пять таких ценностей, это: вера, справедливость, солидарность, достоинство и державность. По крайней мере, три из пяти этих принципов напрямую являются ценностями христианского социализма, хотя и два других принципа (достоинство и державность), если вдуматься, также отвечают данному идеологическому синтезу.

В соединении христианства с лучшими чаяниями справедливости, общественного развития и общественной собственности, которая не уничтожила бы, но ограничила собственность частную, — шанс породить небывалый доселе социализм: религиозный, национально-суверенный, общинно-семейный, нацеленный на углублённое внутреннее совершенствование личностей, а не их нивелировку в многомиллиардном «человечнике».

Христианский и общинный социализм сегодня мог бы предложить проект общества с высокой степенью мотивации своих членов, без разрушения семьи, без обобществления воспитания, при этом с развитым образованием и социальным обеспечением. Это социализм без уравнительности, но и без неконтролируемого разрастания дистанции между богатым и бедным слоями. Социализм без насильственного обобществления, но с доминирующим укладом общественной собственности (государственной, но не только

государственной, а также кооперативной, артельной, партнёрской, акционерной, муниципальной и прочими ее видами) — то есть социализм сообществ.

Христианский социализм, «высокий» социализм — способ построения гармонии человека с космосом, с природой, с живым миром и с социальным миром. Эта гармония зиждется на выстраивании отношений с Богом как высшим Регулятором мироздания. В этом смысле обуздание рыночной стихии посредством планирования и обуздание инновационной и экспансионистской энергии общества посредством религиозных запретов и идеалов обладает высшим символизмом. Оно символизирует творение оформленного мира «вещей» из бесформенного хаоса первоматерии.

Социальная история не предопределена, фатализм в этом отношении неуместен, и все разговоры о едином и неизбежном пути развития для человечества недобросовестны и противоречат фактам. Социальные технологии и возможности проектирования более справедливой реальности — неотъемлемое свойство человеческой природы, его сознания. Скрытые возможности социальных технологий, их потенциал задействованы пока в незначительной мере. Но потенциал этот очень велик и значим для людей, доказательств чему много, — при этом опыт СССР едва ли не самое поразительное доказательство этому. Однако советский опыт был во многих отношениях односторонним и базировался на фундаменте такого общества, которое было ещё не готово реализовать в себе данный потенциал. Тем не менее поколения наших дедов и отцов многого удалось достичь.

Говоря о православном социализме сегодня, мы видим два глубинных пласта российской истории — тысячелетнюю православную традицию и опыт социалистических отношений, выразившийся в традиционной русской общине, и как необычайный эксперимент — в советском государстве и обществе XX века. Оба эти пласта опыта драгоценны для нас в XXI веке, и нам не стоит «делать между ними выбор». Такой выбор навязывается нам извне — и мы этим выбором никому не обязаны.

Наш путь — сочетание и синтез лучшего и проверенного опыта наших предков.

⁴⁰ Это представлялось очевидным уже на примере дореволюционных русских артелей, которые были тесно связаны с общинным укладом, происходили из него (А.И. Герцен называл артели «передвижными» общинами). В целом, по подсчётам исследователей, в эпоху классической русской артели артельщик по своим заработкам был в среднем примерно вдвое более успешен, чем наемный работник (см.: Аверьянов В.В., Венедиктов В.Ю., Козлов А.В. Артель и артельный человек. — М, 2014. — С. 640–641).

/ Александр АГЕЕВ /

Православие и социализм: естественный симбиоз?

Сама постановка вопроса о возможности модельного симбиоза православия и социализма как социальных доктрин представляется заведомо плодотворной, особенно применительно к историческому опыту нашей страны. 70 лет социалистического эксперимента и 1000 лет христианства могут, конечно, показаться несопоставимыми величинами. Однако достаточно вспомнить ассоциирование Ф. Энгельсом социалистических ячеек и первых христианских общин, более глубокую, нежели 70 лет, генеалогию социалистической мысли в России и традиции общинного хозяйствования и домостроительства, чтобы отказаться от попытки отвергнуть подобные сравнительные исследования. Тем более что в современном поисково-идеологическом дискурсе заметен сильный порыв к тому, чтобы провести своего рода аудит архетипов, выявить некий корпус актуальных мемов, которые будут иметь серьёзное значение и в будущем как платформа для конструирования желаемой идеологической конструкции. Но любые архетипы, из которых формулируются эти актуальные мемы, по своей природе двойственны и двусмысленны. Поэтому и вся дискуссия о симбиозе социализма и православия даже на понятийном уровне имеет изначально противоречивый характер и таит риск концептуальной провокации. Даже без эмпирической верификации, без погружения понятий в контекст их воплощения и взаимодействия эта противоречивость очевидна и подосознательно тревожна. А с погружением, особенно в опыт XX века и его ранних репетиций, осмысленных, например, Ф.М. Достоевским, появится как минимум эскиз системы из нескольких уравнений о взаимосвязи православия и социализма: (1) несовместимы в принципе; (2) частично совместимы; (3) полностью совместимы. И каждое уравнение при этом истинно. Без диалектической логики решения нет.

Можно «социализм» очистить как идеальный тип и удерживать его образ на уровне фантазий Мора, Оуэна или Кампанеллы. Но как пре-

дотвратить фон почти автоматической увязки в современном сознании понятия «социализм» с СССР, ГУЛАГом, спутником, Госпланом, «оттепелью», перестройкой? Разумеется, в этом семантическом ряду на первом месте окажется Победа, по крайней мере в отечественном ассоциативном пантеоне. Следующий шаг в определении значения и смысла понятия — «национальная специфика». У социализма много возникло образцов воплощения: Китай, Кампучия, Ангола, Куба, Югославия, ГДР, Швеция, Австрия, еврокоммунизм... А что делать со смысловым шлейфом от имён, которые навечно сцементировали персональный портрет руководящих флагиносных деятелей и восприятие социализма: Ленин, Сталин, Мао, Троцкий, Хо Ши Мин, Грамши, Че Гевара, Чаушеску, Тито, Пол Пот? Кстати, Ф. Энгельс подобный фьючерс предвидел, заметив в одном малоизвестном письме, что обстоятельства преждевременно вынудят коммунистов взять власть, что они в итоге натворят такое, за что потом их назовут чудовищами, но это полбеда, и дураками — что гораздо серьёзнее и что подорвёт репутацию социализма на десятилетия. Предвосхищение пророческое. Правда, глобальный реванш капитализма и тенденции конвергенции социальных моделей сделали семантику социализма и весьма размытой, и вовсе неоднозначной в её приписке к советскому эксперименту.

Можно и православие прокомментировать как «идеальный тип» и как практику. Эта тематика осмысливалась, в частности, в рамках категории «теодицея», пытавшейся обосновать и согласовать идею божественной всеблагости и существования зла и несчастий. Мало того, за постановкой вопроса о связи православия и социализма неизбежно нужно ставить вопрос и об исламе, буддизме, иудаизме в контексте сложнейшего воплощения социальной доктрины социализма в рамках революционного, насильственного захвата политической власти.

Иными словами, искомый сюжет нас определённо выводит в поле гу-

стой заминированности. Шаг вправо-влево — рванёт.

Но дело обстоит ещё серьёзнее. В данной дискуссии пока упущено нечто новое, что произошло в последние годы в мире. Нам посчастливилось жить в крайне важный исторический переход, причём не только в России, а в масштабах всего человечества. Его многие предвидели и века назад, и совсем недавно, но случился этот переход при нашей жизни, и связан он с двумя понятиями. Одно понятие — равновесие, которое тесно увязано с балансом. Ведь, пытаюсь соединить православие и социализм, мы, по сути, хотим найти некий баланс, конечно же, идеализированный. Но равновесия в мире, в котором мы живём и в котором будем жить, нет и не будет, а реальность описывается в терминах динамического неравновесия, турбулентности, точек бифуркации и т.п. Параметры реальности пляшут, даже сам циферблат, сама система координат танцует матиссовский красный вихрь. Параметры порядка перепутаны со второстепенными и третьестепенными, восприятие испытывает колоссальные перегрузки и подвергается манипуляциям со стороны самых разнообразных и зачастую анонимных сил. В результате велик риск сместить наши дискуссионные усилия на негодный или притворный объект.

И второе понятие, связанное, но не исчерпывающееся неравновесной динамикой, — кризис сложности. Человечество за последние три года произвело 90 процентов объёма всей информации за всю свою историю, причём большую часть этой информации оно вообще не обрабатывает, она остаётся одноразовой, радуя любителей селфи и бесконечных чатов. Даже старинные фотографии сейчас не просматривают, как прежде. Сегодня ценнее фотографию успеть сделать.

Можно добавить и другие характеристики современной реальности, которые свидетельствуют о глубине вызовов. Это будет и демографический переход, и миграционный кризис, и смена глобального мирового порядка, дефицит воды и продоволь-

ствия... Картина пёстрая и угрожающая, иными словами.

В такой ситуации совершать операцию концептуального редуционизма, то есть создавать какую-то высокую, сияющую, привлекательную модель, к которой большинство людей будет стремиться, ею мотивироваться в своих жизненных стратегиях, — задача неподъёмная, возможно. Но, с другой стороны, столетний опыт показывает, что именно в моменты особой сложности, неразрешимых противоречий возникает склонность общества к простоте, ясности. В такой ситуации возрастает риск триумфа упрощённых идеологических схем и диктатур. Между прочим, Геббельс считал «блестящую неопределённость» одним из принципов успеха массовой идеологии. Вводятся в оборот простые ясные лозунги и ответы: что хорошо и что плохо, кто друг и кто враг, как воспринимать прошлое, как жить в настоящем и к каким идеалам стремиться в будущем. Это можно было в 30-е годы сделать даже в цивилизо-

ванной Европе. Нечто вполне простое было осуществлено и в США в рамках реализации масштабного проекта «нормальсии», сфокусировавшего массовую социальную энергию на экономических мотивах («форд», домик, фондовый рынок). Но торжеству простых и энергичных идеологий первой половины XX века благоприятствовал и индустриальный уклад, и постверсальский мир, и беспрецедентная ситуация в СССР, и все обстоятельства смены мирового гегемона.

Сейчас иная ситуация. Мир объективно усложнился, он не описывается детерминистской парадигмой, что было научно обосновано ещё в 60-е годы. На уровне идейной атмосферы эта тенденция пробивается, не без вывихов, как мультикультурализм, множественность, квантовая реальность, как мир бесконечных переходов, относительных истин. Жизнеспособна ли в этих обстоятельствах идея симбиоза двух моделей?

Фундаментально православие как мировоззренческая система предполагает три важных социальных свойства. Во-первых, **творчество**. Православие изначально восходит к сотворению мира, и оно происходит непрерывно. Каждый, кто рождается, встает перед проблемой выбора, каждый свободу выбора реализует в жизни, впадая в грехи или пытаясь сохранить и достичь добродетельности, но в любом случае это всегда творческий процесс. Не каждый акт творчества богоугоден, люди впадают в умственную прелесть или во вредоносное поведение. Но это следующий шаг, в первичной, мироздательной онтологии ценность творчества является базовой в православном миропонимании.

Второе свойство можно обозначить как **благотворность**. Если всё множество явлений мира свести к восприятию нами их по критерию спасения, если свобода выбора принципиально допускает выбор неверный, если оценить последствия нашего личного выбора по его соответствию евангельским заповедям, то будут различаемы три множества: благоносных, вредоносных, а также смешан-

ных в той или иной пропорции. Есть, например, вредоносные продукты, технологии, вредоносные виды деятельности. Отчасти признаки, степень и распространённость вредоносности регулируются законом и правоприменительными практиками. Отчасти моральный порядок поддерживается государственными и общественными институтами. Отчасти некоторый фоновый уровень вредоносных явлений является условием социального иммунитета. Но в нашем контексте важен тот акцент, что из множества жизненных проявлений православие в принципе санкционирует своими нормами, институтами и практиками именно благотворное поведение. Это даёт человеку важную определённую в хаосе повседневности, моральном релятивизме, общем неравновесии и турбулентности. Стоит напомнить также, что способ корректирования отклонений от канонической модели исключительно щадящий. Анафематствование встречается относительно редко, хотя ереси, расколы нередки в христианской истории.

Третье свойство социальной модели православия можно свести к **преображению**. Речь не просто о творчестве, в котором бывает и впадение в прелесть, а о творчестве, которое выводит человека на более высокие духовные уровни, вплоть до фаворского, условно говоря, состояния.

Таковы три свойства православия как фундаментальной социальной модели. Если их окунают в реальность, то легко найти массу отклонений, но тем не менее в самой базовой модели эти свойства существенны.

Что существенно для социализма как модели?

При всех доктринальных особенностях первый существенный атрибут социалистической модели — это установка на сознательное **переустройство общества с последующим социальным проектированием согласно заданному идеалу**. Второй — прогрессизм с упором на социальное доминирование «передового класса». Обосновывал это положение формационный подход к эволюции челове-

ства и локальных обществ. «Азиатский способ производства» не вписывался в эту теорию, но формационная парадигма продержалась в социальных науках долго, и её современные мутации обосновывают, в частности, глобальное доминирование западной цивилизации. И в-третьих, социализм и в теории, и на практике утверждался как **доктрина развитого индустриализма**. «Электрификация плюс советская власть» — квинтэссенция этого атрибута. Далее — химизация, плюс информатизация, плюс и т.д. Выбор нового технологического уклада с целенаправленным проектированием экономики, институтов власти и общественной самоорганизации в пользу социальных групп, олицетворяющих этот новый уклад.

Из этих базовых атрибутов прослеживается веер явных и неявных доктринальных и практических последствий, возможностей и рисков. Явное последствие — создание институтов планирования развития, что вовсе не предопределяет именно директивный его формат. Явное последствие — национализация крупной промышленности и банков, что вовсе не предполагает абсолютную монополию государства на все средства производства и, например, ликвидацию мелкой частной собственности или коллективизацию. Явное последствие — всемерная поддержка научно-технического прогресса, что, однако, не исключает репрессий против отдельных его носителей, не доказавших свой «прогрессизм». Очевидная возможность социалистической модели — концентрация ресурсов на выбранных направлениях развития, но отсюда же и сравнительно повышенная цена ошибочного выбора. Особый риск — вынужденное обстоятельствами развёртывание «социалистического строительства» в масштабе одной страны в режиме противоборства с другими странами, технически превосходящими социального лидера и потому социально более созревшими для социализма, но имеющими «умных руководителей капитализма». Перечень можно

продолжить, но он достаточен, чтобы зафиксировать как возможности, так и риски модели, подтверждающие один из законов Паркинсона: «Если что-то плохое может произойти, оно обязательно произойдёт».

Революции 1917 года разрушили общественное устройство, в котором православие и самодержавие имели статус системообразующей ценностной системы. Восстановление институтов государственности происходило ценой разгрома прежнего правящего класса и утверждения богоборческой идеологии в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции. Эта родовая травма в начале воплощения социалистической модели на десятилетия предопределила её эволюцию и восприятие ею религиозности вообще. Однако реальные процессы отнюдь не сводимы к дихотомии: православие или социализм. Более уместно интерпретировать их взаимодействие как сложное сосуществование с процессами усиленного замещения одного другим, явного и неявного заимствования, взаимного приспособления с фазами острого противоборства и репрессиями со стороны властей. Достаточно напомнить избрание патриарха в 1917-м и восстановление патриаршества в 1943 году и известные указания Ленина о репрессиях против церкви в 1922 году. При оценке последних обычно обращают внимание на чудовищность этих указаний, что справедливо, разумеется. Однако в них есть и бесспорный факт понимания Лениным невозможности в принципе уничтожить в России православие. Он говорит о политической задаче «отбить охоту» у церкви на серьёзную роль в обществе желательную на три поколения вперёд. Задача оказалась нереалистичной. После демонтажа социалистической модели в 90-е годы церковь частично восстановила свой статус, но он далёк от когда-то существовавшего влияния, также, кстати, неодинакового на протяжении дореволюционной эпохи.

Можно ли трактовать социализм в СССР как квазиправославную систему? Это было бы натяжкой. Во-первых,

различны антропологические цели той и другой социальных и мировоззренческих моделей. У одной — Спасение, у другой — «новый человек». Можно попытаться доказать тождество этих целеполаганий, но только ценой логических уловок. Главное отличие в том, что даже коммунистический идеал человека достигает полноты самореализации своих способностей лишь в посюсторонней жизни. Большевикско-социалистический идеал вообще был сориентирован на две ключевые и во многом взаимоисключающие цели: социальный триумф «передового класса» и победа в научно-техническом и экономическом соревновании. При этом критерии принадлежности к этому классу могут формулироваться манипулятивно, им может оказаться и пролетариат, и бюрократия, и военно-партизанская элита, и научно-техническая интеллигенция. Мотив соревновательности с капиталистической системой, вплоть до претензии одного из спарринг-партнеров на то, чтобы «похоронить» другого, до определённой степени

Вселенной важно сохранить именно нашу своеобычность. Мы имеем свою, никем не заменимую партию в большом планетарном оркестре

срабатывал как стимул развития. Идеал свободной и творческой личности и свободной ассоциации индивидов, преодолевших все виды отчуждения и угнетения, не антагонистичен человеку, стремящемуся «стяжать Дух Святой», а практическая повседневность невоцерковленного советского человека нередко соответствовала образцу, названному «несвятыми святыми». Тем не менее неистовость в утверждении нового строя его даже искренних сторонников, не считая поднявшегося из свидригайловских и нечаевских духовных полей «человеческого материала», никак не докажет тождество православной личности и строителя коммунизма.

Во-вторых, различия моделей по допустимым и применяемым средствам достижения своих целей. Выбор инструментария для «первого в мире социалистического эксперимента» был задан не только четырьмя годами мировой войны, не только накопленными социальными обидами за предшествующие десятилетия, но и умонастроениями элит, молодёжи, открытой и подпольной оппозиции. Атеизм, богоборчество, антихристианские гонения стали возможны в атмосфере кризиса и труднопредставимой в наши дни необходимости усмирения тотального бунта и возможности «новой жизни», ощущение и понимание которой были крайне пёстрыми. При этом сработали глубинные, давно вызревавшие факторы и силы переустройства всей российской жизни. Среди них вопросы о земле и мире, социальной справедливости, суверенитете и международных взаимоотношениях. Одного из них было бы достаточно, чтобы поколебать основы империи, а тогда ведь сработали все вместе, да ещё в резонансе со всемирными переменами, реакцией на которые стала беспрецедентная мировая война и предвзвешивавшие ее социальные революции.

Цена перемен оказалась колоссальной!

Эту цену можно рассматривать как жертвоприношение, совершённое стихийно нашей частью человеки, в виде человеческих жизней, в виде рек крови, в виде бесчисленных преступлений и столь же бесчисленных подвигов. А всякое жертвоприношение является условием для образования религиозного сознания. Победившие в Гражданской войне, изгнавшие иностранных интервентов и утвердившие себя на «командных высотах» и в пропаганде исходя из этого жертвоприношения и из этой социальной победы составили не только костяк новой социальной системы, но и приверженцев победившей идеологии. Поскольку эта идеология свергла прежнюю господствующую идеологию, чрезмерно паразитировавшую на православных институтах, она получила своего рода религиозное освящение самим фактом победы в беспрецедентной трагедии. И Победа 1945 года тоже была колоссальным жертвоприношением. Оно, в отличие от жертвоприношения Гражданской, связало воедино православие и социализм. Великая эта война стала также Отечественной и священной. 1991 год в этой последовательности был уже изменой социализму в процессе возрождающегося православия.

Сегодня страна снова оказалась примерно в той же ситуации, что и 100 лет назад, при этом наибольшую мощь сейчас дают энергии Победы 1945 года. И снова возникает востребованность этих двух моделей. Но нам важно совершить своего рода когнитивный, ментальный прорыв, базируясь на парадигме сложности. Если мы принимаем сложность мира и понимаем, что какая-то ценность, какая-то система, какой-то институт, архетип может в какое-то время сдградировать или быть скомпрометирован, то нельзя не прийти к выводу,

что само это богатство архетипов, сама репертуарная палитра, накопленная в нашей истории, есть величайший наш ресурс для развития.

Прежде чем давать оценку, что хорошо, а что плохо, важно признать онтологическую сложность реальности. Следовательно, в чём главный выбор сейчас? Почему социализм как доктрина будет всё более актуален, а значение социалистической идеи будет расти? Это предопределяется тем, что снова предстоит совершить рывок к большему уровню независимости и суверенитета в условиях, когда всем странам нужно развиваться взаимозависимо и интегрированно — это раз. Во-вторых, снова нужно совершить технологический рывок в условиях взаимозависимого и глобального научно-технологического пространства.

Здесь есть тонкий нюанс. Если бы мы не несли этому глобальному миру какую-то свою ценность, которая важна для жизнеспособности планеты, нас бы давно стёрли с карты мира. Ведь даже санкции — это некоторая игра, удары весьма избирательные. И объясняется это одним — вселенной важно сохранить именно нашу своеобычность. Мы имеем свою, никем не заменимую партию в большом планетарном оркестре.

В этой ситуации важно избежать риска реверса. Ведь если мы сделаем идеологический акцент на возвращение в суровый СССР, или в православную империю, или на ещё более древние идеалы, то мы сразу лишаемся современного потенциала для творческого порыва, устремлённости в будущее. Модель, которую мы ищем и которая может быть пока предварительно обозначена как социализм, должна иметь как минимум пять атрибутов. Первый — она должна учесть главную, возможно, конфликтность ближайшего будущего — это человечность. Либо киборги, либо протезирование человечества, либо создание одинаковых Джонов Смитов, Матрицы по сути, — или мы сможем сохранить человечность. И в этих условиях традиционные религии и конфессии её берегут, они своего

рода **иммунитет для сохранения человечности.**

Второе — солидарность. В условиях нынешних технологий это абсолютно реальная ценность. Есть автономные источники электроэнергии, водоснабжения, тепла и так далее и плюс Интернет. Сейчас 29 процентов горожан хотят уехать подальше, но так, чтобы сохранить доступ к благам цивилизации, при этом находясь вне «этого Вавилона». **Общинность сейчас получила новый технологический базис...**

Третье, что должно быть в этой системе, это, конечно же, космизм. Если мы сейчас ограничим себя региональностью или интересами только Украины, или интересами только Сирии, анти-НАТО, антилиберализмом, антиевропеизмом и прочими анти-, то мы впадём во вторичность. Это ведь принципиальное паразитирование на более сильных идеологемах. Нам

нужно максимально совершить выход в космос. Причём в буквальном смысле в космос, и в буквальном смысле будет подниматься весь **космизм, ноосферность** как парадигма мировоззрения.

Четвёртое в этом контексте — это **всеобъемлемость**. Если отсекай множества, то это легко делать через жёсткие фиксации — православие, социализм и т.п. Как только мы указываем православие — сразу отсекаем кого-то, социализм — тоже отсекаем кого-то. Требуются метаконструкции. Нужно выработать новый язык под новую эпоху. В данной дискуссии важно не позволить превратить в фейк и идею «православного социализма», и идею иного конфессионального взгляда на социальные учения. Мы должны совершить несомненный семантический, лингвистический прорыв.

Наконец, требующаяся идеологическая конструкция, о которой мы сейчас пытаемся размышлять, должна

следовать принципу **сакральности**. Быть не просто идеей группы лиц, а исходить из высших бытийственных основ, быть живородящей, в том числе и в сугубо демографическом смысле — благоприятствующей дальнейшей эволюции человечества. Эта система должна быть позитивна.

Как показывают современные технологии цветных революций, интерпретация — это тоже инструмент, понимание — ресурс управления, тоже инструмент. В чём возможность ошибки в доктрине прогрессизма? Социализм — это проектируемая система, поэтому есть риск заражения вирусом недоразумения. Камбоджа — это вирусный проект, мутация. В этом смысле православие является, если угодно, «хеджированием» социализма как модели от сваливания в бесчеловечность. Православие «хеджирует» благотворность социалистического проектирования.

/ Директор православной гимназии «Радонеж»,
руководитель Ассоциации православных школ Москвы Михаил ТИШКОВ /

Два социализма

**Православный социализм — синтез идеологии,
консолидирующей патриотов**

Идея социализма как представление людей о социальном идеале изначально имеет христианские корни. Этот социализм можно назвать религиозным. А с другой стороны, мы имеем реальный исторический социализм, который знаком нам под именем научного социализма и который в своём вопло-

щении оказался соединён с антирелигиозным богоборческим началом. Соединение этих двух противоречивых начал придало внутреннюю неотъемлемую противоречивость первой версии этого реального социализма, воплощённой в советской истории, и предопределило внезапный и трагический его конец, который

Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Последствия этой катастрофы до сих пор не преодолены, и хотя мы можем в некоторых положительных трендах находить источник нашего исторического оптимизма, однако также должны отчётливо понимать, что продолжение исторического существования России по-прежнему пока ещё проблематизировано. Одним из важнейших аспектов, порождающих эту проблематизацию, является до сих пор не преодоленный раскол нашего общества, и прежде всего — его патриотической страты, которая, будучи объединённой, составляет цифру, близкую, наверное, к 90% нашего народа. Но этот драматический раскол позволял и позволяет до сих пор количественно ничтожному либерально-компрадорскому меньшинству иметь такое непропорциональное влияние в государстве. Поэтому здесь необходимо осознать принципиально важную мысль, непонимание которой и порождает это непримиримое разделение господствующей количественно, но не политически страты нашего общества на православных патриотов и советских патриотов.

Суть этой мысли в следующем. Подлинный, первородный, имеющий религиозные корни социализм как социально-экономическое учение не борется с христианством, имея в своей основе религиозную этику межлических отношений, задаваемую христианским мировоззрением. В этом смысле можно сказать, что подобным образом понимаемый социализм является социально-экономической проекцией христианства. А богоборчество или атеизм, интегрированные в марксизм-ленинизм и унаследованные в качестве теоретического фундамента советской властью, не являются сущностной чертой социализма, органически ему присущей, а всего лишь идеологической надстройкой, которая сама в своих собственных религиозных истоках является антихристианством.

Это парадоксальное, совершенно не органическое, а достаточно искусственное и онтологически не обусловленное соединение столь противоположных начал имеет очень простое объяснение. Изначальный религиозный социализм, возникнув как течение мысли вполне и прежде всего христианское, в религиозном социуме, в условиях существования единой мировоззренческой модели средневекового социума в поисках своего воплощения породил в истории различные эскизные варианты социального уклада, соответствующие

христианскому социальному идеалу. Причём надо отметить, что эти поиски, эти первые эскизы не были исключительно теоретическими. Мы можем отметить разнообразные исторические попытки его реального воплощения, прототипами которого были древние архаические сообщества, первохристианские общины, христианские общежительные монастыри, русские крестьянские общины, государство иезуитов в Парагвае, фаланстер Фурье, Крестовоздвиженское православное трудовое братство Николая Неплюева, который стал вдохновителем ещё одного знаменитого трудового братства, руководимого Антоном Макаренко. (Отец которого, кстати, был церковным старостой из обедневших дворян, всю свою жизнь занимавшийся благотворительностью.) Здесь обязательно надо вспомнить и опыт XX века, реализующийся в Латинской Америке, где теоретическим фундаментом социализма с латиноамериканской спецификой стала католическая теология освобождения. Эти многочисленные примеры я привожу в качестве доказательства того, что ассоциация социализма и атеизма в единой доктрине отнюдь не является органической и онтологически обусловленной, а как раз механической и случайной. Произошло это вследствие того, что идея социализма как воплощение христианского социального идеала, овладев умами людей, существовавших в среде, как уже говорилось выше, религиозного социума, в связи со сменой господствующей мировоззренческой парадигмы с религиозной на секулярную вынуждена была, следуя духу времени, пересмотреть свой теоретический фундамент и включить в себя изначально не свойственные ей основания. От чего, кстати, сильно обеднела. И что стало причиной недолговечности советского социализма. Именно атеизм и богоборчество как неотъемлемый элемент реального советского социализма и стал тем чужеродным включением, которое в конце концов привело к разрушению советского проекта после угасания первоначального огня, не имевшего метафизической подпитки.

Однако мы не должны уподобляться библейскому Хаму и быть Иванами, не помнящими родства. Мы должны с благодарностью склонить голову перед героическим подвигом наших отцов, дедов и прадедов, осуществивших эту героическую попытку и первыми в мире попытавшимися воплотить в жизнь многовековую мечту человечества о социально-общественном идеале. И ведь нельзя сказать,

Россия готова сделать свою вторую попытку, собрав воедино всё лучшее, что было в её великой истории, и оставив за бортом все осознанные ошибки. Эта попытка будет называться «Православный социализм», краткая формула которого звучит очень просто — социальный строй с православной идеологией и социалистической экономикой.

что это им совсем не удалось. Государство, ими построенное, стало инструментом Великой Победы, не давшей миру сгореть в чёрном пламени фашизма. Эта Великая битва раскрывает нам сакральный смысл происшедшего. Будучи по своей сокровенной сущности не затмеваемой для внимательного взгляда никакими случайными чертами попыткой воплощения христианского социального идеала, советский проект, как и в начале новозаветной истории человечества, противостоял историческому врагу христианства — чёрному гностическому проекту. В византийской истории, так же как и в советской, можно накопить много чёрных пятен, чем активно занимались некоторые западные историки, ненавистники и Византии, и христианства, вспомнить хотя бы Гибона. Мы можем вспомнить и гонения на святых (Иоанн Златоуст), и ересиархов императоров, и геноциды, осуществляемые православными императорами (Василий Болгаробойца, перебивший после победы за раз около 100 000 болгар). Можно себе представить, что, собрав вместе все эти исторические эксцессы, можно историю Византии описать как одно большое чёрное пятно, как чёрную дыру в истории, пришедшую на смену прекрасной и преисполненной гармонии и красоты античности. Точно так же, как это пытаются сделать с советской историей.

Но, глядя сквозь века, мы прозреваем, что сущностью Византии было стремление к воплощению идеала христианской государственности, постепенно вызревающему среди отживших форм бытия старого языческого мира. Так же мы должны относиться и к советскому проекту. 25 лет по историческим меркам не такой уж большой срок. За это время мы смогли всё хорошо рассмотреть. Я думаю, что Россия не отказалась от социализма. В конце концов, и в истории Византии был Юлиан-отступник. Метафизика истории

нам ясно открывает полную исчерпанность буржуазного проекта, который, изначально не декларируя никакого антирелигиозного пафоса, тем не менее, как это сегодня отчётливо видно, в своём развитии дошёл до полного и открытого сатанизма. И при этом мы смогли трезво оценить все достоинства первого советского проекта, который, как я уже говорил, в своей сущности является воплощением христианского взгляда на социум, и увидеть его недостатки, основным из которых было отсутствие метафизической глубины, то есть его декларативный атеизм, онтологически ему не присущий.

Россия готова сделать свою вторую попытку, собрав воедино всё лучшее, что было в её великой истории, и оставив за бортом все осознанные ошибки. Эта попытка будет называться «Православный социализм», краткая формула которого звучит очень просто — социальный строй с православной идеологией и социалистической экономикой. Важнейшей этапной целью при осуществлении этого плана должна стать отмена 13-й статьи Конституции. Понятно, что написать в новую отредактированную статью Конституции положение о том, что у нас православная государственная идеология, невозможно. Мы не призываем строить теократию. Но сказать об особой роли православия в истории становления нашего государства, о том, что оно является фундаментом нашей национальной культуры наряду с другими традиционными религиями, и об идеологической опоре на традиционные ценности, мы можем. Что ещё очень важно отметить, так это то, что этот проект обладает универсальностью. Он может стать привлекательным для других народов и государств, обретая в каждой стране свою национальную специфику и при этом позиционируя Россию как страну, которая не плетётся в хвосте чужого буржуазного проекта, хозяином которого является «коллективный Запад», а предлагает свой, в котором у неё есть безусловный исторический приоритет. И, делая упор на религиозные христианские корни социализма, Россия сможет, не противопоставляя себя Западу как таковому, позиционировать себя как «альтернативный Запад», отстаивая свои общие христианские корни исторической идентичности. Успешность и привлекательность лозунгам борьбы за социализм как воплощению национального и религиозного социального идеала может дать их соединение с лозунгами борьбы за национальное освобождение.

дение, за полный национальный суверенитет, за традиционные ценности, за развитие.

Поэтому сейчас особенно важно, чтобы кто-то, например Изборский клуб, мог взять на себя инициативу по преодолению идеологического раскола, перманентно угрожающего нашему национальному единству, и своевременно и адекватно реагировать на те или иные провокации, сознательные или несознательные, поддерживающие это разделение. Как пример могу привести голосование по «Войковской». Представьте себе такую картину: вместо публичной битвы с народными голосованиями — комиссия, круглый стол, научная конференция, во-первых, внимательно исследующая вопрос о достоверности непосредственного участия Войкова в царевубийстве и в конце концов просто выступающая за откладывание этого вопроса до лучших времён. Причём в этой комиссии должны присутствовать люди авторитетные и уважаемые для обеих сторон. То же с мавзолеем, Дзержинским и проч. Складывается впечатление, что консенсусу этих двух групп, который является ночным и дневным

кошмаром либералов, кто-то целенаправленно не даёт состояться. И потому важно, чтобы мы в своём православном социуме маркировали тех, кто специально и последовательно обостряет это противостояние, в том числе и непримиримых борцов с Сергианством как провокаторов и пособников международного империализма, чтобы энтузиасты антисоветского, как и антиправославного дискурса были маргинализированы в общественном сознании. Значимые действия в этом направлении прикладывают и Святейший Патриарх Кирилл, говоря о значимости и неизымаемости каждого периода нашей великой истории, и президент, также говоря о единстве нашей истории. Поэтому, поддерживая их в этом, могу закончить тем, что, оппонировав одному из выступавших на прошлом собрании и говорившему о том, что, возможно, нам надо говорить не о синтезе, а о союзе, хочу сказать, что есть все теоретические и исторические основания говорить именно о синтезе двух идеологий, подразумевая то, что, по сути, каждая из них содержит в себе другую. Сим победим.

/ Валерий КОРОВИН /

Православный социализм — формула русской силы

Окончательно покинув пространство модерна, с его неизбежным догматическим утверждением прогрессизма, позитивизма и атеизма — как базовых предпосылок любой политической теории модерна, — выйдя за рамки его тотального доминирования,

мы обретаем невозможную доселе свободу переосмысления тех явлений, терминов и понятий, которые до определённого момента казались устоявшимися аксиомами. Сегодня же, плавно вползая в парадигму постмодерна, с его безразличием как к «незыблемым» постулатам модерна, так

и к ценностям традиции, мы можем совершенно свободно, без каких-либо интеллектуальных «обязательств» и ограничений осмыслить такие понятия, как, например, *православие* или *социализм*. И не боясь быть подвергнутыми осмеянию или остракизму — ведь в постмодерне больше нет

единых критериев, — выявить общее, отбросив частное, и использовать то, что нам нужно и важно в деле формирования идеи русского народа, принимаемого, в независимости от смены парадигм, в качестве высшей ценности, стоящей как над периодом торжества модерна, отрицающего традицию, так и над безразличием постмодерна. Именно это безразличие — есть шанс для традиции в равных условиях доказать свои преимущества, вернув понятиям православие и социализм их изначальный — традиционный, а не купированный модерном — смысл. Используя как базовые категории новой — за рамками модерна — русской идеи.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ — НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПОНЯТИЯ

Главными параметрами модерна, как известно, являются три основные категории: прогрессизм — завтра будет лучше, чем вчера; позитивизм — существует только то, что доказано опытом или установлено чувственно; и материализм с вытекающим из него атеизмом, бытием, определяющим сознание, базой и надстройкой.

В категориях модерна православие — это пережиток, лежащий за рамками прогрессизма, позитивизма и материализма, который следует преодолеть. Православная традиция утверждает, что человечество движется по пути апостасии, отступления от истины и веры, а иными словами, деградирует — с духовной точки зрения. При этом существование Бога не доказано ни опытом, ни чувственно, а сфера материального рассматривается с точки зрения православной традиции лишь как функция от духовного, как некая производная от духа. Сам модерн постулирован на отрицании такого подхода к осмыслению реальности — как вещественной, действительной философской категории.

Совсем другое дело социализм, рассматриваемый в модерне как явление исключительно прогрессистское — бесконечные развитие и рост,

материалистическое, а значит, бесконечные материальное развитие и рост, и позитивистское, где базис и надстройка — это не только теория, но и воплощённая в вещественной реальности практика приращения благосостояния и материи. В этом смысле марксистский — а именно из марксистского учения он был вычленен — социализм есть явление, практически во всём противоречащее православию. Апостасия в нём есть очищение от пережитков тёмного прошлого, Бог — не доказан и не обнаружен визуально: «Гагарин в космос летал, а бога там не видел». Да к тому же материя, физическая категория — есть единственная данность в субъектно-объектной паре человека, оставшегося один на один с природой после вынесения «Бога за скобки».

Таким образом, с точки зрения модерна движение в сторону православия и движение в сторону социализма — это два противоположных вектора, явления, исключая друг друга и во всём друг другу противоречащие. С точки зрения материалистического сознания прогрессиста-позитивиста, православный социализм невозможен, и точка.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ — ВОЗМОЖНОСТЬ ПОНЯТИЯ

Постмодерн пошатнул незыблемость модернистских категорий. Не то чтобы выступил с заявкой на возвращение традиции — премодерна, — на отрицании которого выстраивался модерн. Скорее поставил модерн и традицию в равные конкурентные условия. Теперь уже прогрессизм, позитивизм и материализм оказались под большим вопросом, в статусе таких же категорий веры, как прежде Бог, дух, метафизика. Отныне данностью является то, во что мы верим, — хотим, верим в материю, а хотим — в Бога. У тех, кто в модерне находился под запретом, появился шанс настоять на своей правоте.

Получив такую свободу выбора, попробуем переосмыслить понятия

«православие» и «социализм» в новых условиях, т. е. возьмём православие так, как оно само себя определяет, а не как его определяет модерн. На социализм же можно взглянуть и с точки зрения премодерна — что в нём соответствует традиции, а что — нет, оставив при этом самоопределение социализма в категориях марксизма. Исходя из этого попробуем постулировать *православный социализм* как совершенно новое явление. Для этого вычленим несколько пересекающихся параметров. Некоторые из них совпадают с социализмом, вытекающим из марксистской догматики модерна, но в их более органичном виде, а некоторые — не совпадают.

Первое, что является неоспоримой дефиницией как для православия, так и для социализма, — это *нестяжательство*, которое номинально, внутри православного учения противостоит такому явлению, как иосифлянство. Это явление касается узкой среды — монастырского устройства — и при этом выражено в попытках участвовать, как сейчас говорят, в общественной жизни, т. е. влиять на состояние окружающего общества. Все эти нюансы имеют значение только внутри православия и незаметны для внешнего взгляда, особенно с нынешних позиций апостасийной реальности. Нестяжательство также является основным параметром марксистской версии социализма. В этом понятии наблюдается смыкание, а значит, можно принять нестяжательство укрупнённо, как базовую категорию и православия, и социализма, что создаёт основу для нового понятия — «православный социализм».

Следующая категория — *социальная справедливость*. Её воплощение выражается в том, что интересы общества и даже его запросы всегда первичны и стоят над интересами отдельно взятого индивидуума. В соответствии с таким подходом — общее выше частного — и определяется категория социальной справедливости. То есть справедливо то, что отвечает

в значительной степени запросам общества. В отличие от справедливости либеральной, которая утверждает, что справедливо то, что отвечает интересам индивидуума, который получает по своим трудам, по усилиям, по знаниям, по талантам не исходя из общественных интересов.

Доминирование общего над частным — это то, что свойственно и православному мировоззрению, и марксистскому социализму, к которому мы привыкли за период модерна, а значит, *социальная справедливость* есть вторая базовая категория православного социализма.

Таким образом, выходя за рамки модерна и основываясь на двух базовых параметрах, пересекающихся как в православии, так и в социализме, мы получаем возможность постулирования такого явления, как православный социализм в новых условиях — без прогрессизма, позитивизма и атеизма.

ПЕРЕМЕННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРАВОСЛАВНОГО СОЦИАЛИЗМА

Продолжая рассматривать исходные параметры православия и социализма, можно обнаружить и некоторые принципиальные отличия. Например, то, что в православии отсутствует жёсткий запрет на частную собственность в отношении средств производства, а также на владение тем или иным крупным имуществом, имеющим общественную значимость, что является догматической составляющей марксистского социализма. В пределе, когда социализм достигает своей высшей точки, то есть трансформируется в коммунизм, запрет на частную собственность становится ещё более тотальным, вплоть до обобществления жён и детей, что исключено в традиционном обществе, не говоря уже о каком либо материальном имуществе.

И в то же время православие жёстко запрещает, вплоть до отлучения от святынь или даже от церкви, банковский процент и производство капитала либо материальных ценностей «из ничто» — *ex nihilo* (ex nihilo). К такому возникновению денег «из ничто», а именно так следует рассматривать банковский — ростовщический — процент, марксизм относится безразлично в том случае, если этот банковский процент приращивает собственность или материальную составляющую, принадлежащую классу труда, а не классу капитала. То есть если это приращение процента происходит в интересах класса труда, то такой банковский процент в принципе допустим. Что категорически не соответствует православному представлению.

Данные — переменные — составляющие православия и социализма на разных этапах воплощения интегральной идеи православного социализма, концепт которой мы пытаемся сформировать, могут быть как опционально использованы, включены в новую идеологическую модель, так и в какой-то момент по мере развития (или стагнации) данного концепта — исключены.

В нынешнем состоянии общество, едва вышедшее из парадигмы модерна, всё ещё склонно в большей степени исходить из привычных, материалистических категорий. В этой связи для перехода от категорий модерна в общественное устройство, где традиция имеет всё большее значение, на каких-то этапах вполне возможно включить в складывающуюся идеологии православного социализма допустимость использования банковского (ростовщического) процента. Чтобы уже на следующем этапе изжить этот модернистский «пережиток». В случае же если общество в своём развитии двинется не к традиционным, изначальным формам, а к некоей новой формации на основе православного социализма, то, возможно, этапом его развития станет и исключение частной собственности в том или ином виде.

ПАРАМЕТРЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Обобщая вышеизложенное, зафиксируем основные критерии православного социализма: нестяжательство, социальная справедливость, или, в целом, категория справедливости; постанковка общего над частным; возможный запрет на дачу денег в рост и отсутствие запрета на частную собственность, если она заработана честным и свободным трудом, а также нежелательность частной собственности на общественно значимые объекты — всё это основные категории, которые мы относим к социалистическим. И если взглянуть в исторической оптике, то все они являются основными ценностными ориентирами социально-политического устройства русского народа от момента его складывания из множества различных этнических групп: финно-угорских, восточно-славянских, тюркских — до нынешних времён.

В момент принятия православия и возникновения русского народа как некоей органичной полиэтнической общности с единым языком,

верой, культурой и общей исторической миссией эти принципы стали основой мировоззрения русских, сформировали онтологическую основу русского народа.

В связи с этим вполне закономерно то, что в ситуации, когда эти принципы попираются, а на первый план выходят противоположные им принципы — обогащения, индивидуализма, ростовщичества, частнособственнических инстинктов, — всё то, что соответствует типу буржуазного государства и представляет собой либеральные принципы, в этом случае русские оказываются в заведомо проигрышном положении.

Относясь с явным отвращением к наживе, к превосходству частных интересов, которые становятся мерой всех вещей, к несправедливости и внутренне отрицая это, русские, когда они под воздействием нежелательных обстоятельств принимают это отрицаемое как данность, тем самым сами ставят себя в заведомо проигрышное положение. Всякий раз принятие этих антиценностей, вопреки коллективному бессознательному, отрицательно сказывается как на состоянии самих русских, которые начинают разлагаться под гнётом этих «нерусских» ценностей, так и на русской государственности, ослабевающей, стагнирующей и отступающей в данные периоды нашей истории.

Даже в марксистской версии социализма, которая нарочито выхлещивала эти принципы из национального мировоззрения, помещая их в жёсткие рамки прогрессизма, позитивизма и материализма, — даже в этой среде русские чувствовали себя более комфортно, чем в ситуации, когда социалистические принципы не учитываются совсем, а в обществе, напротив, насаждаются и доминируют принципы, противоположные им.

Таким образом, вся не социалистическая форма государственности бьёт по русским как по органической общности, по русскому государству — как государству, стоящему по своей природе на страже справедливости,

Нестяжательство, социальная справедливость, постанова общего над частным, возможный запрет на дачу денег в рост и отсутствие запрета на частную собственность, если она заработана честным и свободным трудом, а также нежелательность частной собственности на общественно значимые объекты — всё это основные категории, которые мы относим к социалистическим. И если взглянуть в исторической оптике, то все они являются основными ценностными ориентирами социально-политического устройства русского народа.

по субъектности русских в историческом процессе — как по народу, выполняющему миссию приближения к всеобщему спасению. Но ровно то же самое можно сказать о православии и его основных ценностных ориентирах. Всякая другая ценностная система — не православная и не социалистическая — заведомо непригодна для истории, если мы говорим о русском государстве, что прекрасно представляют себе и его враги.

И здесь, конечно же, возвращение к марксистским принципам социализма является неким необходимым, но недостаточным условием нашего развития, в то время как социалистические принципы, вытекающие

из православной этики, дают возможность развиваться русским как народу и русской государственности как политической форме самоорганизации во всей полноте. И если говорить об идее спасения как об эсхатологической идее существования русского государства, выходящей за рамки материального, которое само по себе бессмысленно, то обеспечение её реализации возможно только при условии соблюдения главной формулы нашего поступательного к ней движения — православие плюс социальная справедливость, облечённая в форму социализма. В этом, в чём-то парадоксальном синтезе и заключается сила русского народа и русского государства.

/ Доктор исторических наук, профессор Александр ПЫЖИКОВ /

О происхождении реального русского социализма. Старообрядческий «след»

Попытки разобраться в истоках социализма, сыгравшего судьбоносную роль в нашей истории, не прекращаются как в отечественной, так и в зарубежной науке. Почему русский народ оказался так восприимчив к пропаганде социалистических идей? — этот вопрос волновал не одно поколение исследователей. Среди специалистов популярностью пользуется тезис о том, что социализм в его марксистском облике представляет собой «инородное тело», занесённое на наши просторы с Запада. Причём российские интеллектуальные круги не внесли заметного вклада в «рождение» социалистической доктрины, выступая по большей части ретрансляторами наработок европейских мыслителей (Сен-Симона, Фурье, Маркса и т. д.).

Народные слои с трудом воспринимали обращённые к ним пламенные призывы. Тем не менее, несмотря на такие итоги, никто не ставил под сомнение жажду русских людей к справедливости, к солидарности, то есть ко всему тому, что поднимала на щит социалистическая теория. Становилось понятным, что эти базовые принципы устройства жизни возникли не как следствие «просветления» масс, познакомившихся с определёнными теоретическими установками, а представляли собой глубинное явление, отражавшее исторический генезис народа.

Заметим, первым, кто буквально нащупал эту истину, стали не отечественные интеллектуалы, а российский император Николай I. Вступив на престол под залпы восстания декабристов, он постоянно был озабочен выявлением всего, что несло угрозу самодержавному правлению. В частности, его тревожила популярность европейских социалистов, набравшая силу на Западе. Уже в 1830-х годах под эгидой МВД снаряжались специальные экспедиции в различные ре-

гионы страны. Перед ними ставилась задача выявить влияние посторонних личностей, особенно внешних врагов государства с их «якобинскими воззрениями».

Одна из таких известных нам по документам поездок состоялась в 1838 году, когда майор III отделения А. Васильев посетил около двадцати губерний. Однако, судя по материалам, он не смог обнаружить какого-либо иностранного следа, зато чиновник чётко указал на другой источник смуты, вызвавший у него самое серьёзное беспокойство. Васильев повёл речь о староверии, влияние которого в народных низах оказалось весьма значительным. В его донесениях с тревогой оценивалась неблагоприятность раскола, где крайние формы сопротивления (открытый бунт, самосожжения и т. п.), конечно, уходят в прошлое, но повсюду продолжает «тлиться дух дерзновеннейшего отвержения власти царя и гражданских законов». Наиболее зримо, по его наблюдениям, это ощущалось в Москве, где настрой на неповиновение лучше, чем в других местах, замаскирован религиозностью¹.

Такие выводы МВД полностью подтверждали и наблюдения немецкого учёного А. Гакстгаузена, принявшего примерно в то же время путешествие по России. «Староверы, — писал он, — имеют большое нравственное влияние на Россию...»². Многочисленные секты, постоянно пополняясь из низших слоёв населения, отвергали культуру высших классов, считая её антинародной и если не предательской, то по меньшей мере чуждой России. Более того, в неприятии государства и церкви зримо просматриваются социалистические и коммунистические наклонности. По убеждению немецкого учёного, необходимо серьёзно взглянуть на раскол именно с этих позиций, поскольку Россия ещё плохо пред-

ставляет, какие опасности и неожиданности грозят ей с этой стороны³.

Как известно, западная Реформация, взорвав средневековый европейский мир, привела к кровопролитным войнам в большей части Старого Света. Их итогом явился порядок, подвопивший черту под противостоянием католиков и протестантов и основанный на знаменитом принципе «*cuius regio, ejus religio*» («чья страна, того и вера»). В результате сторонники и противники Реформации оказались по большей части разделены государственными границами. В России церковное размежевание поделило общество на два непримиримых лагеря: приверженцев старого обряда и последователей реформ патриарха Никона. Но в России это ожесточённое противостояние не привело к территориальному разводу враждебных сторон. Россия, в отличие от европейских стран, разделилась внутри себя: на географической карте она была единой, на деле же в ней образовались два социума с различной социальной и культурной идентификацией.

С первой ревизии Петра Великого 1716 года и до переписи 1897-го количество раскольников всегда оценивалось на уровне не более 2% от населения империи. В эпоху Николая I власти самым пристальным образом обратились к изучению раскола. Как следовало из проведённых в ряде губерний Центральной России обследований Министерства внутренних дел, реальные цифры в **десять раз** превышали те, что были заявлены в отчётах местных гражданских и духовных администраций. Если по переписи 1897 года их насчитывалось около 2 млн, то общественность теперь предполагала более справедливым говорить о 20-ти. При этом большая часть раскольников (прежде всего беспоповцев, не принимавших священство и церковных таинств) числилась обычными православны-

¹ Гарф. Ф. 109. 2-я экспедиция. 1838 год. Д. 33. Л. 25, 29.

² Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т.1. С. 234.

³ Там же. С. 279.

ми, не желая официально заявлять о своей религиозной идентификации.

На момент 1840-х годов представление о том, что в действительности представляла собой старообрядческая реальность, отличалось размытостью. Если с вероисповедными воззрениями дело обстояло более или менее ясно, то хозяйственное функционирование этой религиозной общности выглядело «Terra incognita». Между тем именно здесь официальную Россию ожидали наиболее интересные открытия, позволившие совершенно в новом ракурсе взглянуть на устрой-

ство Русского мира. Прежде всего было установлено, что староверческая экономика развивалась не по классическим канонам, а по собственным духовным и организационным правилам. Они сформировались ещё в первой половине XVIII века в знаменитой Выговской поморской киновии и определялись необходимостью существовать во враждебной никонианской среде. Оптимальным инструментом для этого, позволяющим максимально концентрировать как экономические, так и духовные ресурсы, стала **знаменитая русская**

община; общинно-коллективистские (а не частнособственнические) отношения послужили тем фундаментом, на котором строилась социальная жизнь раскола.

Эта же составляющая проявилась также и в организации торгово-мануфактурного сектора, становлением которого озаботилась власть, претендующая на статус полноценной европейской державы. Стойкое нежелание дворянства участвовать в производственных хлопотах заставило государство привлечь к ним всех, кто был способен к промышленному строительству. В этих условиях для староверов открылись прекрасные возможности. Причём если в первой половине XVIII века, когда мануфактуры в основном насаждались сверху, участие старообрядческих низов ещё не было значительным, то позднее их созидательный потенциал задействуется во всю мощь. Со времён Екатерины II, снявшей ограничения на торгово-мануфактурную деятельность, формирование внутреннего рынка страны становится главным делом русского раскола. К середине XIX века он постепенно трансформировался в огромную профессионально-хозяйственную корпорацию, преобразившую российское гильдейское купечество.

В развитии этого — купеческо-крестьянского — капитализма институт частной собственности и конкурентные начала не играли существенной роли. Более того, стремление властей развивать промышленность на этих принципах на практике привело к возникновению уклада, который эти самые принципы и отвергал. Раскольники вели хозяйство не для извлечения прибыли отдельными лицами и их семьями, а **для укрепления институтов своей веры и поддержания своей общины — «народа Божия»**. А потому законные с точки зрения официального гражданского права владельцы торгово-промышленных активов в раскольничьей среде таковыми не считались, выступая лишь в качестве управленцев,

которых община наделила соответствующими полномочиями.

Род занятий, положение в общине зависели от способностей каждого и от признания их со стороны единоверцев: простой крестьянин мог стать наставником или настоятелем. Любой имел право заявить свои требования, и они выслушивались и поддерживались общиной — в случае, если другие считали их сообразными с общей пользой. В такой атмосфере решались также и ключевые хозяйственно-экономические вопросы. Содействие внутриобщинных сил, братское доверие позволили многим старообрядческим общинам скопить громадные капиталы — своего рода общую кассу для различных коммерческих инициатив⁴. То же Выговское староверческое общежитие трансформировалось в самодостаточную, независимую от властей структуру, развивающуюся по своей внутренней логике. Известный писатель М. М. Пришвин — выходец из старообрядческой среды — воспевал край Выга, где его предки «боролись с царём Петром и в государстве его великом создавали своё государство», не совсем ему дружественное⁵.

Устройство Выговской общины послужило моделью для хозяйственной и управленческой организации старообрядцев по всей стране. Со второй половины XVIII века, т. е. когда начал складываться внутренний российский рынок и ослабли гонения, раскол превращается в прогрессирующую экономическую систему. Ещё в 1770-х годах происходит легализация староверия посредством оформления его новых крупных центров в Москве и Поволжье (так, крупным центром разрешённого

старообрядчества становятся Иргизские монастыри).

Московский митрополит Филарет объяснял распространение раскола существованием в нём **общественной собственности, которая**, будучи его твёрдой опорой, **«скрывается под видом частной»**⁶. По его убеждению, раскол стал особой сферой, «в которой господствует над иерархическим демократическое начало. Обыкновенно несколько самовольно выбранных или самоназванных попечителей или старшин управляют священниками, доходами и делами раскольничьего общества... Сообразно ли с политикою монархической усиливать сие демократическое направление?» — вопрошал митрополит Филарет⁷. С ним нельзя не согласиться: очевидно, что собственность, принадлежащая не конкретным людям, а общине через механизм выборов

наставников и попечителей, не могла быть частной. Хотя для внешнего мира и государственной власти она именно такой и представлялась. Внутри же староверческой общности действовало правило: твоя собственность есть собственность твоей веры. Как отмечал один из полицейских чиновников, изучавших раскол: «Закон этот глубокая тайна только агитаторов (т. е. наставников. — А. П.), но она проявляется в завещаниях богачей, отказывающих миллионы агитаторам на милостыни, и в готовности всех сектаторов разделить друг с другом всё, если у них одна вера»⁸.

Принцип «твоя собственность есть собственность твоей веры» прослеживается и в хозяйственном укладе Преображенского кладбища в Москве. В распоряжении исследователей находятся донесения полицейских агентов, расследовавших деятельность московских старообрядцев во второй половине сороковых го-

⁴ Аристов Н.Я. Устройство раскольничьих общин. М., 1863. С. 2, 6, 27.

⁵ Пришвин М.М. Осударева дорога. Т. 6. М. 1984. С. 8, 21 // Собр. соч. в 8 томах. М., 1982–1984.

⁶ Мысли и предположения митрополита Филарета о средствах по уменьшению расколов. 1835 год // Собрание мнений и отзывов Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 2. СПб., 1885. С. 366.

⁷ Донесение митрополита Филарета Св. Синоду с отзывом о рукописях московского раскольника, мещанина Леонтия Круглоумова. 5–10 ноября 1841 года // Т. 3. М., 1887. С. 254.

⁸ Синицын И.И. Раскол в Ярославской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках (составитель В.И. Кельсиев). Вып. 4-й. Лондон, 1862. С. 148.

дов XIX века⁹. Для внешнего мира это было место, где располагались погосты с богадельнями, приютами и больницами. На самом же деле «кладбище» служило финансовой артерией беспоповцев федосеевского согласия. По наблюдениям МВД, здесь хранились общинные капиталы,

направляемые по решению наставников и попечителей на открытие или расширение различных коммерческих дел. Единоверцам предоставлялось право пользоваться ссудами из общинной кассы, причём кредит предусматривался беспроцентный, допускались и безвозвратные займы.

Именно с этой помощью образовалось огромное количество торгов и производств¹⁰. Однако вернуть взятое из кладбищенской казны и стать полноправным хозяином своего дела, т. е. попросту откупиться, не представлялось возможным. Можно было лишь отдать предприятие, запущенное на общинные деньги. Все попытки выяснить хотя бы приблизительные объёмы средств, которые циркулировали на Преображенском кладбище, ни к чему не приводили. Как утверждала полиция, немногие, кроме наставников и попечителей, осведомлены о реальном обороте общественных капиталов этого богадельного дома, а исчисление его доходов «едва ли может быть когда сделано при всех стараниях лиц, правительством назначаемых наблюдать за кладбищем»¹¹.

Об источниках финансирования крестьянско-купеческого капитализма дают представление, в частности, записки Д. П. Шелехова, который в до-реформенные годы путешествовал по старообрядческому Владимирскому краю. В одной сельской местности, в 16 верстах от г. Гороховца, Шелехов столкнулся с «русскими Ротшильдами», банкирами здешних мест. Братья Большаковы располагали капиталом в несколько сот тысяч рублей, ссужая их промышленникам и торговцам прямо на месте их работы. Передача купцам и крестьянам денег — порой немалых — происходила без оформления какой-либо документации: на веру, по совести. Летом оба брата выезжали в Саратовскую, Астраханскую губернии для размещения там займов. Удивление автора записок не знало границ, когда при нём какому-то мужику в тулупе выдали 5 тысяч рублей с устным условием возврата денег через полгода. Опасения в вероятном обмане, высказанные

⁹ Эти материалы из бумаг И. П. Липранди были опубликованы А. А. Титовым в ряде выпусков «Чтений в Обществе истории и древностей российских» под названием «Дневные дозорные записки о московских раскольниках». См. Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1885. Кн. 3, 4; М., 1886. Кн. 1; М., 1892. Кн. 1, 2.

¹⁰ Васильев В. Организация и самоуправление Федосеевской общины на Преображенском кладбище в Москве. // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 578–579.

¹¹ Дневные дозорные записки о московских раскольниках. 1846 год. // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1892. Кн. 2. С. 200.

им как разумным человеком, были отвергнуты. По утверждению кредиторов, такого не могло произойти, поскольку все не только хорошо знакомы, но и дорожат взаимными отношениями. К тому же о делах друг друга каждый неплохо осведомлён, и обмануть здесь удастся лишь один раз, после чего уже и «глаз не показывай и не живи на свете, покинь здешнюю сторону и весь свой привычный промысел». Д. П. Шелехов заключает: «Вот вам русская биржа и маклерство!.. Господа писатели о финансах и кредите! В совести ищите основание кредита, доверия, народной совестью и честью поднимайте доверие и кредит, о которых так много нынче говорят и пишут ученые по уму, но без участия сердца и опыта»¹².

Существовавшая в тот период финансовая система не была нацелена на обслуживание многообразных коммерческих инициатив, а кредитные операции в дореформенный период находились в руках иностранных банкирских домов, обеспечивавших бесперебойность интересовавших их внешнеторговых потоков¹³. Банковские же учреждения России, созданные правительством, концентрировались на другой задаче: поддержании финансового благосостояния российской аристократии и дворянства, что обеспечивалось предоставлением им ссуд под залог имений. Что же касается кредитования непосредственно коммерческих операций, то для этого начиная с 1797 года открывались учётные конторы в Петербурге и Москве, а также в портовых городах: Одессе, Архангельске, Феодосии. Однако эти структуры работали опять-таки только под залог экспортных товаров. Купеческо-крестьянский капитализм формировался и существовал вне государственной банковской системы.

Ещё более значимым общинный дух был в крестьянских низах российского общества. Все члены русской общины, даже еще не родившиеся, были гарантированно обеспечены земельным участком пусть не лучшего, но, главное, не худшего, чем у других, качества. И в представлении русского мужика это отвечало справедливости. А вот от частного собственника с его навыками присвоения и жадной накопления справедливости ожидать не приходилось, из-за чего этот базовый институт «цивилизованной экономики» не вызывал в народе ни оптимизма, ни одобрения. К тому же само понятие собственности для человека с общинной психологией было неразрывно связано с трудом. Любые имущественные приобретения без трудовых усилий считались незаконными и несправедливыми. А частное владение землёй, недрами, водами вообще рассматривалось как невозможное, поскольку эти богатства не являются продуктом человеческой деятельности. Отсюда проистекало и пренебрежительное

отношение русского народа к гражданско-правовым нормам и законам, обслуживавшим институт частной собственности.

Большую часть старообрядцев России составляли беспоповские толки, растворённые в никонианских общинах. Беспоповцы пользовались в народе нравственным влиянием и окрашивали всю невнятную «паству» в оттенки особого «внеконфессионального» православия с доминированием принципов солидарных, коллективистских. Именно из этой среды формировался русский пролетариат — эти вчерашние крестьяне вовсе не из марксистских книжек, а из родной среды почерпнули убеждение, что **узаконить собственность может только труд**, а следовательно, заводы и фабрики, создававшиеся руками нескольких поколений их единовещцев, принадлежат им, а никак не номинальным владельцам. Важно отметить, что пролетарские низы к концу XIX века приблизительно на 80% составляли старообрядцы-беспоповцы — возникавшие фабрики

¹² Шелехов Д. П. Путешествия по русским просёлочным дорогам. СПб., 1842. С. 27, 39–40.

¹³ В тот период все крупные операции в России осуществлялись через иностранных банкиров. В это время действовало несколько банкирских домов: Штигилиц, Юнкер, Симон Якоби, Кенгер и др. Примечателен такой факт, когда потерпел крах английский банкир Сутерланд, основной кредитор российского правительства в 1780–1790 годах, то его долги приходились на казну и аристократию. Лишь изредка среди его деловых партнёров встречались купцы, к тому же только те, которые вели внешнюю торговлю. См.: Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Л., 1991. С. 12–13.

и заводы вбирали потоки староверов из Центра, с Поволжья и Урала, из северных районов. Каналы староверческих согласий (землячества) выступали в роли своеобразных «кадровых служб». После революции 1917 года именно из среды этих «сознательных рабочих» происходило рекрутирование новых народных партийных кадров, «ленинский призыв», «второе завоевание души рабочего класса» и т.д. Проведенный мной анализ показывает, что именно беспоповцы составили основу того «сталинского» поколения управленцев и партработников, которое подавляло снизу «ленинскую гвардию» и в конечном счёте вытеснило её из власти¹⁴. Бродившие в низах раскольничьи представления об устройстве жизни после революции вышли на поверхность, обретя статус государственных.

Хозяйственно-управленческой модели, сформированной расколом, был брошен вызов в 50-е годы XIX века. Главный удар был направлен на купечество, по имперскому законодательству — на владельцев предприятий и мануфактур, которые создавались, однако, на средства раскольничьих общин. Отныне попасть в купеческие гильдии могли только те, кто принадлежал к синодальной церкви или единоверию; все русские

купцы обязывались предоставить свидетельства об этом от православных священнослужителей; в случае отказа предприниматели переводились на временное гильдейское право сроком на один год. В результате всё староверческое купечество оказалось перед жёстким выбором: лишиться всего или поменять веру; большинство склонялось (или делало вид, что склонялось) к последнему варианту.

Главным последствием государственно-церковной регистрации стало то, что купцы-староверы и члены их семей в правовом отношении оказались полностью привязаны к своим торгово-промышленным делам. Теперь сменить собственника по инициативе раскольничьих наставников

или советов стало гораздо сложнее, чем прежде: решения каких-то малопонятных и нелегитимных структур власть, даже с учётом немалой коррупции, не признавала. Более всего это коснулось крупных коммерческих предприятий, ставших слишком заметными, чтобы без законных на то оснований проводить смену легальных владельцев.

В среде старообрядцев сформировалась прослойка управленцев раскольничьей собственностью и капиталами, стремительно вживающихся в роль подлинных хозяев вверенных им активов. Николаевский запрет на веру фактически привёл к образованию многих предпринимательских династий крестьянского происхож-

¹⁴ Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2015.

дения. В результате этих процессов на экономической арене России появляется мощная группа купеческой буржуазии. **Переход этих купцов в новое состояние по своему масштабу и последствиям может быть сравнен с «чубайсовской приватизацией» 90-х годов**, когда в одночасье на руинах советской экономики вырос целый класс «эффективных собственников». Сам факт такого перехода не мог остаться незамеченным и неочевидным в старообрядческой среде — и отношение рядовых раскольников к тому «капитализму», который начал складываться в России во второй половине XIX века, нельзя рассматривать иначе как резкое неприятие: узурпацию общинной собственности, несправедливость и последнюю степень апостасии.

Однако вышедшие из крестьян капиталисты настойчиво стремились встроиться в новые экономические реалии, формирующиеся под контролем власти. При этом уже через несколько десятилетий начался небывалый приток в Россию иностранного капитала. На этом фоне произошло резкое усиление петербургских банков — давних соперников промышленников Центра, Поволжья в борьбе за первенство. Это обстоятельство имело ключевое значение для хода последнего отрезка отечественной истории, вплоть до 1917 года. Купеческая буржуазия больше не желала оставаться заложницей правящей бюрократии: необходимость выживания актуализировала её потребность в активных действиях (раскольничья кровь всё-таки!). Купеческая элита решительно распрощалась со славянофильскими идеями о возможности развития на монархической почве. Взамен она начала осваивать новые политические рубежи, связанные с ограничением власти и утверждением прав и свобод, которые устанавливаются конституционно-законодательным путём, а не по верховной воле. Имена Морозовых, братьев Рябушинских, Гучковых, Сабашниковых, С.И. Четверикова, И.Д. Сытина и др. приобретали всё большую из-

вестность в оппозиционных кругах. Следует признать, что представители купечества вели довольно гибкую политику. Они изначально не ограничивались посещением земских съездов, ясно осознавая, что реформаторского порыва интеллигентско-профессорской публики для продавливания нужных политических изменений будет недостаточно. А потому купечество предусмотрительно обратилось к радикальным элементам, которые концентрировались в кружках социал-демократов и социал-революционеров. Наличие этих связей делало купеческую буржуазию наиболее подготовленным участником развернувшихся политических процессов.

Результатом московского обострения октября–декабря 1905 года стал переход конституционной инициативы от правительства к оппозиции. Его можно также характеризовать как первое самостоятельное выступление купеческой элиты; именно её представители фактически оплатили забастовочное движение, начавшееся на конкретных предприятиях. Ряд владельцев московских фабрик и заводов инициировали стачечную волну, продолжая выплачивать заработную плату работникам в период забастовок. Декабрьское вооружённое восстание также имело своей главной опорой

фабрики, принадлежащие купечеству Первопрестольной и ставшие очагами сопротивления царским войскам. Характерно и то, что в ходе масштабных беспорядков московская буржуазия не предавалась панике (как это изображалось в советский период), хладнокровно используя их для достижения конкретных коммерческих целей. Так, забастовка почтово-телеграфных служащих послужила поводом для выдвижения требований к правительству: передать эту стратегическую по тем временам отрасль в руки купечеству, которое вызвалось позаботиться о её развитии. А итогом боевых действий в Москве стало предложение о переводе в местные банки огромных финансовых средств, необходимых для восстановления нормальной экономической жизни. Но главное, после 1905 года купечество уверенно выдвигается на первые роли в оппозиционных кругах.

Оценивая революционное движение в России последнего десятилетия самодержавия (1907–1917 годы), следует учитывать его тесную зависимость от политических потребностей московского клана. У московских купцов возникли интересы, связанные с либерально-конституционным проектом; это заставило их оказывать финансовую поддержку различным

оппозиционным силам, чья активность способствовала продвижению нового государственного порядка. Итогом, к которому стремился московский клан, освоивший либеральные рубежи и ставший душой оппозиционного проекта, явилась Февральская революция. Февраль 1917 года — звёздный час купеческой буржуазии. Заметим, что список кадетов, социал-демократов (меньшевиков) и эсеров, принявших участие в работе разных составов Временного правительства, практически полностью совпадает с кругом оппозиционных деятелей, собираемых и финансируемых купечеством Первопрестольной в 1912–1916 годах.

Борьба элит, завершившаяся падением династии Романовых, привела не просто к переменам; она стала прелюдией к невиданному в мире эксперименту по демонтажу социально-экономической системы, базирующейся на институте частной собственности. Общинная психология с её староверческой подоплёкой стала той мощной силой, которая опрокинула старые порядки. Временное правительство оказалось бессильным перед массами, жаждущими устройства жизни на справедливых, с их точки зрения, началах. Подчеркнём: движущими силами этого процесса явились не какие-то аморфные «низы», а различные староверческие согласия и толки, которые пронизывали народные массы. Именно их реальная, а не документальная, внушительная численность в конфессиональной структуре населения России позволила большевикам выйти победителями из Гражданской войны. Рабоче-крестьянские массы поистине легли костями, чтобы не допустить возвращения дворянства и чиновничества (либерального или не очень), благословляемого РПЦ. Здесь **чажания части населения и планы кучки большевиков-комиссаров совпали**. Участие староверов в войне на стороне большевиков показано в произведениях ранней советской

Сталин на практике соединил идею построения коммунизма в одной стране с верой мужицких масс в «царство Божие на Земле» — ведь именно созидание такого царства составляло суть старообрядческой психологии.

литературы, что называется, по горячим следам. При этом в науке этот вопрос совершенно не исследовался.

На мой взгляд, составляющими новой идеологии стали марксистская теория большевиков и общинно-коллективистская психология низов: они определяли вектор развития новой народной власти. Именно здесь кроются и истоки конфликта, вспыхнувшего внутри большевистской партии в первые послереволюционные десятилетия. В аппаратном смысле его суть состояла в борьбе за власть в руководстве партии, возвышении Сталина и вытеснении соперничавших с ним группировок из старых ленинцев. Состоящая из интеллигентов «ленинская гвардия» постепенно, но неотвратимо разбавлялась полуграмотными представителями крестьянских и пролетарских низов. (Выяснение конфессионального происхождения большевистского руководства — актуальная задача исторической науки.) В содержательном плане шёл

принципиальный спор о выборе пути построения нового общества.

Как известно, большевистские лидеры находились в ожидании революции в Европе и рассматривали Россию в качестве плацдарма для настоящих и серьёзных дел на Западе. Однако в руководстве партии образовалось течение, представители которого придерживались диаметрально противоположного взгляда. Сталин и его соратники выступили с идеей построения светлого будущего не где-то там, в далёкой и малознакомой Европе, а непосредственно здесь — в России. Очевидно, что эта идея, гораздо более понятная малообразованному большинству, нашла горячий отклик. Сталин твёрдо обещал светлое завтра на земле, откуда уже изгнаны ненавидимые эксплуататоры. На практике он, по сути, соединил идею построения коммунизма в одной стране с верой мужицких масс в «царствие Божие на Земле» — ведь именно созидание такого царства составляло суть старообрядческой психологии.

Кстати, в пользу староверческой окраски низов свидетельствуют и факты невиданных гонений на иерархию РПЦ. В изменившихся государственных условиях этим низам, ставшим верхами, не нужно было долго размышлять о том, как поступать с чуждыми проповедниками никонианства. И Сталин неизменно ориентировался именно на эти слои, понимая, что от них зависят его политическая популярность и личное возвышение. Этим объясняются и риторика, и поведение Сталина, в которых преобладал привкус религиозности, что давно подмечено в литературе. Практически он стремился к утверждению новой религии, понимая, насколько восприимчивы к этому его сторонники и почитатели. Отсюда и его настойчивые усилия по созданию культа Ленина, насаждение — по сути, религиозного — поклонения ему, что шокировало многих большевиков-интеллигентов с дореволюционным стажем. Отсюда и знаменитая сталинская русофилия, превозношение национального и не-

терпимость ко всему иностранному. Новый вождь утверждался на базе «фирменной» беспоповской староверческой психологии, обретшей новый, теперь уже государственный, формат. В этом смысле можно говорить о том, что **старообрядческий проект состоялся, но состоялся уже в исторических рамках Советской России.**

В высшем руководстве страны было много старообрядцев (по своему происхождению): есть убедительные свидетельства того, что к ним относились Калинин, Ворошилов, Ногин, Шверник (настоящая фамилия — Шверников), Москвин, Ежов, Косарев, Постышев, Евдокимов, Зверев, Маленков (лидер староверче-

ского крыла партии в эпоху зрелого сталинизма), Булганин, Д. Устинов, Суслов, Первухин, Громыко, Патоличев и многие другие.

В целом «смена элит» была завершена к 1939 году, когда из 139 членов ЦК 115 были новыми людьми, тогда как старых (из состава времён XVII съезда партии) оставалось всего 24 человека. Это были молодые сталинские кадры, «35-летние технократы». Именно они и стали реальными строителями сталинского социализма и носителями обновлённого русского патриотизма.

После смерти Сталина происходило постепенное вытеснение староверов «северян» из высшего руководства, при Хрущеве на высшие посты продвигались украинцы и южане. Аскеза беспоповцев всё больше уступала место психологии потребительства, а наследием украинизации руководства СССР стал «застой» и упадок крепкого великорусского начала, всё больше обезличиваемого и растворяемого в проекте «единый советский народ».

/ Егор ХОЛМОГОРОВ /

О нерешенной проблеме социализма

*Чем новый проект социальной справедливости
будет отличаться от прежнего?*

Может показаться странным, что в начале XXI века слово «социализм» возвращается в популярный политический лексикон. Ведь последнее десятилетие века минувшего было временем его полного и, казалось, окончательного разгрома.

«Реальный социализм» советского образца полностью опозорился, капитулировав перед нацеленной ему прямо в грудь палкой копчёной колбасы. Оказалось, что недостаточно делать ракеты и перекрывать реки, чтобы утвердить преимущества планового хозяйства, основанного на общественной собственности. Необходимо предоставить человеку при социализме доступ к потребительским благам, минимально сравнимым с теми, которые он может получить при капитализме. А если этого не сделать, то скоро наметится отставание не только в бытовой, но и в технологической сфере. Под грузом этого противоречия советский социализм рухнул, а китайский пошёл на столь глубокие реформы, что, глядя на китайских миллиардеров, дозвоительно усомниться: социализм ли перед нами сегодня, или же капитализм при красноречивой олигархической диктатуре КПК, которая, право же, ничем не хуже сотен иных олигархий в истории.

При этом капиталистический мир с его торжествующим либерализмом одержал, казалось, безоговорочную моральную победу. Он сумел не только перегнуть, но и поглотить мир социализма. Все мало-мальски разумные идеи социализма были встроены в конструкцию социального государства, оставив на долю «реального социализма» такие сомнительные достижения, как тотальное обобществление собственности и доктринёрская идеологическая цензура. Социализм был, казалось, попросту поглощён и переварен капитализмом, вышедшим в этой борьбе на новую эволюционную ступень своего развития.

Прошло четверть века с этой победы над социализмом, и фундамент глобального либерального порядка сотрясают всё более ощутимые толчки. Внутри Демократической партии США серьёзную конкуренцию либерализму Хиллари Клинтон, ориентированному на расовые и сексуальные меньшинства, составил «демократический социалист» Берни Сандерс, обращающийся прежде всего к белым трудящимся Америки с призывом к революции против диктатуры «1%» — дельцов с Уолл-стрит. Социалист... кандидат в президенты США... в начале XXI века... — абсурд, да и только. А по другую сторону Атлантического океана лейбористскую партию вместо благообразных бюрократов воз-

главил социалист же, антимилитарист и отчаянный левак Джерри Корбин. Одним из первых его решений на посту главы теневого кабинета стало создание комиссии по выработке новой экономической политики, в которую вошли известные сторонники борьбы с экономическим неравенством — Тома Пикетти и американец, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц.

Внезапно мы обнаруживаем, что в двух ведущих странах капиталистической миросистемы социализм не только воскрес, но и выставил себя в качестве мощной политической альтернативы господствующему либеральному мейнстриму. Если вспомнить, что с другой стороны тот же мейнстрим атакуют сторонники правых популистских идей, подобные Дональду Трампу или Марин Ле Пен, причём в программе последней много антикапиталистических элементов, поданных в антиглобалистском ключе, то становится понятно, что либеральный «конец истории» закончился слишком быстро. И если эта волна не дошла ещё до нас, то лишь потому, что и наш либерализм, и наш капитализм весьма специфичны, а наш политический процесс далёк от игры по правилам западного мира. Но закрыться от революции идей невозможно, и несомненно, что скоро поступь нового социализма мы услышим и в России.

С чем связана эта социалистическая революция начала XXI века? С тем, что вернулись фундаментальные экономические условия, породившие расцвет социализма в веке XIX и резко изменившиеся в веке XX. Той движущей силой, которая породила социализм позапрошлого столетия, было противоречие между идеями гражданской свободы и равенства, которые принесли Великая французская революция и век Просвещения, и абсолютным экономическим неравенством, бывшим нормой для Европы «старого порядка» и ставшим ещё более выпуклым и невыносимым с началом промышленной революции, когда сотни тысяч оборванных голодных пролетариев оказались скученными в душных и зловонных фабричных пригородах развитых стран.

Либерализм оказался перед чудовищным и неразрешимым противоречием: почему, провозгласив полноту прав и свобод человека в сфере мысли, политической жизни, уравнивая в правах все состояния и уничтожив все сословия, он должен при этом оставаться на страже разрыва между богатством и нищетой, на страже экономического неравенства. Это положение, когда, отстаивая равенство в менее существенной для большинства людей сфере — сфере мысли,

Социализм в «социалистических странах» решал прежде всего проблемы развития производительных сил, а не перераспределения богатства. Зато не нуждавшиеся в индустриальном скачке западные страны могли себе теперь позволить роскошь «социализма без социализма».

либерализм должен был рьяно защищать неравенство в куда более насущной сфере желудка, было, разумеется, абсурдным.

Оправдания, изобретаемые для того, чтобы объяснить, почему один богат, а другой беден, сами подталкивали тех, кому подобное положение представлялось несправедливым, к определённым решениям. «Частная собственность неприкосновенна, вы просто не смеете на неё посягать, а значит, и не смеете посягать на богатство», — говорили защитники богатства. «Значит, собственность — это кража, а чтобы не было разрыва между богатством и бедностью, её нужно уничтожить, обобществить», — отвечали адвокаты бедняков. «Свобода — это не равенство результатов, а равенство возможностей. Мы должны быть равны в начальной точке, а дальше каждому пусть достанется согласно его энергии и способностям», — говорили защитники богатства. «Значит, мы должны обобществить трудовые усилия, и тогда результат будет общим: от каждого по способностям, каждому по труду, — отвечали защитники бедняков, — кроме того, давайте, в таком случае, действительно уравниваем шансы, потому что равенство возможностей того, кому достался миллион, и того, кому достались полпенсы, — это заведомая ложь».

Идеи, рецепты, нравственный пафос социализма прошлого вытекали из сочетания неудержимого стремления европейского человечества к равенству, отмеченного Алексисом де Токвилем, и переживания чудовищности материального неравенства в тогдашней Европе, клавшего между богатством и бедностью непреодолимую границу. Эта граница стала предметом драматического диалога между молодым Растиньяком и прожжённым жуликом Вотреном в бальзаковском «Отце Горио». Вотрен объясняет ещё молодому и идеалистически настроенному Растиньяку, что его шансы приобрести состояние благодаря учебе, личным качествам, труду, равны нулю. Единственный шанс приобрести состояние — это получить

его от того, у кого оно уже есть, при помощи наследства или брака. Единственный способ стать богатым — это быть богатым.

Мир, в котором вырабатывалось большинство социалистических идей, от сен-симонизма и прудонизма до марксизма, не был миром либеральной свободной конкуренции и равенства возможностей. Это был мир уважаемых семей, старых денег и высочайшей концентрации богатств. Это был мир поляризации, лишённый среднего класса, — только 1% людей, у которых есть всё, и 99%, у которых нет практически ничего.

Что это значило на практике? Это значило, что разговоры о каких-то жизненных шансах, даваемых либеральной версией капитализма, были мифом. Большие деньги были магнитом, который притягивал к себе другие деньги. Большая часть национального дохода, вне зависимости от темпа его роста, распределялась в той самой пропорции, которая была закреплена в структуре национального капитала. То есть те, кто контролировал большую часть богатств, получал и большую часть доходов, практически ничего для этого не предпринимая.

Исключение составляла только Америка, где концентрация богатств была ниже, а значит, выше была и доля дохода, распределяемого в свободной конкуренции. Отсюда и распространённый взгляд на Америку как на Землю Обетованную, на страну жизненных шансов, привлекавшую множество мигрантов. Хорошим способом нажить богатство в Европе — было уехать в Америку. А затем можно было вернуться назад, в Старый Свет, с деньгами.

Никакое промышленное развитие, никакие атаки социалистов на правительство и буржуазию не меняли ничего в структуре этого мира вплоть до начала Первой мировой войны. Отсюда в целом революционный характер европейского социализма и предлагаемые им радикальные с элементом утопизма решения: тотальное обобществление производства, экспроприация господствующих классов, установление пролетарской диктатуры, мечта о Мировой Революции.

Эта Мировая Революция действительно произошла, но только началась она не в 1917-м, а в 1914 году. Как показал Тома Пикетти в своей блистательной работе «Капитал в XXI веке», мировая война запустила настоящий дефолт старых европейских богатств. Военные разрушения и крах мировой торговли, революция, разрушения Гражданской войны и экспроприация правящих классов в России, поражение и гиперинфляция в Германии и Австрии, демографическая яма и бюджетный дефицит Великобри-

тании и Франции, начало краха колониальной системы — всё это привело к катастрофическому снижению концентрации капитала в Европе.

Революционная роль России, чья буржуазия была брошена жертвой на алтарь мирового преобразования, состояла не столько в обобществлении собственности и запуске социалистического эксперимента, сколько в обрушении мировой ренты. Огромный русский долг, питавший миллионы рантье по всей Европе, в одночасье обернулся ничем, обрекая цивилизацию рантье на крах.

На протяжении 1920–1940-х годов уровень концентрации капитала в мировой капиталистической системе продолжал снижаться — тут и Великая депрессия, затронувшая, наконец, Америку, и разрушения Второй мировой войны, и волна послевоенных национализаций и налоговых изъятий на восстановление. Соотношение капитала и национального дохода снизилось с 6:1 при старом порядке к 2:1, то есть весь сконцентрированный капитал, в форме домов ли, акций ли, земли ли или зарубежных активов, был равен всего двум годовым национальным доходам.

Какой социально-экономический эффект имел этот великий дефолт? Хватка капитала существенно ослабла, его магнетический эффект был теперь не столь всеохватывающим, и в рам-

ках мировой капиталистической системы стала решаться проблема экономического равенства без обращения к радикальным рецептам социализма начала XX века. Точнее, радикальные рецепты пришлось на долю стран, отстававших в своём индустриальном развитии, как Россия или Китай. И главное, для чего там этот радикализм понадобился, — это для волевого осуществления индустриального скачка. Социализм в «социалистических странах» решал прежде всего проблемы развития производительных сил, а не перераспределения богатства.

Зато не нуждавшиеся в индустриальном скачке западные страны могли себе теперь позволить роскошь «социализма без социализма». Социал-демократия, христианский социализм, шведский социализм, социал-реформизм реализовали единую модель — не уничтожая частной собственности как таковой, не прибегая к диктатуре левых партий, ограничившись частичной национализацией, добиться экономического равенства при помощи создания системы высоких зарплат и развития социальной сферы, формируя государство всеобщего благосостояния. По сути, это была огромная «финансовая пирамида», выстроенная в рамках кейнсианской экономической модели: государство изымало в качестве налогов значительную часть доходов для того, чтобы рас-

пределить эти деньги снова в качестве доходов, но на основаниях большего равенства.

Такова была атмосфера «золотого тридцатилетия» 1945–1975 гг., когда все западные правительства с небольшими вариациями проводили одну и ту же экономическую и социальную политику, ориентированную на предельное смягчение социального неравенства, повышение доли национального дохода, распределяемого в качестве заработной платы, — в ущерб рентам, дивидендам и т. д., расширение социальных обязательств государства. Это была эпоха подъёма среднего класса, тех 40% населения, которые следуют за 10% богатых. Этому среднему классу начали принадлежать 30–40% национальных богатств (вместо 5% до Первой мировой). Оставались 50% бедняков, контролировавших те же 5% богатств, что и прежде, но теперь появился устойчивый шанс выбиться из бедности благодаря образованию, хорошей работе, предприимчивости и сообразительности.

Социальные лифты, казалось, заработали. Своеобразный гимн этой эпохи — озорная песня Чака Берри, записанная в 1964 году: «You never can tell», под которую так лихо отплясывают Траволта и Ума Турман в «Криминальном чтиве» Квентина Тарантино — истории молодой чернокожей парочки из Нового Орлеана, которая обзаводится домом, мебелью по каталогу, непло-

хой зарплатой, холодильником, музыкальным центром и даже подержанным драндулетом... Происходило медленное, но неуклонное новое накопление капитала, однако уже не в форме рент и заграничных облигаций, а прежде всего в форме капитального жилья, каких-то акций и ценных бумаг.

Самые положительные воспоминания о советской эпохе у затронутых ею людей связаны с тем же самым процессом, только происходившим в антураже красных знамен и лозунгов «Слава КПСС!». Уровень доходов советских трудящихся был несоизмеримо ниже, а значит, ниже было количество и качество потребительских благ, которые давал им рынок (никто долгое время не понимал, что рынок на Западе этой эпохи лишь распределительный механизм для доходов, получаемых не совсем рыночным способом). Зато советская система в бесконечно большей степени помогала восстановлению и концентрации... капитала. Это даже так и называлось: «капитальное строительство». Совершенно бесплатно большинство граждан СССР получили в свои руки недвижимость, равнозначную многим годам индивидуального дохода и до сих пор имеющую впечатляющую рыночную стоимость. Ударными темпами создавался милый и немного мещанский мир героев рязановских комедий.

Социалистическая система, подобно западной, шла дорогами восстановительного капитализма. При этом социализм как идея становился в течение XX века всё менее и менее актуален, поскольку была устранена фундаментальная причина роста социалистических настроений — неравенство. Полусоциалистическая политика стран Запада создавала идеальную витрину для капитализма: низкий уровень неравенства, широкие возможности, интенсивные социальные лифты, высокая степень социальной защищённости, при этом доступность разнообразных жизненных благ через развитый и гибкий рынок. Это казалось блестящей альтернативой социалистическому эксперименту: обобществить не собственность, не производство, а доходы, распределив их при этом так, чтобы каждый мог свободно решить: на что тратить при очень широком спектре возможностей.

Идеальный мир равенства и свободы, казалось, был выстроен. В этом мире нашлось место и распространению равенства рас и полов — 1960-е стали эпохой успешной борьбы за все формы равноправия. Казалось, нет таких проблем, которые капитализм не мог бы решить за счёт внутренней эволюции. В то время как социализм постепенно завяз во внутренних противоречиях, где тотальный контроль государства делал невозможной свободу и выхолащивал яркость и разнообразие жизни.

Однако экономические процессы «золотого тридцатилетия» вели на встречу с могильщиком и советский социализм, и западный социальный капитализм. Причём этот могильщик был внутри. Шло естественное накопление капитала — за счёт сбережения части дохода на Западе или за счёт прямых капитальных даров государства, как в СССР. Свойство же капитала таково, что он «намагничивает» и притягивает доход. Для обладателя капитала характерно не трудоориентированное, а рентоориентированное поведение. Он хочет получать проценты и ренту, хочет передавать свой капитал по наследству, хочет платить как можно меньше налогов и с презрением относится к «нищобродам», у которых нет ничего своего и чьи притязания на часть его доходов кажутся «капиталисту» возмутительными.

С конца 1970-х годов в мире началось восстановление новых капиталистов, обретшее самые разные формы, от тэтчеризма в Британии и рейганомики в Америке, до снесшей советский строй и социалистическую экономику перестроечно-приватизационной волны. Это было масштабное выступление за возвращение капиталу права

извлекать доходы и тратить их на себя, не делясь с обществом. Везде это порождало сходные явления: приватизация, снижение налогов, отказ от части социальных обязательств, разрушение кейнсианской схемы перераспределения доходов. И, как и ход маятника к социализму в начале XX века, ход маятника к чистому капитализму в конце того же века оказался в России наиболее выражен и социально разрушителен. Дикий, волчий олигархический капитализм, воцарившийся здесь, освободил себя от груза социальной ответственности практически полностью. Это было самовластие денег, ограниченное лишь удавкой в руках сильного — будь то рейдеры-бандиты или рейдеры-чиновники.

Но мы ошибёмся, если решим, что сущность происходивших в эти десятилетия процессов сильно различалась в России, или Европе, или США. Везде это было время больших хищнических состояний, спекуляций и афёра, социальной поляризации и роста неравенства. Привыкшие к лозунгу об обществе равных возможностей американцы и западноевропейцы начали обнаруживать, что вновь настали времена Растиньяка, когда единственный способ стать богатым — это быть им. При этом изменилось и понятие богатства — это не разумный уютный достаток, а кричащая роскошь.

Джозеф Стиглиц в своей книге «Цена неравенства» характеризует поведение современного делового мира Америки как «рентоориентированного». Никто не стремится к улучшению реальных экономических показателей, никто не хочет зарабатывать. Все стремятся занять такую позицию, которая позволит стричь купоны в качестве ренты: необоснованные премии, «золотые парашюты», всевозможные самовыплаты стали нормой для американских корпораций. Так ли уж сильно это отличается от «уборщиц Газпрома»?

А на другом конце — возрастание воспалённой нищеты: согласно данным Стиглица, продолжительность жизни среди белых мужчин без высшего образования сокращается в США со скоростью, равной скорости сокращения продолжительности жизни в России 1990-х. О «закате среднего класса» не говорил последние 15 лет только ленивый. Прогнозы Пикетти показывают, что если структура неравенства будет восстанавливаться теми же темпами, что сейчас, то уже к 2050 году Европа вернётся по этому показателю практически в XIX век — в руках 10% богачей будут сосредоточены 80% капиталов и 60% всех доходов.

Общество, созданное Мировой антикапиталистической революцией начала XX века, отходит

в прошлое, а вместе с ним и вера в рыночную саморегуляцию капитализма, эволюция которого якобы позволила разрешить социальный вопрос. Оказалось, что саморегуляция была ни при чём, напротив, возрастание экономического равенства было связано с катастрофой, убившей старый капитал, что и позволило создать уникальную социал-капиталистическую систему, а возрастание концентрации капитала, по всей видимости естественное для саморегулирующегося капитализма, вновь воспроизводит схемы неравенства.

Новый социализм является естественным ответом общества, фундаментальные ценности которого устремлены к равенству, на возникновение нового неравенства. **Будет ли он отличаться от социализма классического? Будет, причём довольно сильно.**

Уничтожение частной собственности, обобществление средств производства оказались довольно сомнительным путём к социализму. На практике они привели лишь к формированию «нового класса» бюрократии, падению индивидуальной инициативы, логистическим ошибкам и ошибкам в планировании, ведущим к дефициту, а иногда и к голоду. И при этом не сумели предотвратить реставрации капитализма в самых его диких формах. К тому же мелкая частная собственность продолжала развиваться и в условиях формальной полной отмены частной собственности.

Утопии всеобщего обобществления противостоит тот факт, что по мере материального и интеллектуального прогресса человек требует для себя всё большего, а не всё меньшего пространства для индивидуальной жизни и самореализации. Идеалом гармоничного человека оказывается свой дом, а не казарма. Коллективизм неизбежно ведёт к диктатуре посредственностей и тем самым обрекает принявшие его общества на отставание в научно-техническом развитии.

В этих условиях новый социализм предполагает, прежде всего, обобществление доходов и запретительное ограничение концентрации капитала. Мир будущего социализма — это мир, где жесточайше уничтожены офшоры и каждый богатч вынужден платить высокие налоги как на доход, так и на имущество, а законы о наследовании препятствуют передаче сверхсостояний. Тем самым обнуляется магнетический эффект больших капиталов, и большинство дохода распределяется в обществе в качестве зарплат, которые зависят от свободного труда, а расходуются на свободном рынке. Из инструмента по определению доходов рынок превращается в инструмент по оптимизации расходов.

Но здесь новый социализм подстерегает ряд классических трудностей, на которые указал ещё в середине XX века Йозеф Шумпетер. Невозможность получения сверхбогатств, ограничение возможностей нечестной и несовершенной конкуренции, монополизма и спекуляции приведёт к угасанию того предпринимательского духа, на котором строится капиталистическая экономика. Всё меньше будет тех, кто захочет затеять новое дело, чтобы опередить остальных и с этого получить хорошие барыши. А дипломы «изобретателя и рационализатора», как нетрудно понять, являются весьма слабой заменой сверхдохода.

Единственным лекарством от кризиса предпринимательства в рамках неосоциалистической системы может явиться кардинальная смена предпринимательской философии: не стремиться к большим деньгам, а гордиться индивидуальным лицом своего дела, интересностью и социальной востребованностью своего проекта. Но это возможно лишь в мелком и среднем предпринимательстве, а крупное предпринимательство требует таких вложений (в том числе не окупающихся) и таких рисков, которые «частник» может взять на себя только в надежде на сверхприбыли. Альтернативой остаётся государственная, плановая инновационная политика, «коммунизм идей», степень долгосрочной эффективности которого под вопросом.

Общество, обеспечивающее относительное равенство доходов, будет обречено на низкий экономический рост. Впрочем, именно такая стабилизация экономического роста, прежде всего в ядре капиталистической системы, предполагается экономистами этого неосоциалистического направления, прежде всего — Пикетти.

Еще один вопрос, который непременно ставит феномен неосоциализма, — это его соотношение с глобализацией. В неолиберальном мире глобализация является таким путём строительства мирового рынка, при котором издержки богатых и развитых стран перекладываются на бедные и неразвитые путём формирования подавляющих развитие «общих рынков». На этих рынках за бедняками всегда остаются лишь второстепенные участки технологических цепочек, а права на идеи и конечный продукт сохраняют развитые страны. Именно по такому принципу строятся Транстихоокеанское и Трансатлантическое партнёрства — это современная попытка закрепления вечной торговой гегемонии США.

Альтернативой этому экономическому глобализму является экономический национализм, всё более выраженный по мере снижения эко-

номического роста и возрастания неравенства. Страны, имеющие собственный производственный потенциал и ресурсы внутреннего рынка, будут стараться максимально отгородиться от мира — начиная от импорта и заканчивая мигрантами, чтобы сохранить свой уровень развития вопреки и за счёт других.

Именно эта националистическая альтернатива рассматривается как наиболее серьёзная опасность для неосоциалистического проекта, и его сторонники тратят массу сил на критику националистических и протекционистских концепций, на защиту смитианских догм теории «сравнительного преимущества», подталкивающих к международному разделению труда и формированию общих рынков.

Однако сохранение глобальных мировых рынков в сочетании с неосоциалистической политикой потребовало бы серьёзного «уравнивания состояний» в рамках всей планеты. Богатым странам пришлось бы так же, как и богатым людям, тратить значительную часть своего богатства на улучшение жизни бедных до уровня «в среднем по палате». По современным расчётам ВВП на душу населения это значит жизнь на уровне Турции или Мексики. Хотя на самом деле — гораздо меньше, поскольку значительная часть дохода и продукта в богатых странах создаётся только потому, что это — богатые страны,

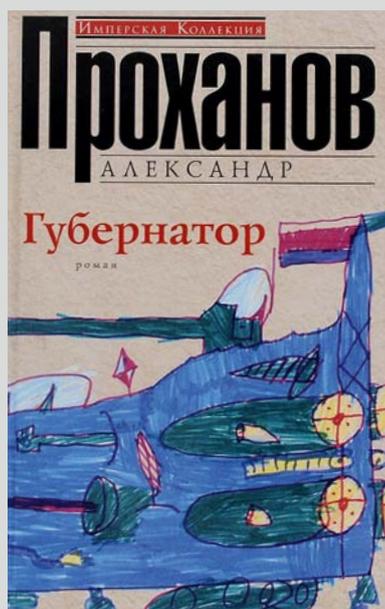
и веди они более скромный образ жизни, часть продукта в них попросту не создавалась бы.

Реально ли так «опустить» уровень жизни богатых стран и так поднять уровень бедных, чтобы хотя бы немного сгладить глобальное неравенство? Позвоительно в этом усомниться, особенно с учётом того, что целью для значительной части человечества является именно уровень жизни развитых стран, а не «среднее по палате». Людей во всём мире стимулирует мечта о «Лексусе», а не о «Запорожце».

И здесь мы снова сталкиваемся с фундаментальным противоречием социалистической мечты. Она одушевлена глобальной исторической тенденцией к равенству людей и установлению социальной справедливости. Но справедливость эта неизбежно оказывается усреднением, уничтожением крайностей кичливого богатства и кричащей бедности. Однако насколько эта ценность справедливости совместима с императивами развития, которые всегда ориентированы на некоторую экстремальность значений? Чтобы стремиться вперёд, нужно желание быть лучшим. Что невозможно без определённого «набора очков», в том числе и за счёт других.

Как совместить ценности справедливости и равенства и ценности развития — задача новым социализмом ещё не решённая.

Александр ПРОХАНОВ.

Губернатор. Роман. —

М.: Центрполиграф, 2016. — 320 с.

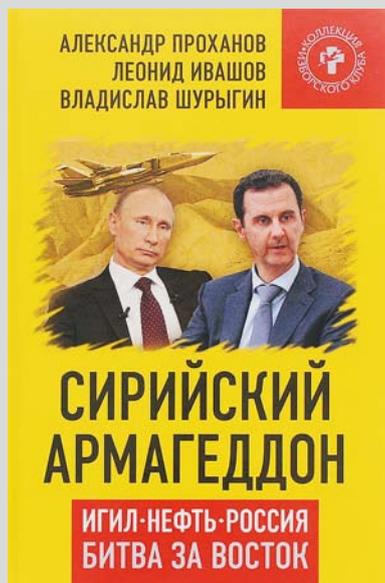
(Серия «Имперская коллекция»)

Новый роман написан в те дни, когда кругом назревают конфликты, падает экономика, человеческими душами овладевают уныние и разочарование. Главный герой романа — губернатор одной из русских областей, человек длинной воли. Однажды, затеяв огромное дело, возмечтав о народном счастье, поставив себе, казалось бы, неосуществимые задачи, он всю жизнь тратит на их решение. Ему встречаются грандиозные трудности: его предадут, на него пишут доносы, его почти убивают. Для губернатора сверхзадача его жизни — одухотворение железа, машины государства, построение царства справедливости. Губерния преодолевает свои границы, прорастает им-

перским цветком как знамение будущего.

Некоторые из глав регионов могут увидеть в образе губернатора свои черты, однако у этого образа нет одного прототипа, он, безусловно, собирательный.

В переплетении сюжетных линий романа пронзителен мотив жертвы, которую приносит народ ради преодоления исторической беды. Такой жертвой явился и сын губернатора Кирилл, который, оставив обучение в элитарном английском колледже, отправляется добровольцем в Донбасс, чтобы там погибнуть. Сцена путешествия погибшего Кирилла в лодке преисполнена высоким трагедийным символизмом — через смерть и жертву раскрывается связь русских эпох и пространств.

Александр ПРОХАНОВ,

Леонид ИВАШОВ,

Владислав ШУРЬГИН.

Сирийский Армагеддон. ИГИЛ. Нефть. Россия.

Битва за Восток. —

М.: Книжный мир, 2016. — 288 с.

(Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Станет ли конфликт в Сирии вратами к Армагеддону третьей мировой войны? Является ли он следствием «конфликта цивилизаций», или инспирирован «коллективным Западом» во главе с США для преодоления глобального кризиса путём «управляемой хаотизации» других регионов современного мира? Что такое ИГИЛ и кому оно угрожает? Почему, против кого и для чего Россия начала операцию своих Воздушно-космических сил в Сирии? Кто наши враги и кто наши союзники? Удастся ли Башару Асаду избе-

жать судьбы Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи? Почему Турция сбива российский самолёт, и каким будет ответ России? Состоится ли «размен» Сирии на Украину? Правы ли критики Путина у нас в стране и за рубежом? Станет ли резолюция Совета Безопасности ООН № 2254 (2015) «О положении в Сирии», принятая 18 декабря 2015 года, поворотным пунктом для урегулирования сирийского конфликта? На эти и многие другие вопросы, связанные с ситуацией на Ближнем Востоке и вокруг него, пытаются ответить авторы этой книги.

Михаил ДЕЛЯГИН.
Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить. —
 СПб.: Питер, 2016. — 320 с.

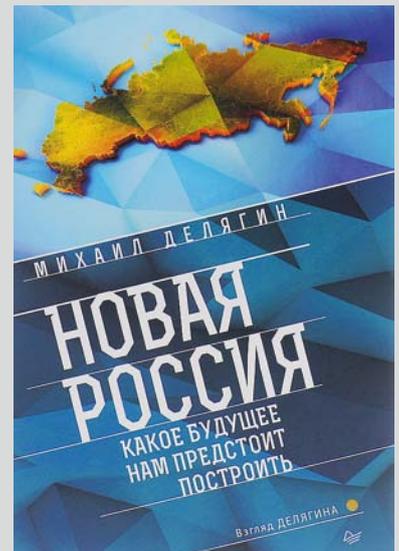
Более четверти века национального предательства мы жили в тени «старшего брата», стараясь заимствовать у него всё, что было в наших силах. Но Запад, как великая и продуктивная система, был построен прошлыми поколениями, а нынешнее не более чем потребляет, не развивая, их достижения. Так же как и мы потребляем достижения советской эпохи. И брать пример с сегодняшнего деградирующего Запада просто не в чем.

Мы как народ взрослеем после затянувшегося детства, а точнее, инфантильности, вызванной катастрофическим уничтожением Советского Союза, и начинаем управлять своей судьбой и своим будущим. Многие зависят от того выбора, который

предстоит сделать России. Мы должны входить в будущее с открытыми глазами.

Из книги вы узнаете: в чём будет заключаться глубинная трансформация экономики и какую роль в ней будут играть деньги? Возникнет ли наднациональное управление единым мировым рынком? Наступит ли Новое Средневековье и сохранятся ли сложные технологии? США, Китай, Россия, Глобальный Халифат — чем закончится конкуренция глобальных проектов? Как и по каким правилам мир будет выживать в глобальной депрессии? Что надо делать России, чтобы не проиграть битву за будущее?

От успешности действий России зависит будущее человечества в глобальной депрессии.

Владимир ОВЧИНСКИЙ,
Елена ЛАРИНА.
Роботы-убийцы против человечества.
Кибер-апокалипсис сегодня. —
 М.: Книжный мир, 2016. — 256 с.
 (Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Четвёртая производственная революция открывает нам дверь в новый прекрасный мир, где нас ждут чудеса науки и техники: новые источники энергии, столь совершенная медицина, что человека, вполне возможно, ожидает почти бессмертие, искусственный интеллект и услужливые роботы: роботы-слуги, роботы-врачи, роботы-шоферы...

Роботы-солдаты, которым безответственные политики и военные выдают лицензию на убийство человека! — уверены Елена Ларина и Владимир Овчинский.

США, ЕС и другие западные страны уже вовсю готовятся вы-

пустить на поле боя настоящих терминаторов, не имеющих эмоций, не знающих милосердия. ООН и другие международные организации бьют тревогу, пытаются остановить грядущую бойню между людьми и машинами — но генералы непреклонно ведут мир к кибернетическому апокалипсису.

Как обстоят дела с разработками боевых роботов на Западе и в России? Можно ли предотвратить создание роботов-убийц? Откуда боевые роботы появились у террористов в ИГ? Эта книга покажет читателю самые мрачные варианты грядущего.

Хронология мероприятий клуба

31 января – 5 февраля 2016 года

Фото: редакция «ИК»

Изборцы на Бушерской АЭС.

15–16 января 2016 года

Делегация Изборского клуба во главе с **Александром Прохановым** посетила Орловскую область. В составе делегации были также постоянные члены клуба **Олег Розанов, Валерий Коровин, Юрий Богданов**, эксперты клуба и руководители его региональных отделений. В эти дни в Орле было открыто отделение Изборского клуба, которое возглавил генеральный директор «АИЖК Орловской области» **Сергей Кочергин**.

В ходе визита прошла встреча изборцев с главой региона **Вадимом Потомским**, посещение Мценского района, где были возложены цветы к мемориалу танкистам-гвардейцам у деревни Первый Воин, а также состоялось знакомство с деятельностью ОАО «Мценское» — одного из крупнейших агропромышленных предприятий Орловщины. В областном центре делегация Изборского клуба посетила ЗАО «Протон-Электротекс», чья продукция (полупроводниковые приборы) не только обеспечивает внутренний спрос, но и экспортируется в десятки стран мира, включая США, Англию, Германию, Францию, Италию, Китай, Индию, Норвегию. Изборцы побывали на слиянии рек Оки и Орлика в месте, где был основан Орёл, посетили орловский Военно-исторический музей. Также члены Изборского клуба встретились с духовником Святейшего Патриарха Кирилла старцем Илием.

В Универсальной фундаментальной библиотеке Орловского государственного университета состоялся круглый стол на тему «**Духовная мобилизация**», в работе которого приняли участие губернатор области Вадим Потомский, первый заместитель губернатора Александр Бударин, члены правительства Орловской области, депутаты Орловского областного Совета народных депутатов, преподаватели и студенты Приокского государственного университета во главе с ректором Ольгой Пилипенко, представители духовенства, общественности Орловщины. Материалы заседания см. в настоящем номере.

16 января 2016 года

В Брянской областной научно-универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева прошла презентация двух книг члена Изборского клуба **Валерия Коровина** «Конец проекта «Украина» и «Россия: на пути к империи».

20 января 2016 года

В залах спорткомплекса «Олимпийский» состоялась презентация книги **Сергея Глазьева** «Последняя мировая война: США начинают и проигрывают», приуроченная к 55-летию автора. В презентации приняли участие председатель Изборского клуба **Александр Проханов**, экс-премьер-министр Российской Федерации **Сергей Степашин**, многие известные гости, члены и эксперты Изборского клуба.

По приглашению Института политических и международных исследований МИД Ирана и при содействии посольства Ирана в России состоялся визит делегации Изборского клуба в Исламскую Республику Иран в составе: **Александр Проханов, Виталий Аверьянов, Леонид Ивашов, Валерий Коровин, Александр Нагорный, Шамиль Султанов**, а также арт-директор журнала «Изборский клуб» **Василий Проханов**. В ходе визита изборцы приняли участие в конференции «Иран и Россия в меняющемся мире», где представили развёрнутые доклады, провели встречи и дискуссии в целом ряде научных центров Тегерана и священного города Кум с персидскими дипломатами, философами, богословами, политологами, экономистами и др.

Во второй части визита делегация Изборского клуба посетила комплекс с усыпальницей аятоллы Хомейни, а затем направилась на юг Ирана в провинцию Бушер, где побывала на Бушерской АЭС, а также на нефтегазовых предприятиях крупнейшего в мире месторождения «Южный Парс». В ходе поездки изборцы общались с губернатором Бушера, деловой элитой региона.

Были заключены договорённости о начале стратегического сотрудничества Изборского клуба с экспертными структурами МИД Ирана, крупнейшим исламским университетом Аль-Мустафа (город Кум) и другими научными центрами.

4 февраля 2016 года

В офисе региональных представительств Изборского клуба на Ильинке прошёл круглый стол «**Историческая и метафизическая миссия России как хранительницы традиционных ценностей**». В работе круглого стола приняли участие постоянные члены и эксперты Изборского клуба, руководители и члены региональных отделений клуба, архиепископ Витебский и Оршанский Димитрий, иеромонах Феофан (Кратиров) из города Донецка, председатель Союза православных граждан, главный редактор журнала «Православная беседа» Валентин Лебедев, другие гости.

/ Нина КАРТАШОВА /

«Но мы убелены самой Россией...»

* * *

Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу.
Да только жить спокойно не дают,
Конец готовят русскому народу.

Но за уют я не пойду в полон,
Напрасно ворон надо мною кружит,
Как испокон, я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружие.

МОСКВА-92

Рост ростовщичества, мистерия разврата,
Надменна нечисть, воровством богата.
А из метро, из смрадного подвала
Москва к станкам рабочих подавала.

Арбатом правят шайки, попрошайки,
Матрёшки, ложки, плошки, балалайки.
Торгуют честью русского мундира,
Элиту лепят из отбросов мира.

Невольничьего рынка стон и грохот,
Развратный дух и сатанинский хохот.
Потеряны все чувства и все меры.
Какой ты нации, Москва? Какой ты веры?

* * *

Разрывают Россию на части,
И заступника больше ей нет!
Где наш царь? Или вождь? Или пастырь?
Где наш русский великий поэт?

Извели, уничтожили лучших,
Остальные и сами поймут,
Сами внуков бояться научат,
Сами слово и совесть распнут.

Лезут вверх по смертям негодяи,
И задобренный пастырь молчит,
Вор на воре вором погоняет,
По колено в крови палачи.

Всё по плану. Но в Промысле Божьем
Есть победа над смертью Христа,
Если только поверить мы сможем
В милость Божью и силу креста...

БИОГРАФИЯ

Нина КАРТАШОВА

Поэт, член Союза писателей России, журналист, многолетняя ведущая литературно-музыкальных концертов и вечеров. Лауреат ряда премий, в частности св. Александра Невского, Ивана Ильина, Гран-при фестиваля «Ангельский глас Руси».

Родилась 1 января 1953 года в посёлке спецпереселенцев на Урале в Верхотурье. Со стороны матери происходит от псковско-новгородских крестьян, раскулаченных в 1929 году, со стороны отца — из дворян. Воспитывала её бабушка-монахиня (из княжеского рода), так как мать Нины

умерла, когда девочке было 6 лет. На Урале Нина Васильевна окончила общеобразовательную и музыкальную школы, потом в Ленинграде музыкально-педагогическое училище и Высшие литературные курсы. В 18 лет вышла замуж и поселилась в Подмосковье. Работала преподавателем в детской музыкальной школе и Московском камерном хоре.

Стихи писала с детства. Её первая публикация в №9 за 1990 г. в журнале «Наш современник» вызвала горячие отклики читателей, и с тех пор её стихи часто появляются в периодических изданиях, а затем и в многочисленных поэтических сборниках.

* * *

Огрубели сердца, осквернились все чувства
И коммерческий грех воспеваает искусство.
И реклама блудниц, и прелестных, и грязных,
Бес-подобных, без-образных и безобразных.

Всё за деньги. Невежество, образование.
Всё за деньги. И даже Святое Писанье.
И торгуют мальчишки, старухи во прахе.
Нынче с миру по нитке — не будет рубахи.

Нынче милость и та на торгах продаётся.
Нынче слово и то даром не подаётся.
И влюблённых не стало. И нет идеала.
И земля, как жена, нынче плод не давала...

* * *

Плачут Богородицы образа,
Если их целует Искарот.
Я гляжу открыто в твои глаза,
Спрашиваю прямо, где мой Народ?

Нищета и грязь, воровство и ложь,
И опять строительство на песке,
И опять в колодец свой ты плюёшь,
Сидя на своей гробовой доске.

Бесконечен круг, безнадёжен рок.
Но Россия нас бережёт в горсти,
Если плачут иконы, то помнит Бог!
Он вернёт Народ на свои пути.

* * *

Подменили России детей,
Вот чужих она кормит и поит.
И они, непохожие с ней,
Ни добра, ни заботы не помнят.

На запчасти родимых сирот
Препарировали и раскромсали.
Подменили России народ,
Уцелевшие вымрут сами?

Только Бог не оставил нас,
Сохранил, воспитал и поднял.
Уцелевшие! Пробил час —
Затворить врата Преисподней.

* * *

Приподнятый славянский нос,
И детский рот неискушённый,
И лёгкость русая волос,
И лоб от мира отрешённый.

Но шеи гордость и изгиб,
Плечей покатая картинность —
Не девственный, а женский тип.
Но всё-таки и в нём невинность.

И взгляд души не подавлён
Тенями красок и страстями,
Он чистотою ограждён,
Как будто осенён крестами.

* * *

Я поцелую землю на прощанье.
Взойду по трапу. Жутко оглянусь
На это оскуденье, обнищанье,
На этот свет, моя Святая Русь...

Я не могу лететь. Сойду обратно.
Пусть будет мне, как всем, здесь тяжело,
Пусть будет мне страдать с тобой отраднo,
Пусть будет мне во тьме твоей с в е т л о.

Святая Русь! Опять с народом нищим
Я остаюсь в беде, в трудах, в постах,
Святая Русь! Всё строже и всё чище
Звучат твои стихи в моих устах.
И что с тобою — то со мною будет!
И по тебе меня Господь пусть судит.

* * *

Как все продумано, как злобно отработано
В глубинах опрокинутых систем.
Всё роздано чужим, всё наше продано,
И в спину нож: **нет русских — нет проблем.**

Мне больно, я кричу, пытаюсь вырваться,
Захлёбываюсь в собственной крови.
Крест перевернут вниз: «А ну, не рыпаться!
Пиши стишки о счастье и любви!

И запиши; с законом ознакомлена,
И распишись: о тайном промолчишь.
Сопротивляться больше не позволено.
Ты! Экстремистка! Ты ещё кричишь?»

Я падаю убитая, безмолвная,
Чтоб встать за Русь уже на Божий Суд,
Где воинство Христа сверкнёт, как молния,
И гром нагрянет: русские идут!

* * *

Мужчины, встать! Равнение на Честь!
Она одна, а подлецов к барьеру,
Непобедима Русь, пока вы есть,
А Честь дороже жизни офицеру,

Не привыкать вам жертвовать собой,
Не позабыть и нам былую славу.
Встать — и вперёд! Идет духовный бой
За наш Народ, за Русскую Державу.

Открытый бой и тайный бой идёт,
Не уроните ж доблести и Чести.
Встать — и вперёд! Россия не умрёт.
А если и умрет, то с нами вместе,

А если и умрёт — воскреснет вновь!
И не такие одолели беды.
Была бы только к Родине любовь,
А русские воюют до победы!!!!

ЗА РУСЬ СВЯТУЮ!

К порядку мировому подвели?
Но Каину воздастся окаянство.
Без нации нет родины-земли,
Есть территорий мертвое пространство.
Смешенье рас, культур и языков,
И князю мира рабское служенье,
Безумие времен, конец веков,
О чем и было предостереженье.
Спасение одно — противостать
Духовному насилию чужому.
Народ! Тебя Господь разыскал опять
К порядку русскому, не мировому.
Ведь дух нечистый входит даже в храм.
Закрой врата, чтоб нас не одолели,
И не давай своей святыхи псам,
Чтобы они тебя потом не съели.
Храни национальный строй и лад,
Люби своих, иуд казни презреньем.
За Русь Святую! Ангелы стоят
За нашу веру грозным ополченьем.
Ни элина, ни иудея несть?
Но только во Христе они нам братья.
За веру предков встать наш долг и честь,
И умереть за это наше счастье!

* * *

С распятым древним, родовым в деснице
Благословлю, как мать и как сестра, —
Последний бой, покой уже не снится.
Мужи и братья, сыновья! Пора.
Пусть ваши светлые и праведные лики
Ни страх, ни стыд, ни скорбь не омрачит —

Да будет день во всех веках великий,
Да будет вера — меч, да будет правда — щит.
Не отступлю в любви я и в молитве.
Господь! Мы достояние Твоё,
Победу даруй правым в страшной битве.
Жизнь кончилась — настало житиё.

* * *

Нет! Соль земли не вы, а воины Христа!
Не транснациональная элита,
Которая у пахаря хлеб вырвет изо рта,
Которой выгодно, что Истина сокрыта.
Нет, соль у вас не та — на вкус тошна,
Хоть массы травятся, безумствуют витии.
Но нам вина чужая не нужна.
Свои есть грешники. И есть святые.
Святые, да! Пусть многое болит,
Но церковь молится, и Бог нас не оставит,
Бог по делам рассудит и управит,
И Духом Истины народы осолит.

В ОБИТЕЛИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Народ всегда — и день и ночь
Идет к святыне чудотворной,
Везет старик калеку-дочь,
Идёт монах в одежде чёрной,
Ведёт себя сквозь стыд студент,
Грядёт угрюмый диссидент,
Бредёт турист или юрод —
Ведь верит все-таки народ!

Преподобный отче Сергие, прости нас,
Что мы молим каждый за себя,
В лучшем случае, за дочь или за сына,
В лучшем случае, скорбя или любя...
Преподобный отче Сергие, в Россию
Высадился новый легион —
Нам не распознать, наш дух бессилен,
Без конвоя нас ведут в полон.
Затяну потуже древний пояс,
На котором вещие слова.
Отче Сергие! Живая наша помощь!
Собери нас силою родства.

ЧИТАТЕЛЮ

Я — здесь, с тобой, далёкий ближний друг!
Прими в себя мой мир, прими мой дух,
Раскрой стихов бесхитростных листы,
Побудем вместе, друг мой, я да ты.
И где есть двое — третьим только Бог.
Пускай слова убоги — смысл глубок.
Далёкий ближний! Мир тебе и свет!
Прими стихи — ведь ты теперь воспет.

* * *

Вл.И. Милосердову

Держитесь, братья! Это лишь начало.
А смерти нет. Не бойтесь умереть.
Торжественная солнечная медь
Седьмой трубы архангела звучала:
Держитесь, братья, это лишь начало.

Коричневым и красным метят нас,
Но мы убелены самой Россией.
Но мы опять страданья пересилим,
И не опустим рук, и не закроем глаз.
Держитесь! Скоро грянет грозный час.

Так говорю. И пусть меня сметут.
Смешают с красными, коричневыми в чёрном.
Ты принимаешь над собою суд?
Народ Святой Руси! Кому покорный
Да лгут тебе опять! От страха лгут,
Что ты узнаешь правду и увидишь правых,
Увидишь левых, крашенных, лукавых,
А ну, исчезнет дым? И будет всё открыто —
И чёрной скорби встанет белизна!
Давно ведётся тайная война.
К Возмездию! Священный долг — защита!
Держитесь, братья, Бог благословит.
Теперь Открытый Бой. Кто честен — победит.

* * *

Последних капель поцелуй,
Как легкий ландыш на щеке.
И снова голуби воркуют
На ярком от дождя песке.

Прошла гроза, клубятся воды,
Двойная радуга парит!
И дышит почва диким мёдом,
И лес листвою говорит.

Нелепый старый дом кирпичный
Дождём и светом обновлён,
Стал непривычный, необычный —
Хозяин молод и влюблён.

И та, которая здесь будет
Растить цветы, детей — поймёт,
Что Божий мир так прост и чуден:
Дождь, радуга, и труд, и пот.

* * *

И тверди, и хляби небесные,
И горы, и доли понизились —
Опять испытания крестные
Вплотную к России приблизились.

Не стыдно ли, братья, нам ссориться?
Друг друга врагам оговаривать?
По людям с сумою позориться
Да дедовы земли раздаривать?

Над нами же враг потешается,
И честный за нас не заступится.
Ведь братская кровь не прощается
И только лишь кровью искупится.

* * *

Ступай на четыре свободные стороны,
Брось крест непосильный, души перегрузки...
Что есть у нас здесь? Или мы завоёваны?
Но всё же покуда пишу я по-русски!

И слово моё — наша древняя Слава.
Так вспомни, о чём мы сегодня забыли:
У нас на Россию священное право.
Законный наследник Донского не ты ли?

А если велик и далёк этот ратник,
То вспомни поближе, хоть бабкину малость:
Сменила кисейное платье на ватник,
Усадьбы сторели, но почва осталась!

* * *

Как хороша в заре Первопрестольная!
Играют купола, колокола.
Была ты вольная, была крамольная,
Бела и белокаменна была.

Москва боярская, купеческая, царская!
В родном снегу, в лазоревом цвету.
Москва бунтарская, кумачно-пролетарская,
Вновь опрокинутая в пыль и в суету.

Москва прекрасная, и белая, и красная.
Снисходит в Кремль победная заря —
Хранит венец царица самовластная
Для русского народного царя.

